

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва»

На правах рукописи

Тремаскина Олеся Александровна

**МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА ECONOMIC CONFLICT
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Трофимова Юлия Михайловна

Саранск – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Моделирование как объект лингвистических исследований	12
1.1. Понятия «модель» и «моделирование» в отечественном и зарубежном языкознании	12
1.2. Лингвокогнитивная плоскость моделирования	23
1.3. Этапы моделирования концепта	31
1.4. Лингвистические феномены «экономический медиадискурс» и «экономический медиатекст» в аспекте соотношения понятий	41
1.5. Экстралингвистические основы изучения экономического конфликта в англоязычном медиадискурсе	52
Выводы по главе 1	59
Глава 2. Модель концепта ECONOMIC CONFLICT в англоязычном экономическом медиадискурсе	61
2.1. Вербальное проявление ядра и ближней периферии концепта ECONOMIC CONFLICT	61
2.2. Метафорическое моделирование концепта ECONOMIC CONFLICT	73
2.3. Модель концепта ECONOMIC CONFLICT в контексте языковых и неязыковых факторов	84
2.4. Моделирование концепта ECONOMIC CONFLICT на базе синтагматического анализа	100
Выводы по главе 2	111
Глава 3. Реализация концепта ECONOMIC CONFLICT в соотношении с другими концептами англоязычного медиадискурса	114
3.1. Взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS	114
3.2. Взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и POLITICS	128
3.3. Взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и SOCIAL CONFLICT	140

3.4. Взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и COUNTRY	148
Выводы по главе 3	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
Список использованной научной литературы	166
Список словарей и справочной литературы	186
Список источников фактического материала	189

ВВЕДЕНИЕ

Изучение языковых репрезентаций непосредственно ненаблюдаемого внеязыкового явления позволяет раскрыть мыслительные процессы при его осознании и вербальном отражении. Эти процессы сложны и подвижны, они раскрываются через моделирование когнитивных структур, воссоздающих концепт соответствующего явления в его вербальной форме. Когнитивное моделирование подразумевает учет широкого спектра лингвистических явлений, поэтому в работе при моделировании концептов большое внимание уделяется самым разным лингвистическим аспектам.

Конфликт в экономике – явление, вполне ощущаемое всеми, однако он интерпретируется только средствами языка, на основе которых и осознается. Вербальные индикации, являясь единственным показателем осознания человеком внеязыкового явления (в данном случае экономического конфликта), допускают построение модели концепта ECONOMIC CONFLICT, отражаемой в том или ином источнике вербальной коммуникации.

Феномен «англоязычный экономический медиадискурс», рассматриваемый как совокупность экономических медиатекстов на английском языке, представляет собой новую область информативных ресурсов, заключающих в себе разнообразные направления деятельности не только для лингвистов, но и для исследователей, занимающихся смежными с языкознанием науками. С лингвистической точки зрения открывается возможность исследовать ценнейший источник богатого и интересного языкового материала, отражающего современные тенденции развития английского языка.

Степень разработанности темы исследования. Обращение к репрезентации экономического конфликта в англоязычном медиадискурсе продиктовано растущим интересом современной лингвистики к более углубленному анализу ненаблюдаемых внеязыковых явлений действительности во всем многообразии форм их манифестации. Данная работа выполнена в русле проблематики когнитивного моделирования и развивает его методику на

материале актуализации концепта ECONOMIC CONFLICT в англоязычном медиадискурсе.

Проблемы моделирования как научного метода исследования были рассмотрены такими отечественными авторами, как З. Д. Попова, И. А. Стернин [Попова, Стернин 2001; 2007; 2010], М. Ф. Панкина [Панкина 2006], Т. А. Демешкина [Демешкина 2006], В. В. Богуславская [Богуславская 2008], К. И. Белоусов [Белоусов 2010], А. А. Лепеньшева [Лепеньшева 2011], Ю. В. Поветкина [Поветкина 2012], В. Н. Кинякин, Н. В. Задохина [Кинякин, Задохина 2015], И. В. Дорофеева [Дорофеева 2015], О. А. Кистанова [Кистанова 2017], В. М. Савицкий [Савицкий 2017; 2018] и др. В частности, попытка анализа когнитивной составляющей моделирования предпринимается в трудах Н. Н. Скрипниковой [Скрипникова 2001], Л. Х. Хараевой [Хараева 2007], И. Н. Ремхе [Ремхе 2007; 2015; 2016], Т. А. Ширяевой [Ширяева 2006; 2008; 2009], Л. В. Екшембеевой [Екшембеева 2013], С. Б. Хабибуллиной [Хабибуллина 2014], О. А. Костровой [Кострова 2018], В. Д. Шевченко [Шевченко 2019, 2020]. Проблема изучения моделирования фразеологических единиц затрагивается в работах В. М. Савицкого [Савицкий 1993], А. Е. Гусевой [Гусева 2008], Н. В. Куликовой [Куликова 2013], А. Е. Черниковой [Черникова 2015]. Среди исследователей проблематики метафорического моделирования необходимо упомянуть таких авторов, как Е. С. Белов [Белов 2011], Т. А. Шабанова [Шабанова 2013], И. А. Волошкина [Волошкина 2015], С. С. Кривцова [Кривцова 2018]. К числу зарубежных лингвистов, внесших вклад в исследование моделирования, следует, прежде всего, отнести D. Adger [Adger 2002], W. Rotgé [Rotgé 2002], E. Chown [Chown 2004], K. Geoffrey Pullum [Pullum 2007], R. Sun [Sun 2008], R. M. Nefdt [Nefdt 2016].

Несмотря на многообразие взглядов ученых на потенциальные возможности моделирования и особенностях его применения в лингвистике, описание концепта ECONOMIC CONFLICT через призму идей когнитивного моделирования открывает новые горизонты в изучении данного феномена, а также знаменует собой дальнейшее развитие представлений лингвистов о

когнитивном моделировании в английском языке. Именно данное обстоятельство и предопределило выбор темы диссертации.

В свете сказанного **актуальность** данного исследования определяется возрастающим интересом современной лингвистики к изучению когнитивных процессов в вербальной коммуникации. Своевременным представляется обращение к англоязычному медиадискурсу в силу его доступности широкому кругу лиц и постоянной обновляемости. Актуальным является также развитие в пределах исследуемой темы метода когнитивного моделирования, позволяющего более глубоко и всесторонне осмыслить явления, скрытые от непосредственного наблюдения, и, в частности, выстроить модель концепта ECONOMIC CONFLICT, а также установить его детерминированность другими важными явлениями и объектами действительности – экономическим кризисом, политикой, социальной сферой и государством.

Объектом настоящего исследования является концепт ECONOMIC CONFLICT с позиции когнитивного моделирования.

В качестве **предмета** исследования выступают вербальные репрезентанты концепта ECONOMIC CONFLICT, зафиксированные в англоязычном экономическом медиадискурсе.

Цель диссертационной работы заключается в построении модели концепта ECONOMIC CONFLICT, актуализированного в англоязычном медиадискурсе. Попутно решается вопрос об окружении модели, о влиянии на нее моделей других концептов, таких как ECONOMIC CRISIS, POLITICS, SOCIAL CONFLICT, COUNTRY.

Достижение поставленной цели определило постановку следующих **исследовательских задач**:

1) рассмотреть сущность моделирования концептов в англоязычном медиадискурсе, являющегося основой для данного исследования, с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов;

2) выявить средства репрезентации концепта ECONOMIC CONFLICT в англоязычном медиадискурсе;

3) проанализировать особенности метафорического моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT;

4) смоделировать структуру концепта ECONOMIC CONFLICT;

5) установить взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT, ECONOMIC CRISIS, POLITICS, SOCIAL CONFLICT, COUNTRY в словесной ткани современного англоязычного экономического медиадискурса посредством построения их моделей.

Материалом исследования послужили медиатексты экономической тематики из печатного и электронного англоязычного издания “The Financial Times”, относящиеся к периоду 2017–2019 гг. Выбор издания, отражающего экономические процессы с наибольшей полнотой и оперативностью, обусловлен авторитетностью и широкой читательской аудиторией. Объем проанализированного материала составил около 2100 слов и словосочетаний, репрезентирующих концепт ECONOMIC CONFLICT в англоязычных медиатекстах.

Теоретико-методологическую базу работы составляют положения, выдвинутые в трудах ведущих отечественных и зарубежных ученых по когнитивной лингвистике (Н. Н. Болдырев, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, W. Croft, D. A. Cruise, V. Evans, M. Green, L. Talmy, J. R. Taylor), модельной лингвистике (Е. С. Белов, К. И. Белоусов, В. В. Богуславская, А. Е. Гусева, Т. А. Демешкина, Е. В. Иванова, Н. А. Мишанкина, Ю. В. Поветкина, И. Н. Ремхе, Н. Ю. Шнякина, D. Adger, E. Chown, R L. Lewis), концептологии (В. И. Карасик, М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов), медиадискурсивным исследованиям (Т. Г. Добросклонская, Е. А. Кожемякин, Е. Г. Петушинская, В. Е. Чернявская).

В работе наряду с **методом** когнитивного моделирования использованы элементы когнитивно-дискурсивного и контекстуального анализа для выявления фрагментов и интерпретации содержания англоязычного экономического медиатекста, концептуальный анализ, анализ лексического значения слова в

дефинитивном варианте, метод количественных подсчетов, модельный способ представления результатов исследования.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что полученные выводы вносят вклад в дальнейшее развитие когнитивной лингвистики в целом и, в частности, когнитивного моделирования, а также теории дискурса и, в особенности такой его разновидности, как медиадискурс. Исследование позволит также заполнить некоторые лакуны, связанные с модельным изучением англоязычных медиатекстов экономической направленности.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования результатов исследования при подготовке курсов лекций и семинаров, учебных материалов по языкознанию, деловому английскому языку, методологии филологии, а также разнообразных спецкурсов по лингвоконцептологии и анализу медиадискурса. Вместе с тем, построенные в диссертации модели концептов могут быть применены при разработке систем автоматической рубрикации англоязычных медиатекстов и автоматизированной лингвистической обработки больших объемов текстовых данных.

Научная новизна диссертационного исследования предопределена ее актуальностью и состоит в детализированном подходе к исследованию концепта ECONOMIC CONFLICT в англоязычном медиадискурсе с позиции когнитивного моделирования, а также в использовании актуального языкового материала, отражающего последние события, которые происходят в экономической, политической и социальной сферах. Изучение англоязычного экономического медиадискурса осуществляется главным образом в рамках системного и многоаспектного описания, что еще не находило отражения в практике когнитивного моделирования. Новизна исследования обусловлена также тем, что вербальная репрезентация концепта ECONOMIC CONFLICT в формате англоязычного медиадискурса на настоящий момент еще не была выявлена.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что в англоязычном медиадискурсе концепт ECONOMIC CONFLICT выступает как

явление, недоступное непосредственному наблюдению, выявить и описать которое представляется возможным только при построении модели, базирующейся на особенностях его вербальной репрезентации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Моделирование концепта ECONOMIC CONFLICT исходит из рассмотрения экономического конфликта как референта, актуализированного в лексикографических источниках и фрагментах англоязычных медиатекстов. Схема моделирования детерминирована фактором субъективности, фактором событий текущего момента, диахроническим и культурологическим факторами.

2. Вербальная экспликация концепта ECONOMIC CONFLICT происходит на уровне прямых и переносных номинаций, маркированных негативной коннотацией. Частное проявление экономического конфликта в англоязычном медиадискурсе сужается до торговых войн, а также затрагивает сферы информационных технологий, цифрового пространства, безопасности.

3. Модель концепта ECONOMIC CONFLICT обнаруживает себя как структура, характеризуемая иерархией когнитивных признаков, локализованных в его ядре, ближней и дальней периферии. В построении дальней периферии задействовано метафорическое моделирование.

4. Концепт ECONOMIC CONFLICT находится в окружении таких концептов, как ECONOMIC CRISIS, POLITICS, SOCIAL CONFLICT, COUNTRY, взаимодействуя с ними на лексическом и на подтекстовом уровнях и демонстрируя процесс интердискурсивного взаимодействия, а также обмен когнитивными признаками.

5. В совокупности с другими концептами, окружающими концепт ECONOMIC CONFLICT, его модель предстает в виде многослойного образования, ядро которого находится в постоянной взаимосвязи с моделями тематически однородных концептов, репрезентирующих экономический кризис, политику, социальную сферу, государство.

Апробация результатов исследования осуществлялась в форме участия в научно-практических конференциях: Огарёвские чтения (Саранск, 2015–2019 гг.),

научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, 2016–2019 гг.), 2-ая Международная научно-практическая конференция «Юность и знания – гарантия успеха» (Курск, 2015 г.), Международная научно-практическая конференция «Язык и языковое образование в современном мире» (Нижний Новгород, 2016 г.), Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Иностранные языки в диалоге культур» (Саранск, 2017 г.), XII Международная научно-практическая конференция «Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы» (Стерлитамак, 2017 г.), X Международная научно-практическая конференция «Вопросы языковой динамики, переводоведения и лингводидактики в когнитивном аспекте» (Чебоксары, 2018 г.), I Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы» (Орел, 2019 г.), XXVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 2019 г.), II Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты» (Санкт-Петербург, 2019 г.), III Международная научно-практическая конференция «Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода» (Пенза, 2019 г.), XIV Международная научно-практическая конференция «Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы» (Самара, 2019 г.), XXVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 2020 г.).

Основные положения диссертационного исследования изложены в двадцати двух публикациях, шесть из которых опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ (Петрозаводск, 2017 г., Йошкар-Ола, 2018 г., Воронеж, 2018 г., Тамбов, 2019 г., Москва, 2019 г., Архангельск, 2020 г.).

Объем и структура работы. Диссертация объемом 196 страниц состоит из введения, трех глав с последующими выводами, заключения, списка использованной научной литературы, включающего 180 источников, списка словарей и справочной литературы, списка источников фактического материала. Первая глава представляет собой теоретическое обоснование основной проблематики работы. Вторая глава посвящается моделированию концепта ECONOMIC CONFLICT. В третьей главе исследуется объективация вышеуказанного концепта в континууме разнообразных явлений на предмет их взаимодействия в англоязычном экономическом медиадискурсе. В заключении излагаются результаты исследования. Текст работы снабжен 4 рисунками.

ГЛАВА 1. МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данной главе рассматриваются понятия «модель» и «моделирование», выявляются различные направления их исследования, изучается лингвокогнитивный подход к моделированию англоязычного экономического медиадискурса, этапы моделирования концепта, устанавливается взаимодействие медиадискурса и медиатекста в лингвистической реальности, изучаются экстралингвистические основы когнитивного моделирования.

1.1. Понятия «модель» и «моделирование» в отечественном и зарубежном языкознании

Современная лингвистика все чаще обращается к термину «моделирование» и, в особенности, к когнитивному моделированию. Что касается последнего, то необходимо отметить, что, как и все новое в языке, он еще не обрел своего окончательного толкования. При его трактовке лингвисты исходят из того факта, что значительное количество явлений в языке подчиняется общим законам и строится по определенным моделям, существование которых вполне объективно, хотя непосредственно не наблюдаемо. Велико их проявление в языковых феноменах текстового формата и, в особенности, в дискурсе.

В данном параграфе предпринимается попытка проиллюстрировать диахроническую изменчивость понятий «модель» и «моделирование», указывающую на эволюцию данных феноменов в теории по степени их изученности, и тем самым предварить также вопрос о когнитивном моделировании.

Долгое время господствовала точка зрения, что языковые явления не поддаются моделированию. В лингвистической литературе появление данного понятия относится к началу XX в. и связано с именами К. К. Бюлер, З. З. Харрис, Ч. Хоккет [Цит. по Жеребило 2007: 48]. Представители структурной лингвистики,

разрабатывая методы моделирования и синхронного описания языка, не ставили перед собой цели создания общей лингвистической теории. Широкое использование в научном узусе терминологии для описания моделирования связано с возникновением в 1950–1960 гг. математической лингвистики и проникновением в науку о языке идей кибернетики. Полагаем, что появление терминов «модель» и «моделирование» могло стать предпосылкой становления модельной лингвистики.

Представляется необходимым также отметить, что в большинстве работ по языкознанию термины «моделирование» и «модель» рассматриваются отлично от их трактовки в неязыковых исследованиях. На этом фоне особенно заметно то, что лингвистическое моделирование имеет свои специфические особенности. Первоначально содержание термина «модель» в лингвистике в значительной мере охватывалось термином «теория». При этом лишь эксплицитно изложенная и в достаточной степени формализованная теория заслуживала наименования «модель» [Булыгина, Крылов 1998: 304].

В настоящее время моделирование предполагает исследование каких-либо явлений, процессов или систем объектов путем построения и изучения их моделей. Модель же, в свою очередь, определяется как изложенное в той или иной форме абстрактное представление реальности, предназначенное для представления определенных аспектов этой реальности [Глоссарий по информационному обществу 2009: 80].

Развивая вопрос о сущности лингвистических феноменов «модель» и «моделирование», отметим, что Ю. В. Кравцова в одной из своих работ упоминает проблему их детерминологизации. Исследователь отмечает, что понятия становятся аморфными [Кравцова 2014]. По мнению И. Н. Ремхе, с одной стороны, широкий спектр исследований, посвященных моделированию, придает термину «модель» универсальность. С другой стороны, данный факт позволяет ученым находить все новые грани данного понятия и использовать его неисчерпаемый потенциал [Ремхе 2007: 94].

Следует подчеркнуть, что воспроизведение моделей языковых объектов не сводится к простой схематизации. Так, к примеру, В. А. Штофф под моделью понимает такую мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая, воспроизводя или отображая объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте [Штофф 1996: 19]. Акцентируем внимание на таком компоненте приведенного выше определения как «новая информация». При исследовании англоязычных медиатекстов важно принять к сведению тот факт, что заложенная в медиатекстах информация об экономическом конфликте будет новой по сравнению с информацией, заключенной в его словарных дефинициях. Она будет также обнаруживаться во включенных в медиатекст высказываниях, где каждый говорящий понимает конфликт по-своему. Данный факт указывает на мобильность когнитивных структур, подробное освещение которых сосредоточено в практической главе диссертационного исследования.

Одно из интересных с точки зрения лингвистики определений термина «модель» было изложено в труде А. Ф. Лосева. Исследователь сравнивает модель с граммофоном. Автор отмечает, что модель – это не только структура, подобно тому, как граммофон – это не только не структура речи и пения. Важен тот факт, что граммофон представляет собой именно осуществление этой структуры речи, ее реальную жизненную репродукцию [Лосев 2004: 30]. По его мнению, модель не должна сводиться к смысловому построению без внедрения данного смысла в материальную действительность. Кроме того, А. Ф. Лосев предлагает обязательное выделение в языковой модели таких моментов, как принцип структуры объекта; сама структура объекта; структура, данная в деталях; перенесение данной структуры на новый объект и соответствующая организация этого объекта [Там же].

Изучение научных трудов, посвященных лингвистическому моделированию, указывает на то, что моделирование в языкознании, как собственно и сам термин «модель», сталкивается с рядом трудностей. В исследуемой проблематике центральным становится вопрос о трактовке данного

термина ввиду его широкого использования и наличия у него различных смысловых значений. Применение метода моделирования распространено в современной лингвистике, однако вопросы о его сущности, возможностях применения, определении статуса и границ описания моделируемого объекта остаются открытыми [Кравцова 2014: 181].

Необходимость использования метода моделирования в лингвистике обуславливается тем, что в этой научной области объект исследования недоступен прямому и непосредственному наблюдению. «Поскольку увидеть происходящее невозможно, у лингвиста остается единственный путь к познанию объекта – смоделировать на основе сопоставления исходных и конечных данных образ объекта» [Поветкина 2012: 133].

Согласно словарю лингвистических терминов О. С. Ахмановой, под моделированием понимается «научный прием», суть которого состоит в «схематическом воспроизведении объекта, либо не поддающегося непосредственному наблюдению, либо отличающегося большой сложностью» [Ахманова, 2005: 230]. В добавление к этому приводится несколько определений термина «модель». В одном из них было отмечено, что моделирование является методом изучения языка. Кроме того, в словарной статье используется еще один термин – «модель лингвистического описания», которая основывается на принципе выделения лингвистических единиц в речевом потоке [Там же].

Интересным представляется определение моделирования, предложенное в работе В. Н. Кинякина и Н. В. Задохиной, согласно которым моделирование необходимо рассматривать как практическое или теоретическое исследование объекта. При этом исследуется не сам объект, а вспомогательная искусственная или естественная система, которая в результате изучения дает информацию о самом моделирующем объекте [Кинякин, Задохина 2015: 277]. Конструирование моделей следует воспринимать не только как одно из средств отображения языковых явлений, но и как объективный практический критерий проверки истинности наших знаний о языке [Булыгина, Крылов 1998: 304]. В добавление к вышесказанному заметим, что модель создает реальность объекта, что позволяет

получать новые знания о нем [Богуславская 2008: 95]. Приведенные дефиниции указывают еще раз на тот факт, что моделирование должно генерировать новые знания об объекте.

Как отмечает В. В. Богуславская, на начальном этапе моделирование обладает чертами сходства с такими традиционными методами лингвистических исследований, как классификация и типология. Под термином «моделирование» автор понимает процесс построения, изучения и применения моделей. Немаловажным является положение о том, что в настоящее время лингвистические исследования связаны с переходом от простых моделей к более сложным и комбинированным. Модель – это инструмент познания, позволяющий получить объективные выводы относительно изучаемого объекта [Богуславская 2008: 146]. Следовательно, по целевому назначению лингвистические модели – это модели познавательные, поскольку их назначение состоит в отображении устройства внешнего мира [Демешкина 2006: 8].

Другая точка зрения принадлежит И. Н. Ремхе и сводится к тому, что цель использования понятий «модель» и «моделирование» – указать на процесс и результат этого процесса. Моделирование состоит в генерации и проверке гипотез о функциональной структуре наблюдаемого явления, а модель представляет собой саму эту структуру, которая обладает объяснительной силой и изображается с этой целью в виде схем [Ремхе 2007: 95].

Несмотря на различие подходов к определению термина «моделирование», современные исследователи сходятся во мнении о том, что в методологии моделирования заложены большие возможности. В своем труде В. В. Богуславская высказывает мнение, сходное с точкой зрения О. С. Ахмановой. Как подчеркивает автор, необходимость использования метода моделирования, определяется тем, что некоторые объекты невозможно исследовать непосредственно, или данное исследование требует много сил и затрат [Богуславская 2008: 147].

Повышенный интерес к вопросам модельной лингвистики нашел также свое отражение в работе К. И. Белоусова. Одной из задач модельной лингвистики

является моделирование языковой реальности. По его мнению, становление моделирования обусловлено вытеснением на периферию деятельностного подхода. Создание теории модельного исследования языковой реальности возможно на основе комбинации деятельностного и системного подходов, поскольку именно деятельностная исследовательская модель определяет моделирование изучаемого объекта [Белоусов 2010: 95]. Трудно не согласиться с точкой зрения автора о том, что моделирование представляет собой целостную программу, заключающуюся в последовательном применении набора методов и приемов, направленных на системное представление какой-либо предметной области объекта для получения информации о предмете, выявить которую в случае описательного подхода невозможно [Там же].

Следует отметить, что лингвистическое моделирование имеет давнего предшественника – лингвистическое конструирование. Введение термина в научный узуз связано с именем Ю. Н. Караулова. В своей работе автор не дискутирует о разграничении терминов «моделирование» и «конструирование», при этом он неоднократно использует глагол «моделировать» и освещает вопросы конструирования. Ю. Н. Караулов разработал приемы построения новых лингвистических объектов, названные принципами лингвистического конструирования, охарактеризовал тенденцию к лексикографической параметризации языка в языкознании и провел параметрический анализ словарей. В современном отечественном языкознании идея о методе лингвистического конструирования получила свое продолжение в трудах С. В. Лесникова, Л. М. Борисенковой [Лесников 2011; Борисенкова 2013]. Поскольку метод лингвистического конструирования Ю. Н. Караулова может быть применен лишь при составлении, систематизации и классификации словарей, тезаурусов, что не входит в круг наших исследовательских задач, то его использование в полном объеме не представляется целесообразным.

Между тем, и в настоящее время встречаются работы, в которых наряду с моделированием упоминается понятие «конструирование». Прокомментируем их соотношение более детально. По мнению И. В. Дорофеевой, моделирование в

науке – это выяснение свойств какого-либо предмета при помощи построения его модели. Конструирование модели – не только одно из средств отображения языковых явлений, но и объективный практический критерий проверки истинности знаний о любом явлении и, в частности, о языке [Дорофеева 2015: 41]. Тесная взаимосвязь понятий «конструирование» и «моделирование» несомненна.

Стоит принять во внимание тот факт, что Ю. Н. Карауловым была предложена методика обнаружения концептов на основе анализа словарной дефиниции, и этот момент учитывается в настоящей диссертации. В самом слове и его дефиниции аккумулируются результаты когнитивных усилий человеческого разума, что целесообразно учесть и при когнитивном моделировании. Автор подчеркивает, что совместимость синтаксических и семантических составляющих смысла предложения обнаруживается в результате новой категоризации данной области и непрерывного спектра единиц, которые воплощают синтаксическую и лексическую семантику [Караулов 1981: 274].

Для того чтобы дать полную характеристику методу моделирования, как одному из инструментов исследования в лингвистике, считаем целесообразным рассмотреть вопрос о классификации лингвистических моделей. В круг наших задач входит указать основные признаки, по которым осуществляется типологизация моделей. Формулировка исчерпывающей классификации всех возможных типов моделей не теряет своей актуальности в настоящее время.

Вслед за А. Д. Апресян, исследователем Ю. В. Поветкиной предпринимается попытка дать обобщенную классификацию различных моделей, которая сводится к выделению трех типов моделей с точки зрения характера рассматриваемого объекта. В первом типе моделей объектом выступают конкретные языковые процессы и явления. К моделям данного типа относятся порождающие, синтаксические и семантические модели. Вторым типом моделей выступают модели исследования, имитирующие исследовательскую деятельность лингвиста. К моделям этого типа стоит отнести дешифровочные модели и экспериментальные модели. Как отмечает автор, в моделях лингвистической дешифровки лингвист наблюдает за объектом в естественных условиях текста и

подвергает полученные данные лишь математической обработке. Что касается экспериментальных моделей, то в них наблюдение осуществляется и в искусственных условиях, и объект подвергается различным преобразованиям. К третьему типу моделей относятся модели, объектом которых выступают готовые лингвистические описания, а не исследовательская деятельность лингвиста [Поветкина 2012: 134–135].

В добавление к вышесказанному заметим, что в зависимости от того, какая информация выступает в качестве исходной, исследовательские модели можно также подразделить на три класса. В моделях первого класса используется текст в качестве исходной информации, в моделях второго класса – текст и фразы данного языка, в моделях третьего класса – текст, фразы и синтаксические инварианты.

Следует пояснить, что модели речевой деятельности имитируют конкретные языковые явления, а модели лингвистического исследования – исследовательские процедуры лингвиста, метамоделю – теоретическую и экспериментальную оценку готовых моделей лингвистического исследования или речевой деятельности. Добавим, что по отношению к моделям речевой деятельности модели лингвистического исследования и метамоделю выполняют вспомогательную роль. Под метамоделю понимается система критериев и теоретических доказательств, с помощью которых из нескольких альтернативных моделей, моделирующих одно и то же явление, можно выбрать лучшую модель [Апресян 1996: 99–100].

Другой подход к классификации текстовых моделей представлен в работах О. Л. Каменской. Исходя из общих представлений, исследователь выделяет два параллельных ряда моделей – С-модели и языковые модели [Каменская 1990: 34]. В процессе взаимодействия человека с окружающей средой в индивидуальном сознании личности формируются С-модели. Другими словами, С-модели – это ментальные структуры, фрагменты концептуальной системы личности. Что касается языковых моделей, то они формируются во внешней речи и имеют реальное физическое воплощение. По природе составляющих их элементов

языковые модели – знаковые. Из знаков возможно построение модели, репрезентирующей структуру объекта [Каменская 1990: 35]. Для того чтобы реализовать материальную модель, создателю необходимо, в первую очередь, представить мысленно ее структуру, произвести отбор материала для воплощения. Модельный образ познания и мышления требует, чтобы результаты познания были сформулированы в простой, общей форме, допускающей многократный синтез и анализ полученных результатов [Поветкина 2012: 134]. Из всего сказанного следует, что для раскрытия содержания конкретных объектов необходимы идеализированные, абстрактные модели.

Сущность третьего подхода сводится к выделению моделей, направленных на порождение текста, и моделей, направленных на его понимание. Б. Ю. Городецкий утверждает, что моделирование состоит в построении искусственного механизма, образования, системы, причем данная система должна отражать, объяснять и имитировать исследуемую деятельность [Городецкий 1989: 134]. Бесспорно, что определенные модели упрощают окружающую нас действительность, однако совокупность разнообразных моделей, по мере своего развития способна отображать полную картину объекта. Автор выделяет модели глобально-обобщающего уровня и максимально конкретизированные. Стоит принять во внимание положение о том, что при моделировании объекта стоит важная задача точного определения его составных частей и взаимосвязей между ними.

Необходимо заметить, что в зависимости от того, какая сторона владения языком является предметом моделирования, модели речевой деятельности можно разделить на модели грамматической правильности, указывающие на умение различать в языке правильное от неправильное, и функциональные, воспроизводящие умение соотносить план содержания (содержание речи) с планом выражения (её формой). В свою очередь, модели грамматической правильности подразделяются на распознающие и порождающие, а функциональные модели по аспекту речевой деятельности – на аналитические и синтетические [Булыгина, Крылов 1998: 304].

В социальной лингвистике В. В. Красных раскрывает связь модели с моделированием коммуникативного акта. По ее мнению, применение модели обусловлено необходимостью поиска ответов и объяснений того, что происходит, как и почему. Попытки ответить на поставленные вопросы привели к созданию модели коммуникативного акта, модели порождения текста, модели восприятия текста [Красных 2003: 144–145].

Предметом исследования когнитивной лингвистики выступает когнитивная модель. Под данным термином понимается определенный стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт и знания о мире. Реализованные в языковых знаках когнитивные модели обнаруживают относительную простоту структурных типов и представляют собой последовательную систему, построенную на универсальных законах. Все когнитивные модели находят свое отражение в языковых схемах, которые носители языка употребляют с целью описания актуальных событий. В свою очередь, языковые схемы – это различные способы и формы выражения знаний об отдельных фрагментах мира в соответствующем языке [Антология концептов 2005: 16]. Современная лингвистика разработала широкий спектр когнитивных моделей идентифицирующего, категоризирующего и синтезирующего типов [Мишанкина 2010: 5].

Подчеркнем, что в когнитивной лингвистике понятие «модель» имеет особое значение, в виду непосредственной связи со спецификой самих когнитивных структур, изучаемых в рамках данной науки. Прежде всего, речь идет о таких понятиях, составляющих терминологическую базу когнитивного направления, как «концепт», «картина мира», «фрейм», «пропозиция» и др., каждое из которых уже представляет собой некую структурированную модель знания [Ремхе 2007: 96].

Т. А. ван Дейк выделяет когнитивную модель обработки дискурса, подчеркивая, тем самым, фундаментальную роль моделей в социальном познании. Автор акцентирует внимание на двух основных аспектах – способах концептуальной организации знаний и структурах их представления. В качестве

основного типа репрезентации знаний выступает «ситуационная модель», в основе которой, в отличие от ментальной модели, заложены не абстрактные знания о стереотипных событиях, а личностные знания носителей языка с их предшествовавшим индивидуальным опытом, установками и намерениями, чувствами и эмоциями. Модель ситуации строится вокруг схемы модели, которые наполняются конкретной информацией в различных коммуникативных актах. Как утверждает Т. ван Дейк, мы понимаем текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идет речь [Дейк 2000: 8]. Следовательно, по его мнению «ситуационная модель» выступает основой интерпретации медиатекста. Понимание имплицитных фрагментов медиатекста осуществляется слушающими за счет использования моделей, активизации соответствующих неясных фрагментов ситуационной модели. В добавление, истинность или ложность тех или иных фрагментов медиатекста, установление связности на локальном и глобальном уровнях определяется на основе моделей. Детальному рассмотрению сущности когнитивного моделирования посвящен параграф 1.2.

По признанию зарубежных лингвистов моделирование, благодаря своей гибкости и выразительной силе, является перспективным подходом и эффективным методом лингвистического исследования [Pew, Mavor 1997]. Под влиянием идей структуралистов в 1960-х годах модель рассматривалась как синтаксическая структура, которую можно было скопировать, повторно воспроизвести. С точки зрения коммуникативного подхода, данная трактовка модели не раскрывает полностью значения термина и пренебрегает семантикой. В добавление, модель может также рассматриваться как набор правил, позволяющий говорящему донести свои мысли и быть понятым [Rotgé 2017: 4].

Отметим, что модель может выполнять определенную когнитивную задачу или класс задач, представляющих собой набор прогнозов [Lewis 1999: 1]. Поскольку главной целью когнитивной науки является понимание процессов человеческого познания, Э. Чоун предлагает выделить прогностические (predictive) модели, описывающие реакцию людей в той или иной ситуации, и

предписывающие (prescriptive), отражающие возможные ограничения в познании и определенные способы преодоления данных ограничений [Chown 2004: 1663].

Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы Р. Сан. Согласно его подходу, в когнитивной науке модели могут быть классифицированы следующим образом: компьютерные (computational), математические (mathematical) и вербально-концептуальные (verbal-conceptual). В широком смысле, компьютерные модели отображают детали процесса с помощью алгоритмических описаний. Математические модели показывают связи между переменными с использованием математических уравнений. Вербально-концептуальные модели описывают структуры, отношения и процессы при помощи неформальных естественных языков. Каждая модель, независимо от жанра, может также рассматриваться как теория описываемых ею явлений [Sun 2008: 2].

Проведенный анализ позволяет заключить, что лингвистами было выделено большое количество различных моделей, однако, однозначного понимания их типологии не найдено. Понятие модели и моделирования многозначно в силу их широкого применения в различных областях лингвистики. Применительно к нашему исследованию под когнитивной моделью мы будем понимать сконструированную ментальную репрезентацию, отраженную в языковой форме, формируемую на базе доступных наблюдений, представляющих собой форму ее вербализации, генерирующую новые знания об объекте. При этом моделирование понимается как процесс построения такой модели.

1.2. Лингвокогнитивная плоскость моделирования

Многоаспектность и динамичность анализа языковых явлений обуславливает необходимость учета средств когнитивного моделирования. Ранее было отмечено, что когнитивное моделирование позволяет изучать язык в неразрывной связи с интеллектуальной деятельностью человека [Федотова 2015:

200]. Н. Н. Болдырев отмечает, что «человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [Болдырев 2016: 10].

Предпринятый анализ литературы по когнитивному моделированию убеждает нас в том, что его следует рассматривать в сочетании с понятием «когнитивная парадигма». Суть когнитивной парадигмы заключается в признании того, что языковая форма представляет собой отображение когнитивных структур [Гусева 2008: 126]. В рамках данной парадигмы особое внимание уделяется исследованию семантики, следовательно, развиваемый в диссертационном исследовании подход целесообразно обозначить как семантико-когнитивный, поскольку исследуется семантика языка в тесной связи с когнитивными процессами.

Заслуживает внимания точка зрения Дж. Лакоффа о соотношении языковых категорий и когнитивных структур, согласно которой языковые категории определяются когнитивными структурами – идеализированными когнитивными моделями (*idealized cognitive models*). Автор выделяет в когнитивном аппарате четыре когнитивные структуры: пропозициональные модели (*propositional structure*); схематичные модели-картинки (*image-schematic structure*); метафорические модели (*metaphoric mappings*); метонимические модели (*metonymic mappings*) [Lakoff 1987: 68].

Процесс моделирования в рамках когнитивной лингвистики связан с ее основными категориями, и для исследования языкового материала был разработан целостный терминологический аппарат.

Ключевым понятием когнитивной лингвистики выступает «концепт», в настоящее время использующийся как родовой термин для лингвистических феноменов «фрейм» и «сценарий». Исследованием данного вопроса занимались А. Н. Бабушкин [Бабушкин 1996; 2001; 2018], З. Д. Попова, И. А. Стернин [Попова, Стернин 2001; 2007; 2010] и др. Для целей диссертационного исследования интерес представляет определение Г. И. Берестенева, согласно которому концепт представляет собой многомерное понятие, сложную ментальную сущность, состоящую из ряда элементов, организованных в систему

категориальных ментальных репрезентаций [Берестенев 1997: 48]. Лингвокогнитивная концептология использует термин «концепт» для обозначения моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, для моделирования и описания национальной концептосферы [Антология концептов 2005: 10].

Прежде чем вести речь о принципах моделирования, необходимо ответить на вопрос, является ли концепт структурным образованием. Полагаем, что концепты в сознании носителей английского языка формируются сложным объемом знаний и конкретизируются через концептуальные признаки, которые, в свою очередь, образуют концептуальные слои. Подчеркнем, что последние выступают в качестве языка описания процесса когнитивного моделирования. Важен тот факт, что концепт обладает определенной структурой, которая, однако, не является жесткой. Вместе с тем, наличие структуры является необходимым условием существования и вхождения концепта в концептосферу [Антология концептов 2005: 9].

В настоящее время когнитивное моделирование сталкивается с проблемой определения терминов «когнитивная модель» и «когнитивная структура». Модель, с когнитивной точки зрения, представляет собой механизм, тип мышления, концептуализации, категоризации, а структура – его содержательную форму, форму существования модели [Романова 2014: 324]. Следовательно, структуры выступают языком описания процесса моделирования. Что касается содержательной корреляции рассмотренных выше терминов, то отмечается их взаимообусловленность, т.е. при изменении структуры изменяется сама модель [Романова 2014: 325].

Развивая идею о моделировании концепта, следует упомянуть теорию полевой модели концепта. По мнению авторов, когнитивная лингвистика предоставляет надежный материал для построения модели концепта [Попова, Стернин 2001: 60]. В рамках лингвистического исследования итогом моделирования полевой организации концепта является словесное или графическое представление структуры концепта [Попова, Стернин 2007: 150].

Следует принять во внимание то, что для концепта не характерна четкая организация, поскольку концепт все время функционирует, актуализируется, соединяется с другими концептами, отталкивается от них [Попова, Стернин 2001: 61]. Именно непрерывное функционирование концепта, отсутствие жесткой структуры и обуславливает необходимость применения модели для описания концепта [Ремхе 2007: 96]. Согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, любая модель концепта представляет собой исследовательскую модель, приближение концепта к ментальной единице [Попова, Стернин 2007: 115]. Следует обратить внимание на тот факт, что описать содержание концепта полностью, исчерпывающе, в том виде, в каком он присутствует в сознании носителей, не представляется реальным, поскольку:

1) концепт представляет собой объемную ментальную единицу, и выразить ее всеми языковыми средствами просто невозможно;

2) в концепте присутствует невербализованная часть содержания;

3) в концепте всегда присутствует его гендерная, возрастная, профессиональная, индивидуальная составляющая;

4) ни один лингвистический метод не сможет выявить и зафиксировать абсолютно все средства языковой и речевой репрезентации концепта;

5) концепт отличается динамичностью и зависит во многом от состояния общества, общественной ситуации [Там же].

Следовательно, даже описав всю совокупность доступных нам языковых средств репрезентации концепта и проанализировав подробно англоязычные медиатексты, в которых раскрывается содержание концепта, нам удастся описать лишь часть концепта, и соответственно, построить части модели концепта.

Употребление в работе термина «концепт», а не «понятие», вызвано тем, что он представляет собой более широкий ментальный продукт человеческого сознания. Развивая мысль Н. А. Красавского о том, что концепт является более объемной по содержанию единицей, хочется отметить, что концепт – это суммарное явление. В его структуру входит как само понятие, так и

представления человека о нем. Следовательно, концепт не только мыслится, но и переживается [Красавский 2001: 9].

По мнению Е. С. Кубряковой, под концептом понимается оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Концепты – это комплексные дискретные единицы сознания, при помощи которых осуществляется процесс человеческого мышления [Кубрякова 2004: 306]. Концепты выступают как единицы хранения человеческого знания. После того как концепт получает языковое выражение, то средства языка, которые были использованы для этого, становятся средствами его языковой репрезентации. Процесс вербализации – это многоуровневый и многокомпонентный механизм языковой репрезентации концепта, осуществляемый в виде внешней речи или письма [Микаелян 2010: 103].

Другая точка зрения, представленная в работах С. В. Ивановой, сводится к тому, что в структуре концепта могут быть выделены лингвистическая, когнитивная, культурологическая составляющая. [Иванова 2004: 92]. Как замечает Е. А. Яковлева, когнитивные структуры ориентированы на отражение структуры внешнего мира в связи с потребностями социальной деятельности [Яковлева 2006: 179]. Следовательно, в современной когнитологии термин «концепт» всё чаще используется в значении культурного концепта, отражающего миропонимание, присущее той культуре, которую он репрезентирует. Исследователь Ю. С. Степанов характеризует концепт как основную ячейку культуры в ментальном мире человека, называя его «сгустком культуры в сознании человека», «пучком представлений, знаний, понятий ассоциаций, которые сопровождают слово» [Степанов 2004: 43].

В контексте современных исследований выделяется ещё одна когнитивная структура представления знаний – фрейм. По аналогии с концептом, фрейм используется как родовое понятие для обозначения различных типов когнитивных структур, лежащих в основе значения слова. Однако, по утверждению Н. Н. Болдырева, в отличие от общего термина «концепт», который

может выражать любую единицу знания, термин «фрейм» используется только для обозначения структурированных концептов (когнитивных моделей, схем, сценариев) [Болдырев 2004: 29]. По мнению В. А. Масловой, фрейм представляет собой обобщенную модель организации культурного знания вокруг некоторого концепта [Маслова 2016: 48]. Следовательно, фрейм может выступать в качестве самостоятельной модели.

По мнению большинства исследователей фрейм может также выступать как средство моделирования. В этой связи можно указать на работу С. В. Буренковой, исследование которой посвящено фрейму как способу моделирования фрагментов поля в идеографической лексикографии [Буренкова 2009]. А. А. Киреева рассматривает фрейм как средство моделирования стереотипных ситуаций концептуального содержания [Киреева 2015]. Фрейму как способу моделирования значения терминоединицы посвящена статья Ю. В. Зориной [Зорина 2011].

В рамках моделирования концептуальной информации посредством фрейма следует подчеркнуть, что структура фрейма может быть как статической, так и динамической. Статический фрейм представляет собой «ячейку» схематизированного опыта человека. Динамический фрейм отражает категориальный опыт человека в процессе речепроизводства как смысловой каркас его дискурсивной деятельности [Киреева 2015: 2812].

Развитие теории фреймов связано с такими именами, как М. Минский [Минский 1979], Ч. Филлмор [Филлмор 1985,1988], Т. А. ван Дейк [Дейк 2000]. По М. Минскому наши знания о мире существуют в сознании в виде фреймовых структур, организованных вокруг некоторого концепта и содержащих самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с данным концептом. Роль фреймов в функционировании языка заключаются в том, что благодаря ним происходит адекватная когнитивная обработка стандартных ситуаций. Другими словами, в каждом фрейме заложена разноплановая информация, касающаяся использования данного фрейма, предупреждающая о том, что может произойти дальше, а также предписывающая

действия в случае, если эти ожидания не подтвердятся [Минский 1979: 7]. С точки зрения Ч. Филлмора, фреймом называются группы слов, каждая из групп является лексическим представителем некоторой схемы интерпретации опыта или конструкцией знаний [Филлмор 1988: 54].

Следует заметить, что в понимании фреймов произошла определённая эволюция. Первоначально под фреймами понимались лингвистические конструкции или структуры данных. Однако теория фреймов была призвана усовершенствовать модель репрезентации знаний. Таким образом, решая задачу моделирования способностей человека, М. Минский пришёл к выводу, что человек извлекает из своей памяти модель, которая и называется фреймом. Суть данной идеи состоит в том, что языковое значение слова, являющееся для каждого индивидуума субъективным, в то же время прямо зависит от сформировавшегося в сознании человека определённого образа, стоящего за этим словом. Следовательно, при восприятии какой-либо информации человек использует уже готовые структуры, хранящиеся в его памяти до тех пор, пока в них не возникает необходимость, а при возникновении чего-то нового – он автоматически производит выбор наиболее похожей схемы для сравнения нового с уже имеющимися в его памяти структурами. Другими словами, фреймы – это способы представления стереотипной ситуации, помогающие обработать новые данные с применением имеющегося в памяти ранее накопленного опыта.

Развивая концепцию фреймовой семантики, М. Л. Макаров предлагает следующее определение: «Фрейм – это такая когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типичных ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений, реальных или гипотетических объектов» [Макаров 2003: 153]. Другие исследователи, А. П. Бабушкин и И. А. Стернин, представляют фреймы как мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении окружающей действительности [Бабушкин, Стернин 2018: 18].

Рассматривая понятийный аппарат когнитивной лингвистики, выделим ещё одну когнитивную структуру, имеющую отношение к моделированию – сценарий. Итак, фреймы лежат в основе более сложных структур динамического характера – сценария (скрипта) и сценарного фрейма, которые разворачиваются во времени и пространстве, а также характеризуются ситуативной привязанностью и конвенциональностью.

Существует точка зрения о том, что сценарий – это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития [Бабушкин, Стернин 2018: 14]. Другими словами, сценарий – это заранее заготовленная причинная цепочка, которая служит для хранения знаний об определённых стереотипных ситуациях и помогает человеку ориентироваться в повседневных жизненных ситуациях. Сценарий состоит из нескольких происходящих последовательно актов или эпизодов; их значения зависят от социальных и культурных факторов, и, следовательно, являются культурологически маркированными [Иванова 2004: 116]. При интерпретации конкретного дискурса мы строим сценарии по мере того, как в этом возникает необходимость, используя накопленный ранее опыт и информацию, размещённую на разных уровнях памяти.

В дополнение к вышесказанному подчеркнем, что в когнитивных исследованиях помимо концептов, фреймов, сценариев, одними из наиболее важных понятий являются такие когнитивные совокупности, как «когнитивное пространство» и «когнитивная база» [Красных 2003]. В. В. Красных справедливо замечает, что в языке внутренний мир человека можно представить как концептуальное пространство, организованное пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных ментальных структур (концептов). Определяющую роль, как в устройстве семантического пространства языка, так и в организации всей системы конкретного языка в целом играют вербальные репрезентации концептов.

Заключая вышесказанное, отметим, что к числу перспективных направлений исследований моделирования относится когнитивный подход, в рамках которого язык рассматривается как общий когнитивный механизм

исследования когнитивных структур. Любую когнитивную структуру (концепт, фрейм или сценарий) можно представить в виде определенной модели знания, определенным образом структурирующей результаты человеческого познания. Особо подчеркнем большую объяснительную силу и потенциал когнитивных структур для проведения моделирования концептов в англоязычном экономическом медиадискурсе. Когнитивный подход открывает возможности моделировать факты языка сквозь призму обнаруживаемой им познавательной деятельности.

1.3. Этапы моделирования концепта

В настоящем диссертационном исследовании в качестве основной ментальной единицы рассматривается концепт. В случае коммуникативной необходимости он может быть вербализован различными способами (лексическими, фразеологическими и др.), комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки, релевантные для моделирования концепта [Антология концептов 2005: 8–9]. Итогом описания концептов в рамках когнитивного моделирования является построение модели концепта. Разнообразные концепции когнитивного моделирования нашли свое отражение в трудах Е. Н. Суралева [Суралева 2013], Е. В. Ивановой [Иванова 2015], О. С. Федотовой [Федотова 2015], Н. Ю. Шнякиной [Шнякина 2015] и др.

Постановка цели работы требует более детального освещения теоретических основ исследования в следующих направлениях. Во-первых, необходимо принять к сведению, что когнитивное моделирование, как метод исследования концептов, не изолировано от метода моделирования в целом. В этой связи когнитивное моделирование рассматривается в более широком контексте на фоне все более частотного апеллирования к нему в современной лингвистике.

Следует также принять во внимание тот факт, что когнитивная лингвистика на настоящий момент времени представлена уже рядом направлений и конкретизацией исследовательских задач. В частности, И. В. Дорофеева полагает, что основная задача моделирования в лингвистике – это моделирование целостной языковой способности человека, другими словами, создание модели естественного языка, основанной на наблюдаемых входном и выходном текстах и на интуиции самого лингвиста или интроспекции. Автор справедливо замечает, что для метода моделирования характерно использование знаковых систем. Поскольку язык сам по себе является знаковой системой, следовательно, моделирование осуществляется с помощью слов [Дорофеева 2017: 240–241]. Заметим, что оперирование словами основывается на уровне передаваемых ими смыслов, т.е. концептов и концептуальных признаков [Болдырев 2001: 40]. Вышеуказанный факт еще раз подчеркивает необходимость обращения к концептуальной основе моделирования.

По мнению Е. Н. Суралева существует два способа моделирования концепта: первый – построение полевой модели для наглядного представления концепта, а второй – фреймовый анализ для описания его структуры. Обе модели соотносятся между собой за счет средств языковой репрезентации [Суралева 2013: 69]. Как полагает О. С. Федотова, когнитивное моделирование – это инструмент когнитивной лингвистики, изучающий язык в неразрывной связи с интеллектуальной деятельностью. Мысль образна, и соответственно, концепты также отражают ментальную образность. Как следствие, исследование структур таких концептов осуществляется в рамках моделирования. Помимо этого автор подчеркивает, что моделирование может выступать как основной метод семантических исследований [Федотова 2015: 201].

Что касается этапов моделирования концепта, позволяющих описать концепт как целостную ментальную единицу, то З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют следующие этапы:

- 1) описание макроструктуры концепта;
- 2) описание категориальной структуры концепта;

3) описание полевой организации выявленных когнитивных признаков.

Суть первого шага заключается в установлении выявленных когнитивных признаков по образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и выявлении их соотношения в структуре концепта. В основе второго шага лежит атрибуция иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующей соответствующий предмет, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков. Под третьим шагом понимается выявление признаков, формирующих ядро, ближнюю, дальнюю периферию концепта, и представление содержания концепта в виде полевой структуры. В рамках лингвоконцептологического исследования итогом моделирования концепта является построение его модели [Попова, Стернин 2007: 112].

Заслуживает внимания характеристика этапов моделирования, описанная исследователем проблем лингвистического моделирования лексико-фразеологических полей А. Е. Гусевой. Данный метод, который может быть применен при моделировании не только лексических, но и лексико-грамматических явлений, а также в лингвистике текста, складывается из следующих шагов:

- 1) идентификация лексических единиц на предмет принадлежности к семантическому полю через призму соответствующего концепта;
- 2) выявление эксплицитных и имплицитных идентификаторов принадлежности лексических единиц к полю;
- 3) установление структурно-семантической организации поля (исследование микро- и макрополей концепта);
- 4) выявление центра и периферии концепта;
- 5) выявление межконцептуальных связей;
- 6) структурно-синтаксическая и структурно-семантическая характеристика лексических единиц [Гусева 2007].

Другой исследователь, Н. Ю. Шнякина, описывает этапы моделирования концепта, ведущие к созданию когнитивной модели как концептуального

содержания, объективируемого в определенной коммуникативной ситуации с помощью разноплановых языковых средств [Шнякина 2015: 434]. Автор полагает, что процесс моделирования основывается на анализе языкового фрагмента, содержащего информацию о ситуации, событии. Моделирование концепта включает в себя четыре основных этапа. Каждый последующий этап представляет собой логическое продолжение предыдущего. Последовательность действий заключается как в получении результатов, так и в их интерпретации, завершающаяся построением модели изучаемого объекта. Автор выделяет следующие этапы:

1) расчленение языкового фрагмента на мелкие части, выделение лексических компонентов, где каждое выделенное слово обладает лексическим значением или несколькими значениями, выбор которых осуществляется в результате анализа общего контекста;

2) преобразование лексических значений слов, хранящихся в семантической памяти человека, во внутреннюю понятийную (концептуальную) форму;

3) соотнесение семантической информации с категориями, сформированными в сознании с использованием приема когнитивной интерпретации;

4) становление логических связей между выявленными категориальными элементами;

5) графическое изображение элементов концепта и связей между ними [Шнякина 2014: 54–56].

Изложенный материал указывает на то, что когнитивное моделирование представляет собой сложный процесс, своеобразный алгоритм, где каждый последующий этап является логическим продолжением предыдущего. На каждом этапе совмещаются разные методы, происходит гармонизация полученных данных. Изучение когнитивных процессов обработки информации, представленной в языковой форме, невозможно при помощи одного метода. В своих трудах И. Н. Ремхе акцентирует внимание на эволюционной природе такого аспекта моделирования. Ретроспективное изучение уже созданных моделей

наряду с оценкой тенденций и направлений современных наук позволяет более осмысленно подойти к разработкам когнитивных языковых моделей [Ремхе 2007: 95].

Одной из эффективных форм научных изысканий в рамках когнитивного моделирования выступает концептуальный анализ. Теория концептуального анализа, рассматриваемая Л. О. Чернейко и В. А. Долинским, позволяет выявить глубинные, эксплицитно не выраженные характеристики. В настоящее время лингвисты трактуют концептуальный анализ как новый формирующийся метод лингвистических исследований, направленный на анализ концептов, являющихся единицами сознания и составляющих часть общей концептуальной модели мира. Как было справедливо отмечено Е. С. Кубряковой, концептуальный анализ позволяет изучить концептуальное устройство языка, ведущее к осмыслению мира в терминах концепта [Кубрякова 2004].

Подчеркнем, что процесс исследования концепта как когнитивной единицы предполагает определение номинативного поля концепта, т.е. анализа языковых средств его вербализации. Номинация большинства концептов отличается широтой и легко обнаруживается. В ряде случаев в качестве имени концепта применяются индивидуально-авторские номинации. Добавим, что многие исследователи выделяют в номинативном поле концепта ядро и периферию. Следует принять во внимание точку зрения И. А. Широковой, согласно которой ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевой лексемы-репрезентанта, именующей концепт. Анализ сочетаемости лексем позволяет выявить способы категоризации концептуализируемого явления. Изучение синонимов и антонимов ключевого слова дополняет исследование модели концепта. Кроме того, через фразеологизмы можно выявить признаки концепта, недоступные прямому наблюдению. Заключительный этап исследования состоит в контекстуальном анализе концепта, где выявляется взаимосвязь с другими концептами и фиксируются новые ассоциации [Широкова 2008].

Лингвистические методы анализа, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц, становятся методами

лингвокогнитивного исследования. Когнитивная лингвистика исследует семантику единиц, объективирующих в языке тот или иной концепт [Антология концептов 2005: 7]. Так, решительным поворотом в изучении языковых структур становится становление теории семантического направления, получившей название «когнитивная семантика». В рамках данного подхода выделяются два допущения. Согласно первому из них, в лингвистической категоризации отражаются не просто особенности языка, а особенности когниции. Другими словами, у них существуют когнитивные основания. Обращаясь ко второму постулату, отметим, что элементы выделенной категории объединяются, поскольку они выражают черты сходства с тем членом категории, который выбирается в качестве наилучшего его представителя и репрезентирует данную категорию [Tsohatzidis 1990; Кубрякова 2004: 102–103].

Семантико-когнитивный анализ предполагает переход в процессе когнитивной интерпретации от содержания значений к содержанию концептов. Данный метод интересен тем, что после описания концептов можно двигаться дальше в сферу когнитивно-семасиологических, либо лингвоконцептологических исследований. Обеспечив описание соответствующих концептов, семантико-когнитивный подход предоставляет две дальнейшие возможности использования полученных данных: возвращение к языку, либо движение к сознанию [Антология концептов 2005: 9]. Другими словами, исследователь может перейти к описанию семантики языковых единиц с использованием когнитивных данных и созданию модели концепта как единицы сознания.

По мнению М. В. Пименовой заслуживает внимания когнитивный подход к изучению семантики слова, который, состоит в анализе самого значения слова, в котором фиксируются необходимые признаки обозначаемого и обыденные знания о нем через метонимии и метафоры. Комплексный подход к изучению концептуальной структуры позволяет реконструировать концепт через его языковое выражение [Антология концептов 2005: 15]. Как отмечает автор, методика исследования концептов состоит в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности концептов; в

выявлении частотных таксономических характеристик и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов. На их основе происходит обобщение особенностей концептов, а также выделение концептуальных структур, когнитивных моделей и языковых схем актуализации исследуемых концептов в сравниваемых языках [Пименова 2016: 115].

Примем во внимание то, что когнитивная семантика признается наукой о теории категоризации. Вопросы концептуализации и категоризации являются ключевыми проблемами когнитивной лингвистики. Итак, категоризация представляет собой когнитивную способность человека классифицировать предметы, явления, процессы, отношения и возможности их познания и отражения [Ольшанский 2008: 84]. Суть категоризации состоит в объединении схожих смысловых единиц в более большие классы (категории). Под концептуализацией понимается процесс осознания поступающей к нам информации и образования концептов, концептуальных структур, концептуальной системы человека [Ольшанский 2004]. В результате концептуализации возникают минимальные когнитивные единицы человеческого опыта посредством дифференциации и объекта познания. Другими словами, концептуализация – это структурированная репрезентация отрезка действительности на ментальном уровне.

Анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов свидетельствует о возрастающем интересе к применению полевого подхода при анализе языковых явлений, в частности, при построении полевой модели концепта. Введение понятия «семантическое поле» было вызвано необходимостью описания лексики как системы в рамках структурного подхода к языку. По мере развития исследований лексико-семантической системы языка происходило осмысление понятия «поле». В современном языкознании под семантическим полем понимается совокупность языковых единиц, которые объединены общностью содержания и отражают предметные, понятийные или функциональные свойства обозначаемого явления. Важным для построения полевой модели концепта представляется наличие семантического признака (архилексемы), объединяющего

все единицы поля. Данные принципы являются общепринятыми при построении языкового поля. К числу основных признаков семантического поля относятся: семантическая общность элементов, разделение на микрополя, динамичность поля, наличие ядра и периферии. Заметим, что строение поля определяется принадлежностью доминанты к морфологии, синтаксису и лексике [Гусева 2008б: 97].

Концепт может получить полевое описание в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться прототипические слои, первичные и наиболее яркие образы, а периферию концепта составят абстрактные признаки. Периферийный статус концептуального признака не свидетельствует о его малозаметной роли в поле концепта, поскольку статус признака указывает лишь на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления [Попова, Стернин 2001: 60].

В добавление к вышесказанному, заметим, что кроме собственно семантического поля в языковой системе выделяются грамматическое поле, частеречное поле, морфосемантическое поле, ассоциативное поле, синтаксическое поле, лексико-грамматическое поле, функционально-семантическое поле [Гусева 2008б: 98]. Данный факт подтверждает идею о том, что разработка идеи семантического поля разнообразна по области лингвистического исследования, и каждый ученый обосновывает свое понимание данного феномена.

Логично, что концепт как сложный комплекс признаков имеет разноуровневую представленность в языке. В частности, В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин к числу важнейших характеристик лингвокультурных концептов относят полиапеллируемость. Под данным термином они понимают возможность апеллировать к одному и тому же концепту при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений, а также различных невербальных средств [Антология концептов 2005: 15].

В рамках вопроса о методах и приемах концептуальных исследований М. В. Пименова упоминает, что для изучения концептов наиболее

информативным представляется лексический уровень. Опираясь на этот уровень исследования, возможно выявить набор групп признаков, формирующих структуру того или иного концепта. Такие группы, состоящие из более или менее распространённой совокупности признаков, объединяются на основе родовой или видовой характеристики и выражают тот или иной способ концептуализации. Исследование концепта происходит в несколько этапов. На первой стадии анализируется лексическое значение и внутренняя форма слова, с помощью которой вербализуется концепт. Второй этап состоит в выявлении синонимического ряда лексемы-репрезентанта концепта. На третьем этапе осуществляется описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Четвёртый этап заключается в определении способов концептуализации лексемы и исследовании концептуальных метафор и метонимии. Пятый этап сфокусирован на исследовании сценариев [Антология концептов 2005: 18].

Важную роль в изучении моделирования англоязычных медиатекстов играет уровень синтагматического анализа, позволяющий понять внутреннюю структуру медиатекста, охарактеризовать особенности его словесного рисунка. В настоящее время разнообразные свойства синтагматических отношений описываются с помощью системы синтагматических координат, участвующих в моделировании и измерении концептов в медиатекстах.

Учитывая многочисленные подходы к анализу когнитивного моделирования, нужно отметить, что некоторые его аспекты требуют углубленного рассмотрения. В частности, важно акцентировать внимание на лексикографическом аспекте интерпретации концепта. Целесообразно в процессе моделирования концепта применять метод анализа словарных толкований ключевого слова с целью выделения базовых когнитивных признаков.

С учетом вышеизложенного, в данной диссертации предлагается следующая **процедура моделирования концепта**. В рамках первого этапа осуществляется выборка фрагментов медиатекста, содержащих исследуемые лексемы, с применением дефиниционного анализа, в частности, изучается содержание концепта на материале англоязычных лексикографических источников,

выделяются базовые когнитивные признаки, семантическое наполнение лексических единиц. На втором этапе полученные данные полной выборки проверяются и подтверждаются с помощью репрезентативной выборки, а также анализируется вербальное проявление ядра, ближней и дальней периферии концепта во фрагментах англоязычных медиатекстов. В диссертации разделение лексических единиц на ядро, ближнюю и дальнюю периферии осуществляется в соответствии с их основными признаками. Ядро концепта включает в себя наиболее общие по значению лексические единицы, стилистически нейтральные, употребляемые в прямом значении. Следует заметить, что стилистическая нейтральность и минимальная зависимость от контекста характеризует языковые единицы ближней периферии, в то время как, однозначные и многозначные единицы, обладающие невысокой частотностью, определенной эмоциональной окрашенностью, стилистическими ограничениями, составляют дальнюю периферию концепта.

Далее при анализе средств объективации концепта выделяются когнитивные дифференциальные признаки и когнитивные классификационные признаки. З. Д. Попова и И. А. Стернин различают их следующим образом. Под когнитивным дифференциальным признаком (его также называют просто «когнитивный признак») понимается отдельный признак объекта, осознанный человеком и отразившийся в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания. Вместе с тем, когнитивный классификационный признак интерпретируется как компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий при этом однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре исследуемого концепта [Попова, Стернин 2007: 88–89].

С опорой на англоязычные словари и медиатексты полученные в результате исследования когнитивные признаки могут быть ранжированы по яркости в структуре концепта. В работе И. А. Стернина привлекает внимание следующее определение индекса яркости когнитивного признака: « ... это его когнитивная

яркость, то есть осознанность, актуальность признака в когнитивном сознании, актуализируемая в частотности объективации данного признака ...» [Стернин 2007: 36]. Следовательно, в диссертации яркость выделяемых когнитивных признаков в структуре исследуемого концепта определяется по частотности употребления языковых единиц, номинирующих его. На заключительном этапе осуществляется разбор и описание вербального наполнения выделенных единиц для определения вектора развертывания концепта, а также осуществляется их интерпретация. Затем на основании полученных данных выстраивается модель концепта в виде полевой структуры.

Таким образом, использование различных методов, способов и приемов в процессе моделирования зависит от сложности концепта, а также от целей и задач, поставленных перед исследователем, от характера лингвистических источников, являющихся материалом для анализа. Более уместно было бы говорить о совокупности, комплексе нескольких методов, что позволит использовать их в процессе когнитивного моделирования и при исследовании концептов англоязычного экономического медиадискурса в частности.

1.4. Лингвистические феномены «экономический медиадискурс» и «экономический медиатекст» в аспекте соотношения понятий

Когнитивные исследования языка немислимы без обращения к дискурсу, поскольку дискурсивная деятельность обеспечивает реализацию когнитивных возможностей и способностей человека. В настоящее время отмечаются также разноплановые подходы к исследованию вопросов когнитивного моделирования медиадискурсивного пространства. Метод моделирования позволяет осмыслить явление экономического конфликта, раскрыть механизм его формирования в словесной ткани медиадискурса, а также изучить языковые особенности репрезентации экономического конфликта.

Изучению медиадискурса с привлечением метода лингвистического моделирования посвящена монография А. В. Гусяковой, в которой автор

глубоко и системно отражает всю уникальность и многогранность современного медиадискурса в динамике его эволюционирования [Гуслякова 2014]. Особенности языкового моделирования англоязычного политического медиадискурса освещаются в работе Е. В. Безбородниковой [Безбородникова 2017]. Популярным является также исследование метафорических особенностей моделирования [Кривцова, Иванова 2018], в частности, метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе [Антонова 2013; 2015], исследование метафорических моделей в рамках метафорического моделирования [Желтухина, Магомадова 2015], метафорическое моделирование образа политика в политическом медиадискурсе [Хачмафова, Погребняк 2018]. Однако, несмотря на популярность медиадискурса как объекта лингвистических исследований, труды по моделированию концепта ECONOMIC CONFLICT в англоязычном медиадискурсе немногочисленны.

Полагаем, что комплексное исследование концепта должно осуществляться не в разрезе отдельного англоязычного медиатекста, а англоязычного медиадискурса в целом. Для уточнения объекта работы необходимо охарактеризовать значимые для диссертационного исследования лингвистические феномены – медиатекст и медиадискурс. В современной науке представляется актуальным исследование о соотношении данных понятий, поскольку их лингвистическое понимание в отечественных и зарубежных исследованиях неоднозначно и существуют различные подходы в понимании обозначенной проблемы. В данном параграфе нам предстоит доказать, что феномен «медиатекст» тесно связан с категорией «медиадискурс», а именно является его составной частью, фрагментом.

Вопрос о том, что должен изучать лингвист, текст или дискурс, возникли примерно одновременно в зарубежных и отечественных исследованиях. В 80-е гг. XX века появилась тенденция к дифференциации данных понятий. Большое значение имеют труды таких ученых, как Т. А. ван Дейк [Дейк 2000], И. Р. Гальперин [Гальперин 2007], В. Е. Чернявская [Чернявская 2001; 2006; 2013], G. Fritz [Fritz 2016]. Считаем целесообразным, рассмотреть различные

взгляды ученых на толкование понятий «текст» и «дискурс», а затем изучить вопрос о соотношении лингвистических феноменов «медиа́текст» и «медиа́дискурс».

Логично отметить, что в современной лингвистике не угасает интерес к проблеме статуса такой категории, как «текст». Рассмотрим одно из наиболее полных и распространенных определений, которое было предложено И. Р. Гальпериным. По его мнению, текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку [Гальперин 2007: 18]. Значимость и ценность данной дефиниции доказывается тем фактом, что оно во многом обусловило содержание и проблематику исследования текста в последующие годы. Определение затрагивает виды информации в тексте, а именно, содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую; такие два типа членения текста, как объемно-прагматический и контекстно-вариативный; его категории и признаки.

Основываясь на вышеизложенных характеристиках, представляется оправданным исходить из того, что текст является элементом в системе коммуникативных действий и представляет собой результат коммуникативно-речевой деятельности. Другими словами, текст – это структура, имеющая свои внутритекстовые закономерности, связывающие последовательность высказываний в единую текстовую систему согласно критериям текстуальности. Заметим, текстовое целое возникает под воздействием определенной совокупности экстралингвистических факторов. Считаем уместным также заметить, что сущность целого текста может быть объяснена только при учете коммуникативного, социокультурного, когнитивного факторов, сплетенных с собственно лингвистическими [Чернявская 2013: 144]. Данная точка зрения

подтверждает нашу гипотезу о том, что англоязычный медиатекст может выступать в качестве фрагмента англоязычного медиадискурса.

Важно также отметить, что в медиалингвистике такое ключевое и традиционное определение текста, как «последовательность знаковых единиц, объединённых смысловой связью, свойствами которой являются связность и целостность» значительно расширяет свои границы. Медиатекст выходит за пределы знаковой системы вербального уровня и приближается к семиотическому толкованию понятия «текст» [Добросклонская 2008: 35]. Другими словами, медиатекст подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков. Добавим также, что уровень массовой коммуникации, медийные свойства того или иного средства массовой информации, придают определению текста новые смысловые оттенки.

В своих трудах Т. Г. Добросклонская выдвигает важную для исследования текстов массовой информации концепцию о коммуникативном фоне. Как подчеркивает автор, правильное восприятие текста обеспечивается не только языковыми единицами и их соединением, но и необходимым общим фоном знаний, т.е. коммуникативным фоном. В рамках медиалингвистики под коммуникативным фоном понимается определенная совокупность условий и особенностей воспроизводства, распространения и восприятия медиатекста, иными словами, всего того, что стоит за его словесной частью [Добросклонская 2008: 35]. Следовательно, положение о коммуникативном фоне оказывается тесно связанным с категорией дискурса, в рамках которой вербальный компонент и экстралингвистические составляющие коммуникации объединяются в единое целое.

Одним из первых, кто противопоставил дискурс объективному повествованию и присвоил данному понятию конкретное терминологическое наполнение, стал Э. Бенвенист. Основателем дискурсивного анализа принято считать Т. А. ван Дейка. По мнению лингвиста, анализ дискурса включает в себя два аспекта – текстуальный и контекстуальный анализы. Под первым понимается структурный анализ текста на всех его уровнях: от фонетического до

синтаксического. Следовательно, контекстуальный анализ – это анализ контекста. В основу дискурсивного анализа положена идея о том, что структура текста определяется характером контекста [Дейк 2000].

Что касается определений дискурса, приведем следующее: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1998: 136].

По мнению Т. А. ван Дейка, дискурс в широком смысле слова «является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [Дейк 2000: 121–122]. Как сложное коммуникативное явление, дискурс включает в себя кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Логично, что такой подход к определению дискурса как сложной системы иерархии знаний предполагает и наличие интегрированных моделей обработки дискурса [Дейк 2000: 8].

Как подчеркивает М. Л. Макаров, «широкое употребление дискурса как родовой категории по отношению к понятиям речь, текст, диалог в лингвистической литературе сегодня встречается все чаще, в то время как в философской, социологической или психологической терминологии оно уже стало нормой» [Макаров 2003: 90]. Приведенные точки зрения, безусловно, заслуживают внимания, поскольку подчеркивается обобщающий характер понятия «дискурс».

Вслед за Е. С. Кубряковой под дискурсом понимается форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line). Дискурс отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми [Кубрякова 2004: 525].

Мы принимаем точку зрения Т. В. Милевской, по мнению которой, трактовка дискурса как когнитивно-коммуникативного события позволяет говорить о дискурсивной деятельности как о речемыслительной активности коммуникантов, связанной с познанием и презентацией мира говорящим и осмыслением, реконструкцией языковой картины мира отправителя речи реципиентом [Милевская 2003]. Любой текст можно представить в форме своеобразной понятийной сети, где существуют определенные отношения между элементами семантической структуры.

Кроме того, следует отметить, что когнитивный образ предметно-референтной ситуации может быть представлен в виде модели – базовой структуры репрезентации знаний о предметно-референтной ситуации, которая актуализируется в процессе взаимодействия коммуникантов. Как отмечает М. Л. Макаров, когнитивный образ содержит знания о конвенциях, нормах, ритуалах, ролях коммуникативной деятельности, т.е. информацию социокультурного характера, организованную в виде сценариев и моделей [Макаров 2003: 157].

Исследователь выделяет в дискурсе две когнитивные модели, одна из которых относится к структуре предметно-референтной ситуации, а другая составляет процедурную ситуацию общения, сценарий эпизода коммуникативного взаимодействия. Вышеуказанные ментальные модели по-разному эксплицируются и совмещаются в различных типах дискурса. Заметим, что когнитивные модели не существуют отдельно от дискурса, поскольку он является не только средой для их реализации, но и порождающим их источником.

Логика предшествующих рассуждений доказывает, что дискурс когнитивен и коммуникативен. В лингвистических исследованиях когнитивная составляющая языковой реальности не должна игнорироваться. Когниция и коммуникация неотделимы друг от друга [Магировская 2014: 151]. Следовательно, в дискурсе задействованы коммуникативные и когнитивные механизмы. Из вышесказанного следует, что при исследовании медиадискурса более правильным будет обращение к когнитивно-дискурсивной парадигме. В рамках данной парадигмы

лингвистического знания моделирование языковых явлений рассматриваются в единстве выполняемых ими функций: когнитивной и коммуникативной. Когнитивно-дискурсивная парадигма фокусируется не на изучении внутреннего мира человека, его способности воспринимать информацию, а конкретно на языковой способности, т.е. знаниях языка, выступающих в виде особых ментальных репрезентаций.

Из названия упомянутой парадигмы следует то, что она представляет собой совокупность двух фундаментальных направлений лингвистических исследований – когнитивной лингвистики и анализа дискурса. По мнению В. В. Красных, несмотря на то, что термин «когнитивный» стоит в названии парадигмы на первом месте, соотношение когнитивного плана с дискурсивным необходимо описать как часть и целое. Фрагментом коммуникации выступает коммуникативный акт, каждый из которых состоит из ситуации и дискурса, следовательно, дискурс представляет собой фрагмент коммуникации. Отметим, что дискурс представляет собой вербализованную речемыслительную деятельность, включающую в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты. Вслед за В. В. Красных выделим в структуре коммуникативного акта следующие аспекты: экстралингвистический, семантический, когнитивный и лингвистический [Красных 2003: 84]. Следовательно, когнитивный пласт коммуникации, образованный когнитивным пространством и когнитивной базой, является одной из характеристик англоязычного медиадискурса.

Смещая фокус исследования в сферу медиадискурса, подчеркнем, что в настоящее время выделяются как минимум два подхода к определению данного понятия. Согласно первому, под медиадискурсом понимается специфический тип речемыслительной деятельности, характерный для информационного поля масс-медиа. Согласно второму подходу, медиадискурс мыслится как любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый в СМИ.

По мнению цитируемого автора, дискурс – это тематически сфокусированная, социокультурно-обусловленная, речемыслительная деятельность в пространстве масс-медиа [Кожемякин 2010: 73]. Основная цель

экономического медиадискурса заключается в освещении событий экономической жизни общества, информировании населения о состоянии экономики и формировании определенного отношения к происходящему.

Н. Фэркло отмечает, что, с одной стороны, медиадискурс отражает особенности массового сознания и, с другой, участвует в организации сознания аудитории масс-медиа и, таким образом, обладает «скрытой властью» над обществом [Fairclough 2001: 265]. Согласно данному определению, медиадискурс рассматривается как интерактивный процесс взаимодействия масс-медиа с аудиторией, в отличие от текста, в котором обнаруживается результат разворачивания медиадискурса.

Для решения задач данного исследования считаем логичным предложить понимание того, что в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы может быть отнесено к поверхностным и глубинным структурам медиатекста. К глубинным структурам, изучение которых осуществляется с точки зрения когнитивного аспекта, относятся концепты и их модели. Дискурсивный аспект предполагает изучение конститутивных, жанрово-стилистических и институциональных категорий медиадискурса, относящихся к его поверхностным структурам. Следовательно, поверхностную структуру экономического медиадискурса составляют лингвистические характеристики, а глубинную структуру – когнитивные характеристики, отражающие определенные ментальные процессы, происходящие при производстве и интерпретации экономического медиадискурса.

Из вышесказанного следует, что потенциал когнитивно-дискурсивной парадигмы состоит в возможности описания англоязычного медиадискурса как комплекса информационных, ценностных и культурных доминант, как коммуникативно-когнитивную систему. Когнитивная линия анализа медиадискурса позволяет раскрыть связь между формально-содержательными структурами и единицами медиатекста, а также структурами хранения и представления знаний и ментальными единицами. Когнитивная ось исследования призвана показать специфику разнообразных когнитивных механизмов,

участвующих в построении данного типа дискурса. Подчеркнем, что к данным механизма относятся концепты, сценарии, метафоры, прецедентные феномены, характеризующие экономический медиадискурс. Понимание экономического медиадискурса как коммуникативно-когнитивной системы предполагает анализ глубинных концептуальных систем и когнитивных механизмов, а также поверхностных структур, обеспечивающих его функционирование в процессе коммуникации.

Трудно не согласиться с точкой зрения Т. А. Евтушиной и Н. А. Ковальской, согласно которым доминантой экономического дискурса выступает экономический текст, служащий средством коммуникации в экономической сфере и обладающий определенными особенностями в зависимости от контекста и адресованности реципиентам [Евтушина 2014: 44]. Данный тезис подтверждает гипотезу о том, что англоязычный медиатекст функционирует как составная часть англоязычного медиадискурса.

Интересным для когнитивного моделирования представляется исследование проблемы языковой личности адресата, поскольку авторы медиатекстов во многом ориентируются на предполагаемые ценности и установки аудитории, осуществляя отбор материала и выбор высказываний. Мультимедийная среда способна трансформировать сознание как адресанта сообщения в контексте медиадискурса, так и адресата [Гусякова 2014: 84]. Интерес к данной области лингвистики нашел свое отражение в работах Т. Г. Добросклонской [Добросклонская 2008; 2010; 2015], В. В. Богуславской [Богуславская 2008], Т. И. Уткиной [Уткина 2015], Е. А. Кожемякин [Кожемякин 2010] и др. Фактор адресата играет важную роль и активно эксплицируется во всех разновидностях медиадискурса, в том числе в дискурсе экономической прессы. Основная цель медиадискурса состоит в формировании в сознании адресата определенной модели мира, а функциональное назначение языковых единиц заключается в создании смысла. Адресант дискурса/текста СМИ моделирует такие условия протекания коммуникации, которые способствуют сближению с адресатом [Караджаев 2014: 41]. Немаловажно, что при анализе медиатекстов следует

уделить внимание изучению взаимосвязи по линии «автор-адресат», поскольку аудитория интерпретирует полученную информацию в зависимости от различных факторов, например, социальное положение, возраст, фоновые знания, профессиональные и иные интересы. Моделирование концепта основано на понимании его адресатом, который, исходя из имеющихся у него знаний, воссоздает модель информации, выраженной автором [Абрашкин 2014].

В своей работе Е. Г. Петушинская отмечает, с одной стороны, англоязычный экономический медиадискурс является промежуточным явлением, совмещающим целый ряд черт других типов дискурса, с другой стороны, он реализуется как дискурс особого характера, обладающий своими свойствами. В данном типе медиадискурса имеет место сообщение знаний о явлениях экономического плана, их свойствах и качествах, что сближает его с научным дискурсом, конкретно, с научно-информационным подтипом. По характеру языкового оформления англоязычный экономический медиадискурс близок к научно-разговорному подтипу, отличающегося определенным тематическим характером. Профессиональная тематика должна заинтересовать любую аудиторию актуальными современными экономическими процессами, происходящими в жизни общества, а также явлениями, глобально значимыми и одновременно имеющими отношение к каждому из читателей [Петушинская 2008].

Отметим, что англоязычный экономический медиадискурс обладает особенностями как институционального, так и личностно-ориентированного типа дискурса. Среди основных его характеристик выделяют открытость, доступность, метафоричность, стабильность тематики. Экономический медиадискурс рассматривается как семиотическая система со своей специфической картиной мира, концептами, функциями и целями, как лингвокогнитивный феномен, специфическим образом преломляющий отражение окружающей действительности и конструирующий особую реальность.

Что касается предметной области англоязычного медиадискурса, то она включает в себя концепты, образующие его тематическое и смысловое ядро. Так,

экономический медиадискурс функционирует на базе концептов «экономика», «финансы», «предприятие», «покупатель», «товар», «спрос», «предложение» и др. Согласно Е. В. Белоглазовой, к основным маркерам экономического дискурса относятся многообразные вербализации концепта «деньги», наименования различных финансовых институтов (банк, фонд, трест), операции с деньгами и их аналогами [Белоглазова 2010: 24].

Особый интерес представляют некоторые высказывания зарубежных исследователей. По мнению Л. Филипса и М. В. Йоргенсена, экономический дискурс представляет собой особый, напрямую связанный с экстралингвистическими факторами, тип дискурса. Даже сама экономика может быть проанализирована как дискурсивная практика, т.е. как бесконечный ряд отдельных решений людей, которые приписывают значения событиям и объектам, составляющим вместе «экономику» [Филипс, Йоргенсен 2004: 158].

В продолжение идеи о перспективах когнитивных исследований англоязычного медиадискурса подчеркнем, что важное место в его исследовании отводится моделированию информационных процессов, т.е. механизмам презентации речевой действительности. К числу инструментов, позволяющих понять закономерности движения информации в медиaprостранстве, относится информационная модель. На основе данной модели представляется возможным проследить механизм превращения событий реальной жизни в медийное событие, а также понять особенности влияния медиасферы на формирование картины мира в индивидуальном и общественном сознании. В составе информационной модели Т. Г. Добросклонская выделяет отбор фактов, освещение событий, создание образов, формирование стереотипов, культурно-идеологический контекст [Добросклонская 2015: 6–7].

В результате обзора трудов отечественных и зарубежных лингвистов, мы пришли к выводу о том, что термин «медиадискурс» близок по смыслу к понятию «медiateкст», однако, медиадискурс подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; медiateкст мыслится преимущественно как результат языковой деятельности, как часть

медиадискурса. Экономический медиадискурс является одной из специфических разновидностей современного дискурса, представленный широко в средствах массовой информации в виде обзоров, аналитических статей, специализированных изданий. При анализе данного лингвистического феномена необходимо принимать в расчет такие аспекты, как включенность в политический, социальный и экономический контексты. Рассмотренные нами подходы к определению медиатекста и медиадискурса не являются принципиально различными и несовместимыми, они лишь акцентируют разные стороны исследуемых лингвистических феноменов.

1.5. Экстралингвистические основы изучения экономического конфликта в англоязычном медиадискурсе

Англоязычный экономический медиадискурс, ориентированный на освещение экономического конфликта, имеет в качестве внеязыковой действительности структуру экономики, функционирующую по своим законам. Последняя, в данном случае, выступает в качестве знания о мире. Эти законы требуют предварительного освещения, чтобы их отражение в языковой форме стало наиболее понятным. За счет расширения связи когнитивной лингвистики с теми или иными науками, которые влияют на функционирование языковых явлений, учет внеязыковых факторов облегчает процесс понимания. Е. А. Яковлева справедливо отмечает: «Обращение к языку представляет собой наиболее простой доступ к сознанию, все структуры которого «изначально» вербализованы, а все объяснения о любых объектах выступают для человека в форме их вербализованного описания» [Яковлева 2006: 178–179]. Автор полагает, что язык как когнитивный процесс функционирует в качестве инструмента для проникновения в тайны человеческого сознания, а переработка знаний о мире и их структурирования соотносятся с языковым социумом [Яковлева 2006: 179].

При ознакомлении с конфликтом в русле экономического медиадискурса считаем целесообразным в данном параграфе диссертации, в первую очередь,

рассмотреть конфликтогенные зоны экономики. Другими словами, при анализе необходимо принять во внимание, какие сектора экономики наиболее уязвимы и могут стать потенциальной зоной возникновения экономического конфликта. Чтобы дать ответ на поставленный вопрос, в первую очередь, необходимо понять, что же представляет собой экономическая сфера жизни общества, какие сектора выделяют в ней экономисты.

По мнению Е. В. Перова экономическая сфера представляет собой совокупность производительных сил и производственных отношений: производство, распределение, обмен и потребление материальных благ, собственность, а также институты управления экономической деятельностью [Перов 2014: 64]. Следовательно, в процессе реализации вышеуказанных отношений при столкновении экономических интересов может возникнуть конфликт.

Следует принять во внимание тот факт, что разделение экономики на сектора не имеет четкого определения. Популярна так называемая трехсекторная модель экономики, состоящая из государственного сектора, регулируемого рыночного сектора и нерегулируемого рыночного сектора [Плеханов 2016: 253].

Тремя основными отраслевыми секторами современной экономики являются:

- 1) первичный сектор – добыча сырья и сельское хозяйство;
- 2) вторичный сектор экономики – строительство, обрабатывающая промышленность и т.д.;
- 3) третичный сектор – сфера услуг: банковское дело, розничная торговля, туризм и т.д. [Тютюкина 2014: 16]. К третичному сектору относятся также такие виды хозяйственной деятельности, как образование, здравоохранение, научные исследования, информационные технологии.

Полагаем, что в современном обществе, представляющем собой динамическую общественно-экономическую систему, внутри каждого сектора постоянно появляются новые виды общественных отношений и видоизменяются старые, что может привести к возникновению конфликтов. К примеру, такие

явления, как коммерческое посредничество, частное предпринимательство, спекуляция утратили свою общественную опасность [Перов 2014: 50]. Однако появляются новые опасности, вызывающие конфликтогенность. Под экономической конфликтогенностью понимается наличие совокупности напряженностей в экономической сфере жизнедеятельности общества, которые при определенных условиях могут привести к деструктивным конфликтам в обществе [Там же: 64]. В обществе отмечается варьирование уровня конфликтогенности во времени и в пространстве. Он также может иметь разную остроту, интенсивность проявления в разных регионах мира в одни и те же периоды времени [Там же: 56]. Данный факт обусловил то, что освещение экономического конфликта в англоязычном медиадискурсе соответствует текущему моменту.

Как уже отмечалось, с точки зрения лингвистики концепт представляет собой динамичную величину, в том смысле, что его содержание, а также взаимосвязи с другими концептами во многом зависят от изменения в массовом сознании. Эти взаимосвязи, в свою очередь, детерминированы изменениями в обществе. Следовательно, любое синхронное описание концепта всегда будет именно описанием структуры и содержания концепта на данном конкретном историческом этапе, и его нельзя экстраполировать на другой период существования общественного сознания [Попова, Стернин 2007: 114–115]. В соответствии с вышеуказанным можно заключить, что при моделировании экономического конфликта в англоязычном медиадискурсе необходимо учитывать фактор текущего момента, а именно, интерес публики к определенному конфликту, происходящему в тот или иной момент времени. В подтверждение приведем мнение В. Крофта и Д. Круза, отметивших постоянное увеличение динамической природы концепта в зависимости от текущего момента: *“a dynamic picture of concepts is emerging, in which they are viewed as being created at the moment of use”* [Croft, Cruise 2004: 75]. Исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой концепты и концептуальные связи подвержены постоянным изменениям.

Предпочтительное освещение актуального для момента экономического события должно, вне всякого сомнения, затрагивать экономический конфликт. Согласно Е. А. Ветровой и Е. Е. Кабановой, экономические конфликты возникают на основе столкновения экономических интересов [Ветрова, Кабанова 2018: 20]. Другой исследователь расширяет данную трактовку, конкретизируя, что экономические конфликты возникают тогда, когда потребности одной стороны удовлетворяются за счет потребностей другой [Замедлина 2017: 17].

С. М. Емельянов высказывает справедливое мнение о том, что, экономический конфликт заключает в себе борьбу различных общественных сил за влияние в сфере экономики: борьбу за экономические ресурсы, рынки сбыта, приоритет в производстве товаров и т.д. [Емельянов 2009]. Степень участия в конфликте варьируется от непосредственного до опосредованного влияния на ход развития конфликта. Исходя из этого, различают: основных участников конфликта (субъекты), группы поддержки и другие участники (подстрекатели и организаторы) [Балан 2016: 85–86]. Основными субъектами экономических конфликтов являются государства, экономические союзы, крупные финансовые объединения, монополии [Емельянов 2009]. По формам проявления выделяют конкуренцию, экономическую блокаду, эмбарго, забастовку [Ветрова, Кабанова 2018: 20].

При анализе контекстов употребления лексем в англоязычных медиатекстах следует также обратить внимание на различные формы проявления конфликта. Исследователи выделяют агонистические (примиримые) и антагонистические (непримиримые) конфликты. Для агонистических характерны конфронтация, соперничество, конкуренция. Среди антагонистических выделяются следующие виды: смута, бунт и мятеж, восстание, революция [Замедлина 2017: 16–17]. В проблематике конфликтов используются термины «споры», «дебаты», «торги», «соперничество и контролируемые сражения», «косвенное и прямое насилие» [Там же: 12].

Следует подчеркнуть, что современное общество характеризуется усилением взаимосвязи субъектов международных отношений, глобализацией

мирового хозяйства и усилением открытости экономик большинства стран [Господарик 2017: 3]. Глобализация и освоение глобального мира – одно из самых грандиозных мероприятий в истории человечества. Одной из основных характеристик глобализационных процессов в современном мире является высокая степень конфликтности разворачивающихся процессов [Кувалдин 2010: 18]. Противоречия, накопившиеся во всех сферах жизни мирового общества, усиливают друг друга, вырастает напряженность и конфликтогенный потенциал по разным линиям [Там же: 26–27].

Конфликты могут проявляться не только в разных секторах экономики, но и в различных сферах жизнедеятельности общества. Если за критерий принять объект конфликта, то выделяют экономические, социально-политические, идеологические, социально-психологические, социально-бытовые [Замедлина 2017: 17]. Каждая сфера характеризуется определенной самостоятельностью, имеет свои особенности и закономерности развития. Однако в рамках реальных общественных отношений они тесно взаимосвязаны, элементы каждой сферы присутствует во всех остальных. Экономические конфликты могут проявляться на макроэкономическом и микроэкономическом уровнях и вовлекать в свои орбиты тысячи и миллионы людей, политические партии и государства [Емельянов 2009]. В определенный период общественной жизни одна из сфер может играть определяющую роль.

Прежде чем сосредоточиться на установлении взаимодействия концептов в контекстах англоязычных медиатекстов, необходимо выявить, в каком соотношении с объективной действительностью они находятся. В данной ситуации представляется целесообразным обратиться к экономическому обоснованию данных явлений. В первую очередь, акцентируем наше внимание на соотношении конфликта и кризиса. С одной стороны, экономический кризис может рассматриваться как закономерное следствие развития экономического конфликта. Конфликт противодействующих друг другу факторов периодически выливается в кризис, которые всегда представляют собой только временное разрешение действующих противоречий [Руднев 2016: 408]. С другой стороны,

существует мнение, что кризис порождает конфликтную ситуацию. К примеру, одним из самых тяжелых типов кризиса является межсистемный кризис, связанный с полным разрушением старой экономической структуры. В такой ситуации наиболее ярко проявляется тенденция к раздробленности экономики, одним из результатов которой, как правило, становятся крупные конфликты и потрясения [Пискунова 2007: 17]. Чем глубже экономический кризис, тем меньше усилий требуется для его трансформации в экономический конфликт. В то же время, данные феномены могут представлять собой соотношение целого и части [Современный словарь по конфликтологии 2016: 282]. Из вышесказанного следует, что в экономике между конфликтом и кризисом могут быть установлены следующие отношения: конфликт генерируют кризис; кризис функционирует как источник конфликта; кризис как поворотный пункт в эволюции конфликта.

В глобальном мире все тесно взаимосвязано. Что касается условий взаимодействия экономики и политики, то Н. А. Баранов отмечает, что экономическая и политическая сферы неразрывно связаны и представляют собой взаимодействие государства, гражданского общества и личности. Утверждение о том, что экономика влияет на политику, а политика является концентрированным выражением экономики, не позволяет в полной мере определить сложные взаимосвязи указанных сфер общества. Однако в переломные периоды развития государства процессы реформирования экономики влекут за собой существенные изменения в политической сфере [Баранов 2004: 213]. К примеру, кризис 2008–2009 гг. интенсифицировал болезненные и потенциально опасные процессы в мировой политике [Кувалдин 2010: 26]. Современный этап развития лингвистики характеризуется заметным увеличением числа исследований, посвященных изучению экономического медиадискурса. Данная тенденция обусловлена популяризацией экономических знаний и лидирующим положением экономических проблем, которые в общественном сознании по своей значимости приближаются к политической проблематике [Васибьева 2018: 64].

С экономической сферой общественной жизни тесно связана и социальная сфера. К числу острых проблем относятся углубление неравенства, застойная

безработица, поляризация доходов [Кувалдин 2010: 26]. Подчеркнем, что не всеми в обществе признаются рыночные отношения и частная собственность, выступающие в качестве средств стимулирования производства, потребления и распределения. Как отмечает Н. А. Баранов, такая система порождает безработицу, которая, в свою очередь, ведет к социальным потрясениям и напряженности [Баранов 2004: 213]. Приемлемой представляется точка зрения, согласно которой взаимоотношения между экономической и социальной областью – это влияние экономических отношений на социальную структуру общества и на активность социальных групп, а также влияние системы социальных неравенств на социально-экономические процессы [Экономическая социология 2016: 235]. По А. М. Плотниковой социальные отношения рассматриваются как «взаимодействие между людьми, включающее обмен информацией, установление и поддержание контакта, оценивание самих себя, групп, социальных общностей в процессе межличностного общения» [Плотникова 2011: 523].

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что учет внеязыковых факторов выполняет столь же важную роль в процессе когнитивного моделирования, что и рассмотрение языковых средств выражения концепта. В первую очередь, изученные положения восполняют пробелы в знаниях экономики и облегчают процесс понимания экономических событий, изложенных на страницах англоязычных медиатекстов. Исходя из рассмотренных выше точек зрения экономистов, можно утверждать, что разгорание экономического конфликта может произойти в любом из трех секторов экономики, и уровень конфликтности изменяется во времени и пространстве, может проявляться с разной интенсивностью в разных странах в одинаковый период времени. Важно то, что освещение экономического конфликта в англоязычном экономическом медиадискурсе должно соответствовать текущему моменту. Анализ экономических терминов позволил также продемонстрировать, что наряду с обыденным знанием структурой концепта ECONOMIC CONFLICT отражается и научное знание. Экстралингвистическая информация о взаимодействии

экономического конфликта и экономического кризиса, политики, социальной сферы, государства будет учитываться при написании практической части диссертационного исследования.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Рассмотренные в первой главе теоретические вопросы, касающиеся моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT в англоязычном медиадискурсе, позволили сформулировать положения, релевантные для настоящего исследования:

1. Современный этап развития лингвистического научного знания характеризуется использованием идей моделирования различных языковых явлений и процессов. В лингвистических исследованиях в силу сложности различных объектов действительности наиболее эффективным способом их исследования является построение когнитивной модели. Когнитивное моделирование рассматривается как метод научного познания действительности, позволяющий понять недоступный непосредственному наблюдению объект исследования. В настоящей диссертации под когнитивной моделью понимается сконструированная ментальная репрезентация объекта, генерирующая новые знания о нем и формируемая на базе доступных наблюдений. Ее отличие от концепта заключается в том, что когнитивная модель может выступать как модель концепта и представлять собой исследовательскую модель, приближающую концепт к ментальной единице.

2. Суть когнитивного подхода к проблемам моделирования заключается в признании того, что языковая форма представляет собой отображение когнитивных структур. Поскольку в исследовании в качестве основной ментальной единицы рассматривается концепт, представляется актуальным обращение к моделированию концептов, которое строится на анализе семантики вербализующих их языковых средств. В современной когнитивной лингвистике

общепризнано, что структура концепта является подвижной субстанцией и находится в постоянном развитии, в связи с чем, раскрыть содержание концепта можно через построение его модели. Подчеркнем, что на рассмотренном ниже англоязычном материале оказалось возможным выявить лишь часть модели концептов, участвующих в репрезентации экономического конфликта.

3. Анализ теоретических источников по когнитивному моделированию позволил построить схему поэтапного моделирования концепта. Разработанная в диссертации схема состоит из следующих этапов: выборка фрагментов медиатекста; выделение в них единиц, репрезентирующих концепт; осуществление их дефиниционного анализа; выделение базовых когнитивных признаков; установление содержательной значимости и интерпретация языковых единиц и, в итоге, словесное (или частично графическое) представление концепта.

4. В работе учтено различие между медиадискурсом и медиатекстом. Изучение вопроса об их соотношении позволило прийти к пониманию того, что англоязычный медиатекст является составной частью англоязычного медиадискурса. Как следствие обнаружение концепта производится в пределах экономического медиатекста, однако когнитивное моделирование должно учитывать особенности всего экономического медиадискурса. Для достижения комплексного изучения концепта ECONOMIC CONFLICT становится важным соблюдение единства когнитивного и коммуникативного подходов к англоязычному медиадискурсу.

5. Полученная экстралингвистическая информация помогла в поиске и понимании необходимых для анализа фрагментов медиатекстов. Выявлено, что структура концепта ECONOMIC CONFLICT может служить способом трансляции не только обыденно-практического, но и научного экономического знания. Было принято к сведению положение современной когнитивной лингвистики о взаимосвязи и взаимовлиянии концептов, что нашло выражение в рассмотрении моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT в практических главах.

ГЛАВА 2. МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА ECONOMIC CONFLICT В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Обращение к исследованию концепта ECONOMIC CONFLICT обусловлено тем, что постоянная мобильность концепта, связанная с высокой общественной значимостью феномена экономического конфликта, сопровождается вариативностью его репрезентаций. Исследовательская глава ставит своей целью всесторонний анализ средств вербализации концепта ECONOMIC CONFLICT в современном английском языке, комплексный семантико-когнитивный анализ исследуемого концепта, выделение когнитивных признаков, расположенных в ядре, ближней и дальней периферии, построение модели концепта ECONOMIC CONFLICT.

2.1. Вербальное проявление ядра и ближней периферии концепта ECONOMIC CONFLICT

Стремительное развитие информационного пространства является причиной того, что англоязычные медиатексты становятся одной из самых актуальных для исследователей форм существования английского языка. В этом плане англоязычный экономический медиадискурс в силу его распространенности в мире занимает особое место. Медиатексты не только пассивно отражают реальные события, но и участвует в формировании картины мира. Изучение англоязычного медиадискурса отмечено междисциплинарным характером, поскольку спектр вопросов, рассматриваемых в его континууме, требует привлечения таких наук, как когнитивная лингвистика, анализ дискурса социолингвистика, экономика и некоторые другие гуманитарные дисциплины. Однако, в любом случае, все они должны исходить из отражения объективного экономического положения, и в этом смысле невозможно исключить из рассмотрения референциальные особенности экономической ситуации, в том

числе экономического конфликта, вербализуемого в рамках англоязычного экономического медиадискурса.

В качестве отправной точки будет выступать иметь общеупотребительное значение лексемы “*conflict*”, сужаемое в медиатекстах до сферы экономики и приобретающее терминологическое значение, свойственное экономическому медиадискурсу, а также научному медиадискурсу. Данный шаг, в итоге, продемонстрирует когнитивные процессы в познании экономического конфликта как реальности на основе общеизвестного понятия.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо обратить внимание на методiku концептуального анализа, основанную на детальном учете структуры концепта, поскольку, как показал анализ, экономический конфликт в медиадискурсе репрезентируется самым широким спектром разнообразной лексики. В отобранных для анализа медиатекстах по критерию яркости выделенных когнитивных признаков содержание концепта разделено на ядро и периферию. Важен тот факт, что при моделировании концепта выделяются когнитивные признаки, а не отдельные значения [Попова, Стернин 2007: 123]. К ядру относятся прямые номинации концепта, словарные дефиниции, а к периферии примыкают номинации когнитивных признаков в различных контекстах, коннотации, ассоциации. [Степанова 2017б: 197]. В ядре и периферии заложены значимые элементы концепта, актуальные для носителей языка. Концептуальные характеристики выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих концепт, их словарные толкования, контексты. Сопоставление всех доступных языковых средств репрезентации концепта в системе языка и в речи позволяет выявить его основное содержание [Болдырев 2001: 30]. Другими словами, моделирование концепта осуществляется посредством интерпретации языковых структур, его репрезентирующих.

На основе осуществленной выборки релевантных фрагментов медиатекстов и словарных дефиниций моделирование концепта ECONOMIC CONFLICT следует начать с отражения трансформации его общенационального понятия в экономической сфере. При проведении дефиниционного анализа в качестве

индикатора английских слов, объективирующих конфликт, была выбрана лексема “*conflict*”. Следует подчеркнуть, что выбор данной лексемы в качестве ключевой обусловлен наличием у нее достаточно обобщенной семантики, что позволяет наиболее полно номинировать концепт ECONOMIC CONFLICT. Терминологическое значение исследуемой лексической единицы выявляется на базе дефиниций, представленных в ряде существующих в настоящее время словарей английского языка, которые фиксируют семантический объем понятия “*conflict*” как уровень их познания в определенный момент времени. Диахронический аспект таких вербализаций свидетельствует о движении, как в развитии конфликта, так и в его вербальных комментариях. Этимологический анализ раскрывает сведения о содержании концепта.

При диахроническом анализе семантики ключевой лексемы “*conflict*” установлено, что первоначально (в XV в.) ядром концепта являлось конкретное действие, которое определялось как «вооруженное столкновение, битва» – “*armed encounter, battle*” [Online Etymology Dictionary]. Слово, пришедшее в английский язык из старо-французского, происходит от лат. *conflictus*, глагола *confligere* со значением “*to strike together, be in conflict*” и ассимилированной формы *com-* со значением “*with, together*”. Постепенно, по мере того, как ядро концепта окутывалось новыми концептуальными признаками, объем концепта увеличивался. Значение “*be in opposition, be contrary or at variance*” появляется в 1640-х гг. Постепенно конкретное значение лексической единицы “*conflict*” отодвигается на периферию, и к 1743 г. уже отмечается использование словосочетания “*conflict of interest*”. В 1875 г. появляется значение “*discord of action, feeling, or effect, clashing of opposed principles, etc*”. Кроме того, в 1859 г. лексема “*conflict*” начинает обозначать психологическое состояние “*incompatible urges in one person*”. В одном из самых ранних словарей имя существительное “*conflict*” комментируется посредством таких лексем, как “*violent collision: a struggle or contest: a battle: a mental struggle*”. Что касается глагола “*to conflict*”, то в словаре он трактуется как “*to fight: contend: to be in opposition: to clash*” [Chamber’s Twentieth Century Dictionary of the English Language 1903: 195].

Современные словари квалифицирует лексему “*conflict*” следующим образом. Например, словари Cambridge Dictionary и Oxford Dictionary характеризуют конфликт как разногласие, возникающее при столкновении несовместимых взглядов, позиций и интересов: “*an active disagreement between people with opposing opinions or principles*” [Cambridge Dictionary]; “*a serious disagreement or argument, typically a protracted one*” [Oxford Dictionaries]. В вышеуказанных словарях комментирование лексической единицы “*conflict*” сопряжено с рядом лексем, раскрывающих такой оттенок конфликта как «борьба»: “*fighting between two or more groups of people or countries*” [Cambridge Dictionary]; “*a prolonged armed struggle*” [Oxford Dictionaries]. Отличительной чертой англоязычного словаря Oxford Dictionary является расширение определения посредством комментирования конфликта как психического состояния, при котором человек испытывает столкновение противоположных чувств или потребностей: “*a state of mind in which a person experiences a clash of opposing feelings or needs*” [Oxford Dictionaries].

Другие словари, в частности, Collins English Dictionary и Longman Dictionary of Contemporary English, дополняют трактовку лексемы “*conflict*” следующими моментами: *serious disagreement and argument about something important; a state of mind in which you find it impossible to make a decision; fighting between countries or groups of people; a serious difference between two or more beliefs, ideas, or interests* [Collins English Dictionary]; *a state of disagreement or argument between people, groups, countries; fighting or a war; a situation in which you have to choose between two or more opposite needs, influences, etc.; a situation in which you have two opposite feelings about something* [Longman Dictionary of Contemporary English].

Словарь Macmillan English Dictionary for advanced users квалифицирует лексему “*conflict*” примерно в том же ключе, однако приводит несколько иное определение в первом значении, которое, будучи сопоставленным с другими, указывает на оттенки конфликта в различном понимании коммуникантов: *angry disagreement between people or groups; fighting between countries or groups; a*

situation in which it is difficult for two things to exist together or be true at the same time [Macmillan English Dictionary for advanced users 2007: 308].

Суммируя вышеприведенные определения, можно констатировать тот факт, что, конфликт в настоящее время воспринимается сознанием как способ взаимодействия, как проявление социальных отношений между людьми и странами, а также противоборство, борьба, возникающие при столкновении несовместимых взглядов и интересов. Следует иметь в виду, что в англо-английский толковых словарях зафиксировано отражение общего толкования конфликта, а не его экономическое толкование, которое актуализируется в англоязычном экономическом медиадискурсе. Однако нельзя отрицать того факта, что трактовка конфликта в общеупотребительном смысле служит отправной точкой для его специальных толкований. Из приведенных выше дефиниций конфликта, можно сделать вывод о том, что большинство англоязычных толковых словарей в дефиниции к лексеме “*conflict*” предлагают лексические единицы “*disagreement*”, “*fighting*”, и в двух словарях в дефиниции приводится лексема “*argument*” для указания на основной когнитивно-семантический компонент структуры концепта ECONOMIC CONFLICT.

Как было отмечено выше, в рамках первого этапа моделирования происходит лексикографическое исследование лексемы-репрезентанта, участвующей в объективации концепта ECONOMIC CONFLICT. На основании полученных данных в дальнейшем осуществляется выборка фрагментов англоязычных медиатекстов. Помимо работы с толковыми словарями английского языка, исследование лексемы-репрезентанта проводится также с помощью словарей-синонимов и словарей-тезаурусов. Следует подчеркнуть, что рассматриваемый словарный материал не ограничивается одной частью речи, поскольку в репрезентации концепта задействован спектр разнообразного частеречного материала.

В рамках обозначенного подхода, в частности, на основании данных электронных словарей-синонимов Thesaurus и Lexico powered by Oxford, был составлен перечень лексем, синонимичных лексической единице “*conflict*”.

Характерным для двух указанных словарей является использование таких синонимов конфликта, как *“battle”, “clash”, “combat”, “strife”, “struggle”, “war”, “contention”, “encounter”, “engagement”, “fracas”*. В словаре Lexico powered by Oxford обращает на себя внимание словарная статья, обозначенная *“the industrial conflicts of the 1980s”*, имеющая отношение к экономической сфере, а, следовательно, перечисленные здесь синонимы применимы к экономическому конфликту – *“dispute”, “discord”, “clash”, “tussle”*. Таким образом, выделенный на основе синонимов элемент когнитивно-семантической структуры конфликта – «борьба», «сражение» – совпадает с лексемами, полученными в ходе дефиниционного анализа. Предварительный анализ лексикографического материала, уточнивший лексико-семантические варианты лексемы *“conflict”* и выявивший ее синонимы, служит надежной базой для выявления когнитивных признаков в структуре концепта ECONOMIC CONFLICT в пространстве англоязычного медиадискурса.

Переходя к анализу вербальных проявлений экономических конфликтов в отдельных медиатекстах, следует еще раз отметить, что материалом для изучения средств реализации концепта ECONOMIC CONFLICT служат выпуски англоязычной газеты *“The Financial Times”* 2017–2019 гг. В отличие от словарей, медиатексты позволяют проанализировать средства вербализации концепта ECONOMIC CONFLICT в более широком ключе. На основании данных, полученных в ходе анализа медиатекстов, соответствующих указанным выше временным рамкам, осуществляется словесное или графическое представление исследуемого концепта.

В процессе исследования установлено, что лексическая единица *“conflict”*, функционирующая в качестве ядра концепта ECONOMIC CONFLICT, встречается 56 раз в медиатекстах 2017 г., описывающих экономический конфликт. На страницах проанализированных медиатекстов 2018 г. зафиксировано 66 случаев ее употребления, в то время как в медиатекстах 2019 г. насчитывается 70 единиц. Количество статей вышеуказанных лет составляет 210. На следующем этапе исследования описываются когнитивные признаки в

структуре концепта ECONOMIC CONFLICT, зафиксированные на страницах англоязычных медиатекстов. При обобщении отдельных когнитивных дифференциальных признаков был выделен наиболее значимый классификационный когнитивный признак (классификатор), сформулированный следующим образом – «ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА». В качестве языковых средств, эксплицирующих экономический конфликт, были рассмотрены как отдельные слова – лексемы, вербализующие концепт ECONOMIC CONFLICT, так и свободные словосочетания с данными лексемами. Когнитивная интерпретация частотности лексических единиц позволяет выявить, как актуализируется концепт в англоязычном медиатексте. Подробному освещению когнитивных признаков, расположенных на дальней периферии, посвящен параграф 2.2 настоящего диссертационного исследования.

В проанализированных медиатекстах 2017 г. вышеуказанный классификатор конкретизирован в структуре концепта ECONOMIC CONFLICT такими когнитивными признаками, как *conflict of interest* (38% случаев употребления), *disruption* (17%), *clash*, *confrontation* (14%), *tension* (11%), *battle* (7%), *dispute*, *debate* (7%), *conflicting message* (3%), *turmoil* (3%). Проиллюстрируем вышеперечисленное примерами.

Когнитивный признак «**несовпадение экономических интересов**» репрезентирован в следующих фрагментах: *conflicts of interest* [FT, 2017. № 39,508: 4]; *a conflict of interest* [FT, 2017. № 39,508: 9]; *potential conflicts of interests* [FT, 2017. № 39,435: 4]; *alleged conflict of interest* [FT, 2017. № 39,448: 3]; *the perceived conflicts of interest* [FT, 2017. № 39,508: 10]; *to eradicate conflicts of interest* [FT, 2017. № 39,508]; *to step out conflicts of interest* [FT, 2017. № 39,511: 11]; *concerns about conflicts of interest* [FT, 2017. № 39,511: 12]; *concern over conflicts of interest, the potential for conflicts of interest, a conflict of interest* [FT, 2017. № 39,516: 4].

Второй по частности употребления когнитивный признак «**разрыв экономических отношений**» также выражен в нескольких контекстах: *disruption*, *a very hard Brexit divorce-agreement* [FT, 2017. № 39,506: 5]; *the risk of disruption at*

transport choke points, a serious interruption, the disruptive hazards [FT, 2017. № 39,509: 20].

Третьим когнитивным признаком, с точки зрения его частотности, становится «**СТОЛКНОВЕНИЕ**», имеющим в экономических медиатекстах 2017 г. различные языковые средства выражения, в частности, *fiscal discipline clashes* [FT, 2017. № 39,435: 24]; *clashes between free market voices and economic nationalists* [FT, 2017. № 39,508: 2]; *from confrontation to dialogue* [FT, 2017. № 39,593: 6]; *confrontational approach to trade* [FT, 2017. № 39,508: 2].

Следующие когнитивные признаки являются малочастотными. Перечислим их в порядке убывания. Когнитивный признак «**НАПРЯЖЕНИЕ**» актуализирован в текстовых фрагментах *setting off trade tensions with China* [FT, 2017. № 39,452: 1]; *this tension in the various perspectives within the administration* [FT, 2017. № 39,508: 2]; *tensions over this fundamental conflict* [FT, 2017. № 39,593: 12]. Когнитивные признаки «**БОРЬБА**», «**СПОР**» совпадают по количеству выделенных контекстов: *in a rhetorical battle over protectionism* [FT, 2017. № 39,452: 1]; *to fight on the campaign trail* [FT, 2017. № 39,508: 2]; *trade dispute system was porous* [FT, 2017. № 39,452: 1]; *stresses dispute* [FT, 2017. № 39,593: 6]; *internal debate over* [FT, 2017. 39,508: 2].

К числу когнитивных признаков, характеризующихся минимальной частотностью, относятся признак «**БЕСПОРЯДОК, НЕРАЗБЕРИХА**» и «**ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ИНФОРМАЦИЯ**», объективированные как *this week's turmoil* [FT, 2017. № 39,435: 24] и *conflicting messages* [FT, 2017. № 39,506: 3; FT, 2017. № 39,508: 11].

В свою очередь, в медиатекстах **2018** г. когнитивный классификатор «**ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА**» обобщает такие когнитивные признаки как *war* (34% примеров), *conflict of interest* (18%), *tension* (11%), *debate, dispute*, (11%), *battle* (10%), *disruption* (6%), *clash* (3%), *crash* (3%), *issue* (1%), *friction* (1%), *turmoil* (1%), *contradiction* (1%). Проиллюстрируем вышеуказанное примерами из англоязычных медиатекстов.

Когнитивный признак «**война в экономике**» отличается наибольшей частотой актуализации при моделировании концепта ECONOMIC CONFLICT. Анализ средств вербализации концепта позволяет установить, что в англоязычных медиатекстах экономический конфликт сводится к торговым войнам. Во всех выделенных фрагментах идет речь о торговом конфликте США и Китая: *trade war* [FT, 2018. № 39,719: 1]; *fears of a global trade war* [FT, 2018. № 39,725: 3]; *trade wars become real wars, in a trade war* [FT, 2018. № 39,728: 9]; *Mr Trump's trade war with China, before launching a trade war with China* [FT, 2018. № 39,735: 4]; *the trade war between China and the US, the trade war went against America, trade war with America, the precise consequences of a trade war* [FT 33]; *a trade war, the worry about a trade war, an open-ended trade war* [FT 29]; *from previous cases of trade war* [FT 9]; *trade wars, trade war, a potential trade war* [FT 13]; *the global trade war started by Donald Trump* [FT 5]; *a trade war with China, a full-scale trade war*, [FT 15]; *an outbreak of a trade war, trade war or cold war., war for hegemony, a war between a global superpower in decline (the US, overstretched in the Middle East) and one on the rise (China), the US-China war for hegemony* [FT 6]; *in trade war with US, in the trade war* [FT 7].

Вторым по частотности когнитивным признаком выступает «**несовпадение экономических интересов**», репрезентированный в следующих контекстах: *a glaring conflict of interest in being a payment platform as well as an arbiter of credit ratings* [FT, 2018. № 39,712: 9]; *Mr Berlusconi's perceived conflict of interest* [FT, 2018. № 39,713: 9]; *the inherent conflict of interest* [FT, 2018. № 39,718: 2]; *concerns about conflicts of interest and lack of transparency, potential conflicts of interest* [FT, 2018. № 39,724: 21]; *a potential conflict of interests* [FT, 2018. № 39,729: 7]; *conflicts of interest* [FT, 2018. № 39,729: 8]; *undisclosed conflicts of interest* [FT, 2018. № 39,728: 12]; *the prevention of conflicts of interest* [FT, 2018. № 39,730: 4]; *a conflict of interest* [FT, 2018. № 39,730: 7]; *conflicts of interest* [FT, 2018. № 39,730: 8]; *potential conflict of interest, the SFO's possible conflict of interest, potential conflicts of interest* [FT 21]; *to limit conflicts of interest* [FT 1].

Когнитивные признаки «спор» и «напряжение» обнаруживаются в медиатекстах 2018 г. в равных долях: *to settle the dispute* [FT, 2018. № 39,713: 9]; *diplomatic disputes* [FT, 2018. № 39,718: 4]; *in dispute with Vietnam and Malasia, early settlement of the trade disputes* [FT 32]; *the rising war of words over trade* [FT 9]; *the debate about the auditing market* [FT 1]; *the trade dispute, how damaging trade disputes can be* [FT 17] и *tension on the peninsula* [FT, 2018. № 39,715: 4]; *heightening tension between the EU and Rome* [FT, 2018. № 39,724: 4]; *the other tensions* [FT 33]; *tension over imbalances and currency misalignments* [FT 5]; *rising trade tensions* [FT 15]; *the trade tensions* [FT 17]; *the tension over trade* [FT 6]; *trade tensions* [FT 7].

Когнитивный признак «борьба» выражен в англоязычных медиатекстах разнообразными языковыми средствами: *on the periphery of the battle* [FT, 2018. № 39,717: 12]; *a long-term battle* [FT 33]; *in the battle over trade, to see proxy battles played out between them, many future battles on trade,* [FT 6]; *the trade fight* [FT 33]; *trade offensive* [FT 29]; *its ongoing struggles with the US* [FT 26].

Для концепта ECONOMIC CONFLICT, репрезентированного в медиатекстах 2018 г., также характерно выделение когнитивного признака «разрыв экономических отношений»: *trade disruptions* [FT 33]; *has disrupted cross-border trade* [FT 23]; *disruptive to global markets* [FT 6]; *such big economic disruption, disruption could easily arrive* [FT 31]. Еще один когнитивный признак – «столкновение» – актуализирован во фрагментах *conglomerate clash* [FT, 2018. № 39,713: 9]; *has repeatedly clashed with* [FT, 2018. № 39,729: 1]; *the biggest crash barriers* [FT 24]; *“flash crashes”* [FT 15].

Наименее частотными лексическими единицами являются лексемы, эксплицирующие когнитивные признаки «разногласие» – *trade frictions with China* [FT 15], «проблема» – *the trade issues* [FT 33]; «противоречие» – *the ‘jarring’ contradiction* [FT 13] и «суматоха» – *turmoil in overstretched debt markets* [FT 31].

В рассмотренных медиатекстах экономической направленности 2019 г. классификационный когнитивный признак «ПРОЯВЛЕНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА» представлен следующим образом: *war* (38%), *tension* (20%), *battle* (13%), *dispute* (10%), *disruption* (5%), *uncertainty* (4%), *challenge* (4%), *confrontation* (4%), *hostility* (2%).

Установлено, что доминантным когнитивным признаком в структуре концепта ECONOMIC CONFLICT выступает когнитивный признак «**война в экономике**». Высокая частотность данного признака объясняется самим характером протекания в обществе экономического конфликта, сужаемого до торговой и тарифной войн, а также затрагивающего сферу технологий: *a trade war* [FT, 2019. № 39,993: 9]; *the US trade war* [FT, 2019. № 39,994: 1]; *the trade war impact* [FT, 2019. № 39,994: 1]; *trade wars, some of the effects of trade wars had already been felt* [FT, 2019. № 39,994: 6]; *the incipient US-China trade war, if there was to be real trade war between the US and China* [FT, 2019. № 40,001: 13]; *Behind President Donald Trump's trade war with China* [FT, 2019. № 40,019: 9]; *the spread of the tariff war, the trade war* [FT 30]; *much of the damage from the trade war* [FT 12]; *will lead to trade wars, the first technological war of the emerging digital era, a trade war* [FT 20]; *the "war on terror"* [FT 28].

Когнитивный признак «**напряжение**» также ориентирован на настоящий момент и характеризует сложную ситуацию в момент развития экономического конфликта: *trade tensions* [FT, 2019. № 39,994: 1]; *trade tensions, with the rise of trade tensions* [FT, 2019. № 39,994: 6]; *the tensions in this triangular relationship have been largely contained* [FT, 2019. № 40,019: 8]; *by the recent escalation in trade tensions, was no further escalation in trade tensions, the impact on trade tensions on business confidence* [FT 12]; *in rising tension with the US administration of President Donald Trump* [FT 20].

Обнаружено, что в объективации еще одного когнитивного признака «**борьба**» участвует разнообразная лексика, в частности, *battle, tussle, fighting: the US and China battle* [FT 30]; *steps up battle* [FT, 2019. № 40,000: 5]; *a three-way tussle between free markets* [FT 27]; *while the fighting was currently away from the main oil fields* [FT 18]; *expect a tough fight* [FT, 2019. № 40,019: 2].

В рамках классификатора «ПРОЯВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА» был обнаружен когнитивный признак «спор», репрезентированный в следующих контекстах: *Conflicts or disputes* [FT, 2019. № 39,996: 4]; *global disputes should be solved by “mutual respect”* [FT 20]; *to destroy the dispute settlement system, a dispute over the terms of market opening or protection of intellectual property* [FT 28].

К числу менее частотных когнитивных признаков относятся «разрыв экономических отношений», «неуверенность», «враждебность», «трудность», «столкновение»: *prompting fears of supply disruption I the oil-rich North African country* [FT 18]; *disrupt relations with Beijing* [FT, 2019. № 40,021: 4]; *a prolongation of global trade uncertainty* [FT, 2019. № 40,013: 2]; *grave concerns* [FT, 2019. № 40,019: 1]; *a deepening hostility, hostility between the US and China* [FT 30]; *China’s current economic challenge* [FT, 2019. № 40,019: 9]; *a US confrontation of China without Europe* [FT, 2019. № 40,181: 9]. Невысокий процент обнаруженных когнитивных признаков, однако, не является показателем их низкой значимости в сознании продуцентов и реципиентов медиадискурса. Полагаем, что при его исследовании преобладание того или иного когнитивного признака свидетельствует об их личном восприятии экономического конфликта в англоязычной лингвокультуре.

Исследование показало, что концепт ECONOMIC CONFLICT обретает частное проявление в экономическом медиатексте. Вместе с тем, указанное комментирование конфликта в медиатексте поддерживается общеупотребительными значениями лексем из толковых словарей. На основании анализа лексического воплощения концепта ECONOMIC CONFLICT когнитивные признаки в его структуре могут быть распределены следующим образом:

2017 г.: ядро – *conflict*, ближняя периферия – *conflict of interest, disruption, clash, confrontation, tension, battle, fight, dispute, debate, conflicting message, turmoil*;

2018 г.: ядро – *conflict*, ближняя периферия – *war, conflict of interest, tension, dispute, debate, battle, disruption, clash, crash, issue, friction, turmoil, contradiction*;

2019 г.: ядро – *conflict*, ближняя периферия – *war, tension, battle, dispute, disruption, uncertainty, challenge, confrontation, hostility*.

Для более полного исследования репрезентации концепта ECONOMIC CONFLICT и построения его модели необходимо изучить также языковые средства, формирующие дальнюю периферию названного концепта.

2.2. Метафорическое моделирование концепта ECONOMIC CONFLICT

При исследовании дальней периферии концепта ECONOMIC CONFLICT обратимся к метафорическому моделированию. Отметим, что в современной лингвистике данный термин стал общепринятым. Его встречаем, в частности, у таких авторов, как Т. В. Андрюхина [Андрюхина 2011; 2018; 2019], Н. А. Мишанкина [Мишанкина 2010], Т. Н. Герасина, А. М. Погорелко [Герасина, Погорелко 2011], Т. В. Таратынова [Таратынова 2012], О. Н. Кондратьева [Кондратьева 2014], Т. И. Уткина [Уткина 2015], С. М. Тлисова, Г. И. Аубекова [Тлисова, Аубекова 2015], О. В. Мингалева [Мингалева 2017], Н. В. Степанова [Степанова 2017 а, б]. Прокомментируем, что метафорическое осмысление различных явлений экономики и политики освещается также в работах зарубежных исследователей [Herrera-Soler, White 2012; Musolff 2016]. Согласно исследованиям в области языкового моделирования, к числу базовых когнитивных моделей, участвующих в создании нового способа представления объекта, относится метафора, понимаемая расширенно по отношению к традиционной лингвистической интерпретации [Мишанкина 2010: 43]. Интересной представляется точка зрения, согласно которой наличие метафорических выражений в языке – это следствие существования метафорических моделей в психике человека [Там же: 41]. Следовательно, в рамках когнитивной концепции метафора представлена не только как языковой феномен, но как феномен когнитивный, психический. Сформировавшиеся в сознании человека метафоры вербализуются и, тем самым, доносят содержащиеся в них представления об окружающей действительности, в том числе, об

экономической стороне жизни. Таким образом, метафора как языковое воплощение сложных моделей мышления играет важную роль в экономической коммуникации.

В лингвистике распространен также термин «концептуальная метафора». По мнению Н. А. Мишанкиной, концептуальную метафору необходимо рассматривать как базовую ментальную модель, основанную на аналогии и позволяющую осмыслять объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях), получающую выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений [Мишанкина 2010: 41]. В основе концептуальной метафоры заложены концепты, сформировавшиеся в сознании человека, которые, в свою очередь, содержат представления об окружающей действительности, в том числе, об экономической стороне жизни. Вышеуказанный факт делает необходимым учет данного аспекта в процессе моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT.

Обращаясь к терминологии когнитивного моделирования, представляется необходимым также пояснить, что именно подразумевается под метафорическим моделированием. Разработанная Т. И. Уткиной процедура метафорического моделирования сводится к следующему: отбор материала исследования метафорического представления концепта; процедура идентификации метафоры с использованием англоязычных словарей; разработка метафорической модели концепта на этапе концептуального анализа [Уткина 2015: 158]. Концептуальные характеристики выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих концепт, их словарные толкования, речевые контексты [Болдырев 2001: 30]. Следует также обратить внимание на процедуру идентификации метафоры (metaphor identification procedure) в медиадискурсе, которая представляет собой поэтапный алгоритм: прочитать текст – проанализировать все лексические единицы, составляющие текст – установить контекстуальное значение для каждой лексической единицы – установить базовое значение для каждой лексической единицы – определить, отличается базовое значение лексической единицы от контекстуального. В случае утвердительного ответа лексическая единица

признается метафорой [Pragglejaz Group 2007: 3]. В дополнение к вышесказанному отметим, что в процессе когнитивной интерпретации когнитивные метафоры должны быть сформулированы как определенные содержательные признаки, входящие в структуру концепта. В свою очередь, эти признаки часто извлекаются из содержания метафоры, из основания сравнения, которое легло в основу метафоры [Попова, Стернин 2010: 206–207].

Основываясь на том, что метафора позволяет представить один объект посредством другого, отметим ее актуализацию в плане когнитивного моделирования. А. Н. Баранов, описывая когнитивную теорию метафоры, вводит понятие «метафорической проекции», получаемой в процессе метафоризации. В свою очередь, под метафоризацией исследователь понимает взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target domain) [Баранов 2014: 29]. Как было отмечено, метафора структурирует абстрактное через конкретное и, тем самым, продуцирует модель непосредственно ненаблюдаемого мыслительного пространства, фиксируя его конституирующие свойства [Кондратьева 2014: 45–46]. Исследователь Т. В. Андрюхина справедливо замечает, что «концептуальные метафоры, хотя и существуют в нашей понятийной системе, не даны человеку в изначально неизменном виде как готовый познавательный инструмент, а модифицируют свою концептуальную структуру в дискурсе, демонстрируя разные способы лингвистической реализации в нём в зависимости от широкого социально-политического и культурного контекста» [Андрюхина 2019: 8].

На основе изложенных выше теоретических положений, в данном параграфе исследуется метафорическое осмысление концепта ECONOMIC CONFLICT в той его актуализации, которая характерна для экономических медиатекстов издания “The Financial Times” указанных годов. Поскольку когнитивной лингвистике свойственно максимальное широкое понимание метафоры, в данной работе рассматриваются также фразеологизмы с метафорической внутренней формой. В целом, реализованная в работе пошаговая схема метафорического моделирования состоит из нескольких этапов.

На первом этапе осуществляется выборка материала исследования посредством поиска в англоязычных медиатекстах контекстуально-обусловленных лексем, репрезентирующих концепт ECONOMIC CONFLICT. На втором этапе с использованием англоязычных лексикографических источников определяется метафорический статус выделенных единиц. На третьем этапе обобщаются полученные данные, и осуществляется построение метафорической модели. Обратим внимание на тот факт, что полученные метафорические модели, в частности, выделенные в них когнитивные признаки, и будут формировать дальнюю периферию модели исследуемого концепта.

Практическое использование данной схемы раскрывает следующие особенности метафорической характеристики экономического конфликта. Анализ выборки показал, что в медиатекстах 2017–2019 гг. выделяется метафорическая модель: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ – СТИХИЯ (13% случаев употребления). Многочисленные примеры уподобления конфликта стихии, включают в себя аналогии со штормом, шквальным ветром, природными стихиями, характеризующимися быстрой, разрушительной силой и внезапностью: ... *that Britain and France were, at least, to blame for the outbreak of that **catastrophic conflict*** [FT, 2017. № 39,572: 10]; *a **squall** in financial markets* [FT, 2019. № 40,001: 2]; *The federal government has been rocked by scandals over alleged conflict of interest involving Mr Peña Nieto’s wife and his foreign minister. They have denied wrong doing but **the storm** helped the president’s popularity to record lows* [FT, 2017. № 39,448: 3]; *there is a **storm gathering over relations** between the European Commission and Poland* [FT, 2018. № 39,712: 8]; *it could be a **disaster*** [FT 24].

Приведем еще один пример, развивающий идею о «штормовой» тематике: *Finally, once **this perfect storm** occurs in 2020, the tools available to policymakers will be constrained* [FT 15]. В рассматриваемом фрагменте был обнаружен фразеологизм “*this perfect storm*” с метафорической внутренней формой – “*a very unpleasant situation in which several bad things happen at once*” [Macmillan Dictionary].

Привлекает также внимание один из медиатекстов, в котором речь идет о тарифной политике Д. Трампа и развивающимся в мировой экономике тарифном конфликте. В медиатексте, в котором глобальная экономика метафорично сравнивается с океаном, подчеркивается вся неизбежность опасности происходящих событий – *the global economy is the big ocean that you cannot escape from* [FT, 2019. № 39,993: 9]. К числу эффективных элементов «стихийной» модели концепта ECONOMIC CONFLICT относится волна, символизирующая мощный удар стихии – *the wave of bilateral bullying* [FT 30].

В другом примере автором англоязычного медиатекста используется аллюзия “*as clouds gather*”, намекая на известное выражение – *as clouds gather before a storm* со значением “*trouble that is going to happen soon*” [Cambridge Dictionary]. Невозможно не согласиться с тем фактом, что развитие экономического конфликта происходит в условиях неуверенности в завтрашнем дне и нестабильности в экономической сфере: *But the correction, including in commodities and fixed, will continue as clouds gather* [FT 15].

В медиатекстах 2017–2018 гг. негативная коннотация может также продуцироваться метафорическим использованием лексемы “*fuel*” со значением «разжигать» (стихия огня): “*China’s falling current account surplus is winning it no points in Washington, where the rising US bilateral trade deficit with China continues to fuel trade tensions*”, said Mr. Prasad [FT 7]; ... *fuelling conflict and damaging already-weakened infrastructure...* [FT, 2017. № 39,509: 20]; ... *it “fuels the fire” of the conflict* ... [FT, 2017. № 39,595: 4]; ... *partly fuelled by economic and social conflict* [FT 25]. В приведенных выше примерах выявляется метафора с лексемой “*fuel*”, базовое значение которой “*supply or power (an industrial plant, vehicle, or machine) with fuel*” противопоставляется контекстуальному “*cause a situation or conflict to become more intense*” [Oxford Dictionaries]. Столь же ярким средством создания метафорической образности оказалось использование лексемы “*smoldering*” в сочетании “*the smoldering conflict continues...*” [FT, 2019. № 40,013: 2].

К числу характерных для экономических медиатекстов 2017–2019 гг. моделей относится также метафорическая модель ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО (14% случаев употребления). Сложность и опасность экономического конфликта проявляется при его уподоблении растению или животному. В примере – *Another **thorny issue** for companies with two heads is remuneration* [FT 14] – привлекает внимание фитометафора “**thorny issue**”, базовое значение которой – “*covered with thorns*”, а контекстуальное – “*the problem that is difficult to deal with*” [Macmillan Dictionary].

Проанализируем еще один фрагмент англоязычного экономического медиатекста, в котором используется метафора с лексемой “*root*”. Ее контекстуальное значение “*have as an origin or cause*” частично совпадает с базовым – “*cause (a plant or cutting) to grow roots*” [Oxford Dictionaries]: *I have worked in many countries facing similar conflicts based on **deeply rooted** historical grievances* [FT № 39,595, 2017: 15]. В рассматриваемом примере растение и конфликт объединяет такое свойство, как «связь с субстратом», служащая причиной «произрастания» экономического конфликта.

В другом анализируемом фрагменте “*trade conflicts **bites***” [FT 12] глагол “*bite*” со значением «кусать» указывает на особую роль персонификации экономического конфликта, и конфликт, в частности, воспринимается как живое существо. Подобно тому, как животное причиняет боль, когда кусает, так и экономический конфликт представляет собой угрозу и несет немало негативных последствий, сравнимых с болью. В следующем примере привлекает внимание читателя сочетание “*the logic of conflict in the grammar commerce*” [FT, 2018. № 39, 717: 8], в котором экономический конфликт сравнивается с человеком, поскольку только тому присуще логика.

В результате анализа экономических медиатекстов были выделены метафорические модели с исходной биологической сферой: *Rather than symbiotic, the relationship has been parasitic or anti-biotic: China is killing the US (death by China) in terms of its global hegemony* [FT 6]. В данном предложении образное описание экономических отношений Китая и США осуществляется с помощью

имен прилагательных, не свойственных сфере экономики. Анализ примера доказал, что дальняя периферия концепта ECONOMIC CONFLICT формируется метафорично посредством лексем “*symbiotic*”, “*parasitic*”, “*anti-biotic*”, функционирующих в сфере биологии.

Значимой особенностью конфликта как живого существа выступает опасный характер, способный угрожать человеку и наносить ущерб: *a serious threat to global growth* [FT, 2017. № 39,452: 1]; *rising steel imports were threatening the US industry* [FT, 2017. № 39,452: 1]. Привлекает внимание следующий фрагмент медиатекста: *The escalating conflict between Spain and Catalonia rattled markets yesterday and spooked business leaders, with some companies drawing up plans to leave the region if the separatist government follows through on a promise to declare in dependence* [FT № 39,595, 2017: 4]. В рассматриваемой текстовой иллюстрации зафиксирована актуализация метафоры с лексемой “*to rattle*”, в которой контекстуальное значение “*make (someone) nervous, worried, or irritated*” противопоставлено базовому значению “*make or cause to make a rapid succession of short, sharp knocking sounds*” [Oxford Dictionaries]. Прагматический потенциал еще одного образного выражения “*to spook business leaders*” со значением “*frighten*” определяется ярким концептуальным вектором страха и опасения.

Рассмотрим еще один пример из медиатекста, указывающий на опасность и угрозу экономического конфликта как коварного и хитрого живого существа: *Maurice Obstfeld, the IMF’s chief economist, said global growth would slow by 2020 and warned that “major economies are flirting with trade war”, which would distract from the reform agenda “rather than advancing it”* [FT 13]. В анализируемом предложении выявляется метафора с лексемой “*flirting with*” метафорический статус которой подтверждается в результате процедуры идентификации. Так, контекстуальное значение лексемы “*flirt*” – “*deliberately expose oneself to (danger or difficulty)*”, а базовое значение – “*to consider an idea or plan, but not very seriously*” [Macmillan Dictionary]. Высказываясь, таким образом, о назревающей торговой войне, автор снова сужает модель концепта ECONOMIC CONFLICT до торговых войн.

Следует обратить внимание на тот факт, что в медиатекстах 2018 г. были выявлены также фрагменты, в которых начало экономического конфликта сравнивается с нажатием на курок и выстрелом. Использование указанной лексемы может быть обусловлено желанием автора подчеркнуть опасный и молниеносный характер развития конфликта: *US steel tariffs likely to be opening shot in bigger trade war with China* [FT, 2018. № 39,725: 3]; *it would trigger conflict within the family and the ruling elite* [FT, 2018. № 39,723: 5]; *the conflict is triggered* [FT, 2017. № 39,593:12]. Следовательно, при создании модели концепта ECONOMIC CONFLICT лексема “trigger” войдет в состав отдельной когнитивной структуры ввиду возможности ее отношения к различным блокам.

В англоязычных экономических медиатекстах 2017–2019 гг. довольно ярко проявляет себя модель ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ – СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ (37% случаев употребления). В проанализированных медиатекстах, финансовые неудачи часто метафорически сопоставляются с ухудшением здоровья – *unhealthily high global imbalances* [FT 5]; болью – *tariffs are hurting* [FT 7], *this painful and dangerous process* [FT 33]; слабостью – *the recent economy weakness* [FT, 2019. № 39,994: 6], *financial weakness debt* [FT, 2017. № 39,516: 9]; необходимостью использования лекарственных средств – *the basic Keynesian remedies* [FT 10], *did not set out specific remedies for taxation* [FT 4]. Болезни может быть подвержена не вся экономика, а какая-либо ее сфера. В частности, в одном из предложений такой тип организации международно-торговых отношений, как билатерализм, сравнивается с заразным заболеванием – *bilateralism is often a contagious disease* [FT 30]. Еще одна особенность репрезентации вышеуказанной метафорической модели обнаруживается при описании взаимоотношений между странами, в которой они метафорически сравниваются с отравлением, злоупотреблением алкоголем – *as relations between the two superpowers become increasing poisoned* [FT 30], *post-crisis hangover* [FT 1], *the trade war ... has just got more toxic* [FT 33]; *to poison relations with China itself* [FT 26], *the poisonous conflicts of interest* [FT, 2019. № 40,181: 9].

Оппозицией болезненного состояния конфликтной ситуации является улучшение состояния. Речь идет о метафорах, в которых представлена альтернативная объективация экономического конфликта, где решение проблем концептуализируется как выздоровление. В качестве примера приведем несколько контекстов, актуализирующих экономические отношения как здоровый живой организм: *health of Italy's economy, in its latest health check of member states economies* [FT, 2018. № 39,724: 4], *a healthy rate* [FT 17]. В ходе анализа были также выявлены примеры сопоставления выхода из экономического конфликта с выздоровлением, вербализуемые посредством экстраполяции в понятийную область экономики таких лексических единиц, как “*recovery*”, “*cure*”, “*revitalization*”, “*restore*”, “*a clean bill*”. Проанализированные медиатексты позволили выявить большое количество примеров с вышеуказанными лексемами: *the global recovery* [FT, 2017: 9]; *conflict-torn nation needs more recovery time* [FT, 2017. № 39,576: 24]; *revitalization of the banking system the swifter US recovery, the recovery began, this recovery really has not been a triumph, to restore it to health as quickly as possible* [FT 10]; *had given the bank's accounts a clean bill of health* [FT 1]; *on a recovery path, to normalise their policy stances* [FT 15]; *as the world economy recovers, the economy cures the politics* [FT 31]; *stock markets ... have recovered much of their losses* [FT 32]; *before recovering* [FT, 2019. № 39,994: 6]; *strangling economic recovery* [FT, 2019. № 39,993: 3].

В процессе исследования в англоязычных медиатекстах 2018–2019 гг. обнаружен репрезентативный корпус фрагментов, актуализирующих еще одну метафорическую модель, а именно, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ – СПОРТ (35% случаев употребления). Одним из параметров спортивной метафоры в дискурсе экономики является «соревнование», который вербализуется лексемами “*competition*” и “*contest*”: *in greater competition in ecommerce* [FT, 2018. № 39,717: 12]; *nurturing competition* [FT, 2018. № 39,724: 21]; *competition is heating up* [FT, 2018. № 39,728: 12]; *exposure to competition* [FT 1]; *a fiercely fought competition, sign of fresh competition, to boost competition, to get a contest going* [FT 3]. По окончании соревнований всегда выявляется победитель и проигравшие,

следовательно, параметр «соревнование» включает в орбиту своей актуализации «итоги соревнований», что подтверждается использование лексемы “winner”: *who the ultimate winner will be* [FT 6].

Рассмотрим еще один фрагмент медиатекста, ставящий своей целью обсуждение экономического конфликта в технической сфере: *Ecommerce is a key arena in which Tencent and Alibaba are sparring* [FT, 2018. № 39,717: 12]. В данном контексте с помощью лексем “arena”, “sparring” проводится параллель между спаррингом и конфликтом. Компании-гиганты Tencent и Alibaba, вовлеченные в конфликт, представлены в медиатексте как соревнующие стороны: *international tech competitors, two giants are in competing camps* [FT, 2018. № 39,717: 12]. В других медиатекстах конфликтующие стороны охарактеризованы в аналогичном ключе: *competing superpowers* [FT, 2019. № 40,021: 4]; *a more attractive competitor firm’s audit* [FT 3].

В англоязычной прессе экономический конфликт может быть также представлен через развертывание метафоры игры, актуализированной посредством лексических единиц “game”, “player”, “play”: *bigger than games, become the latest player* [FT, 2018. № 39,717: 12]; *to see proxy battles played out between them* [FT 6]; *they are, in aggregate, huge players* [FT 30]. Приведем еще одну текстовую иллюстрацию: *How was that a proper tender process when KPMG was the only game in town?* [FT 3]. В выделенном предложении обнаруживается образное выражение “the only game in town” со значением “the only thing of a particular type available” [Macmillan Dictionary]. Как показывает анализ, спортивная метафора чаще всего отражает прагматические смыслы борьбы и соперничества. В границах модели ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ – СПОРТ прослеживается масштабный когнитивный признак «соперничество»: *saw a China a “systematic rival”* [FT, 2019. № 40,181: 9]; *one of Barclays’ biggest domestic rivals, the giants and their smaller rivals, their larger rivals* [FT 3]; *across-the-board rivalry with China* [FT 28]; *to damp speculation about the rivalry, has made rivalry inevitable* [FT, 2018. № 39,717: 12]; *the much deeper rivalry* [FT 15].

В результате анализа в медиатекстах 2019 г. была выделена еще одна, не характеризующаяся частотностью, метафорическая модель ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ – АППЕТИТ (1% случаев употребления), которая иллюстрируется приводимым ниже примером: *Mr Trump's appetite for conflict appears to be moderated by recent big falls in stock prices and the threat of a serious economic downturn* [FT, 2019. № 39,995: 2]. В выделенной метафоре у лексемы “*appetite*” базовое значение “*the natural feeling of wanting to eat*” частично совпадает с контекстуальным – “*a strong desire to grasp and absorb*” [Macmillan Dictionary].

Приведенные в диссертации метафорические модели не исчерпывают всего многообразия метафор, репрезентирующих концепт ECONOMIC CONFLICT, однако позволяют охарактеризовать экономический конфликт как природную стихию, как болезненное состояние здоровья, спорт, аппетит, а также вербализовать конфликт как живое существо. Логика предшествующих рассуждений доказала, что в когнитивном моделировании, а также при вербализации знаний в англоязычном экономическом медиадискурсе метафорический аспект играет одну из ключевых ролей. Как показал анализ, метафорика моделей эксплицирует в основном коннотации с отрицательным прагматическим потенциалом, формирующие дальнюю периферию модели исследуемого концепта:

2017 г.: дальняя периферия – *storm, disaster, catastrophe, fuel the fire, recovery, trigger.*

2018 г.: дальняя периферия – *storm, disaster, unhealthy, pain, hangover, recovery, thorny, trigger, flirt, competition, rivalry.*

2019 г.: дальняя периферия – *ocean, wave, squall, weakness, disease, poison, remedy, recovery, bite, competition, play, contest, game, rivalry, appetite.*

Полученные в ходе анализа данные позволяют приступить к исследованию моделирования экономического конфликта как референта в той его части, которая зафиксирована на страницах англоязычного издания “The Financial Times” 2017–2019 гг.

2.3. Модель концепта ECONOMIC CONFLICT в контексте языковых и неязыковых факторов

В современном языкознании растущий интерес к когнитивному моделированию объясняется тем, что данный метод позволяет раскрыть, как реальные ситуации превращаются в вербальный факт. На страницах исследуемых медиатекстов тема экономического конфликта освещается часто, что может быть объяснено сложностью и противоречивостью экономической ситуации в современном мире. Поскольку конфликт существует в реальности, описанные в исследуемых медиатекстах события основаны на данных объективной действительности. В соответствии с вышесказанным, экономический конфликт может рассматриваться как референт. Подчеркнем, что под референтом понимаются предметы и ситуации внешнего мира, получившие обозначение с помощью языковых знаков [Попова, Стернин 2010: 26].

Сложный и противоречивый материал исследования позволяет осуществить построение модели концепта ECONOMIC CONFLICT только на базе предварительного выделения факторов, детерминирующих соответствующие когнитивные признаки. Следует подчеркнуть, что анализ фактически становится двухплановым: сначала определяются соответствующие факторы, а потом на основе их осуществляется выделение и интерпретации признаков в структуре модели концепта. В итоге может быть выделена часть модели концепта ECONOMIC CONFLICT, допустимая для восстановления на основе когнитивного моделирования и которая, вне всякого сомнения, может быть расширена за счет привлечения других факторов, либо их учета в более широком диапазоне.

Как было отмечено ранее, экономический конфликт существует и ощущается в реальности, но не может восприниматься нами через органы чувств, следовательно, при лингвистическом исследовании мы имеем дело с концептом ECONOMIC CONFLICT, смоделированным на когнитивном уровне. Однако его вербальное проявление в англоязычных медиатекстах детерминировано следующими моментами:

1. Фактор субъективности позволяет представить реальный экономический конфликт в субъективных авторских оценках и вербализациях, а также указывает на интерпретирующий характер человеческого восприятия. Подчеркнем, что при анализе медиатекстов на английском языке данный фактор может быть учтен лишь частично. Сложность его рассмотрения заключается в том, что в составе медиатекстов издания “The Financial Times” субъективно-авторский компонент не всегда выражен явно. Вместе с тем, имеет смысл обозначить обнаруженные в ходе исследования способы выражения субъективности в англоязычных медиатекстах. К их числу относятся модальность и оценочная семантика высказывания. Следует отметить, что в лингвистике под субъективной модальностью понимается отношение лица к сообщаемому [Бабушкин 2001: 14].

2. Фактор событий текущего момента, при котором учитываются различные события, порождающие экономический конфликт в конкретный период времени. В процессе исследования обнаружено, что одними из наиболее обсуждаемых тем на страницах англоязычных медиатекстов выступают экономические отношения между Соединенными Штатами Америки и Китаем, а также выход Великобритании из Европейского Союза, что оказывает влияние на ход развития экономических конфликтов.

3. Диахронический фактор, указывающий на динамику экономического конфликта и его движение в период от 2017 г. до 2019 г., позволяет раскрыть характеристики феномена экономического конфликта в англоязычной лингвокультуре в разные годы. Отметим, что вышеуказанный период представляет собой небольшой срок для исследования концепта в диахроническом плане. Однако, как показывает проанализированный материал, определенные моменты развития экономического конфликта обнаруживаются и в эти годы, что, в свою очередь, позволяет говорить о мобильном характере модели концепта, репрезентирующего экономический конфликт.

Согласно подходу В. Крофт и Д. Круз отдельно взятый концепт (an individual concept) не является финальным, окончательным представлением того или иного явления, поскольку оно способно постоянно изменяться, в частности,

посредством образного описания его содержания [Croft, Cruise 2004: 75]. Следовательно, с течением времени пространство поиска, в котором находится референт, сужается, и изменяется возможное толкование концепта.

4. Культурологический фактор, выражающийся в форме упоминания прецедентных текстов в составе экономических медиатекстов. Как справедливо замечает Л. О. Чернейко, через все многообразие реальных реализаций языка в речи представляется возможным прояснить всю необъятную сферу релевантных для культуры содержаний [Чернейко 2005: 43].

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что вся информация об экономическом конфликте, зафиксированная в англоязычном медиатексте, не является точной копией реально происходящего события, но есть его интерпретация, транслирующая авторскую оценку того, что происходит во внешнем мире. Вместе с тем, убеждения автора англоязычного медиатекста подвергаются воздействию контекста ситуации, времени, а также индивидуальной предрасположенности. Важным представляется и тот факт, что референтные свойства концепта ECONOMIC CONFLICT отражаются в экономическом медиадискурсе через призму всей палитры языковых средств его вербализации.

Одной из обсуждаемых экономических тем на страницах “The Financial Times” 2017–2019 гг. становятся напряженные экономические отношения США и Китая. Данное событие отразилось в целом ряде медиатекстов. Например, медиатекст “Trump fires protectionist warning over steel industry” [FT, 2017. № 39,452: 1] ставит своей целью освещение проблемы увеличения тарифов на импорт стали (*tariff concerns*), которое, в свою очередь, может привести к возникновению торговой напряженности США с Китаем (*sparkling China tensions*). Для лингвистического исследования примечателен вербальный аспект проявления концепта ECONOMIC CONFLICT. Как показывает исследование медиатекстов, освещающих те или иные конфликтные ситуации в экономике, лексема “*conflict*” редко употребляется в пределах отдельно взятого медиатекста. Так, в исследуемом медиатексте зафиксировано всего лишь одно сочетание – “*another conflict*”.

Предпримем попытку прокомментировать невысокую частотность лексической единицы “*conflict*” как феномена в экономике. Во-первых, поскольку конфликт представляет собой исключительно нежелательное явление в экономике как сфере, обеспечивающей жизнедеятельность, так и в целом для человека, то на подсознательном уровне лексема “*conflict*” избегается, и, следовательно, в англоязычных медиатекстах находит свое отражение тенденция к отображению конфликтной ситуации описательно. На уровне подсознания коннотации данной лексемы действуют сильнее, чем ее денотации. Во-вторых, по результатам статистических данных представленных в различных корпусах английского языка можно отметить, что экономическое толкование лексемы “*conflict*” характеризуется низкой частотностью. Например, Corpus of Contemporary American English выдает 18 примеров с лексическими единицами “*economic conflict*”, корпус British National Corpus – 1 пример, а корпус iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus – 115 примеров.

Отметим, что в данном случае при построении модели концепта приходится опираться на его ближнюю периферию, которая в известном плане может быть приравнена к определению конфликта в толковых словарях. В исследуемом медиатексте назревающий экономический конфликт характеризуется как «напряжение, борьба, разногласие в сфере торговли», и, следовательно, в состав ближней периферии концепта входят такие лексические единицы, как “*trade dispute*”, “*trade tensions with China*”, “*in a rhetorical battle over protectionism*”. Оценочная семантика высказывания может рассматриваться как маркер фактора субъективности. К их числу относятся лексические единицы и словосочетания с оценочным содержанием. В частности, когнитивные признаки «жестокий», «угрожающий» (*a serious threat to global growth, were violating global trading rules, rising steel imports were threatening the US industry*) в концепте ECONOMIC CONFLICT обобщаются классификационным признаком “*threat*”.

Было установлено, что в англоязычных медиатекстах выражение фактора субъективности принимает следующие формы:

а) показателем индекса субъективности является употребление глаголов в форме сослагательного наклонения: *it **would be hard to say how **would they react***** [FT, 2017. № 39,570: 4]; *companies involved in EU-British trade on both sides of the channel **would be hit** by tariff barriers as well as ability of governments to discriminate against them; customs checks **would still add** friction to trade with the EU ...* [FT, 2017. № 39,506: 5]; *If it happens in the interest rate or equity markets, it **could be** a disaster* [FT 24];

б) использование модальных глаголов, выражающих необходимость и возможность, субъективирует высказывание: *global disputes **should be solved*** [FT 20]; *the issues that drive conflict **need to be resolved*** [FT 11]; *a dispute over the terms of market opening or protection of intellectual property **might be settled** with careful negotiation* [FT 28]; *Markets **may have rallied** on Donald Trump’s potential trade “deal” with China* [FT 27]; *After all, China’s economy is probably more vulnerable to a trade war than America’s, and the picture **could change if** (or when) stockpiling ends* [FT 8]; *trade risks **might already be taking** a toll* [FT 13].

Важной характеристикой когнитивной модели выступает ее онтологический статус, подтверждаемый в форме проявления прогнозируемых свойств в деятельности или экспериментально [Романова 2014: 324]. В данном случае допустимо упомянуть субъективную модальность, которая выражается посредством конструкций с модальностью сомнения, неуверенности и уверенности. Аспект прогнозирования характерен для модели концепта ECONOMIC CONFLICT в медиатекстах 2017–2019 гг. В приведенных фрагментах предположение о развитии экономического конфликта передается посредством лексических единиц “*seems to bring*”, “*may be not even*”: “*This happened, even though every day **seems to bring** a new harbinger of conflict that is much bigger than soyabeans, or steel, or tariff rates*” [FT 32]; *This is road to endless conflict, trade wars and **may be not even** only in trade* [FT 20]. Возможность наступления последствий экономического конфликта может быть также выражена идиоматически: *Yet this may be only a taste of what is to come* [FT, 2017. № 39, 435: 24]. В приведенном примере обнаружена идиома “*taste of what’s to come*” со значением «быть

предвестником событий». Уверенность в распространении влияния экономического конфликта между США и Китаем на другие страны достигается за счет использования конструкции “*will surely be caught*”: *As the conflicts between superpowers heats up, other countries (and businesses and people) will surely be caught between them* [FT 26]. Приведем еще несколько примеров с конструкциями, выражающими модальность уверенности и неуверенности: *a slowdown was likely to be accompanied by trade wars* [FT 13]; *there are undoubtedly unhealthy high global imbalances* [FT 5]; *the SFO’s possible conflict of interest is likely to be linked ...* [FT 21].

Что касается англоязычных медиатекстов 2018 г., основой моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT иногда выступает не ядерная лексема “*conflict*”, а содержание статьи, а именно информационная структура тех фрагментов медиатекста, которые, так или иначе, характеризуют экономический конфликт. В частности, в медиатексте “*Trade war fears mount as Trump vows to sign order for steel tariffs*” [FT, 2018. № 39,719: 1], не зафиксировано ни одного случая ее употребления. Фактор субъективности проявляется в использовании автором медиатекста негативно окрашенной лексики, входящей в состав модели концепта ECONOMIC CONFLICT, что говорит его о желании создать конфликтную атмосферу с первого предложения за счет лексем “*threaten*”, “*trade war fears*” и, тем самым, привнести в когнитивную модель субъективное освещение события. В первом фрагменте англоязычного медиатекста идет речь о том, что ухудшение экономической ситуации будет вызвано введением США высоких пошлин на сталь и алюминий: *the US would begin imposing heavy tariffs of US steel and aluminium*. Во втором выделенном блоке обнаруживается пример словосочетанием “*trigger retaliation from the EU and China*”, указывающим на опасный исход вышеописанных действий, грозящих возмездием со стороны Китая и Европейского Союза. Интересно, что и в двух других выделенных фрагментах посредством лексем “*threaten*”, “*a trade war between the world’s leading economies*”, “*to head off a trade war with the US*” автор высказывает свое предположение о назревающей торговой войне. Использование в медиатексте

лексических единиц “*negative impact on our key allies*”, “*military allies*”, характерных именно для медиатекстов военной тематики, а не экономической направленности, еще раз подчеркивает возможность возникновения торговой войны. В результате отбора материала исследования было выявлено, что экономический конфликт репрезентируется как «война», и модель концепта ECONOMIC CONFLICT сужается до торговых войн.

При интерпретации результатов моделирования концепта, важно также принимать в расчет фактор событий текущего момента, на фоне которых разворачивается экономический конфликт. В одном из медиатекстов высказываются две противоположные точки зрения: *Many economists worry that the global economy has already hit a soft patch, pointing to weak industrial data in the first quarter, particularly in Europe, and global weakness in surveys of business activity. But the fund continues to predict a bright 2018 and 2019* [FT 13]. С одной стороны, речь идет о слабом развитии экономики, ее шаткости, а, с другой стороны, лексема с положительной коннотацией свидетельствует об оптимистичном прогнозе.

Что касается медиатекста “Central bankers and currency conflicts” [FT 5], то следует сразу же заметить, что в его названии присутствует ключевая лексема “*(currency) conflicts*”, репрезентирующая еще одну из сторон экономического конфликта. Заголовок данного англоязычного медиатекста вновь подтверждает мысль о том, что в сознании читателя концептуализация экономического конфликта связана с военной тематикой, эксплицирующей вектор агрессии и противоборства, а тема торговых войн характеризуется злободневностью. В одном из анализируемых примеров в результате сравнения лексических значений, лежащих в основе фокуса высказывания, определяется аналогия между конфликтом и войной: “*the global trade war*”, “*uncertain ceasefire*”. В другом предложении вербальная основа ближней периферии концепта формируется с помощью таких лексических единиц, как “*tension*”, “*currency misalignments*”: *If there is currently tension over imbalances and currency misalignments, it is an issue for the politicians, not central bankers, to fix* [FT 5].

Интересно отметить, что и в третьем медиатексте, озаглавленном “Is the next financial crisis already brewing?” [FT 15], могут быть выделены два примера, вербальная основа проявления экономического конфликта в которых репрезентирована лексическими единицами, апеллирующими к назревающей торговой войне: “*a full-scale trade war*”, “*a trade war*”. В других предложениях обнаруживаются ранее не упомянутые лексические единицы, формирующие ближнюю периферию концепта: *trade frictions*, *frictions*, *deeper rivalry*, *the risk of “flash crashes”*. Вместе с тем, для англоязычных медиатекстов свойственно преобладание лексем с негативными коннотациями. К примеру, при описании рынка с тенденцией на понижение курсов фигурирует термин финансово-экономической сферы “*the bear markets*” [FT 15], но в тоже время, рынок, на котором наблюдается тенденция к повышению курсов, объективируется посредством лексических единиц “*the bull market*” [FT 24]. Данные метафоры вследствие частотного употребления в экономических медиатекстах постепенно теряют образность и приобретает характер клише.

В процессе исследования других фрагментов была отмечена еще одна особенность экономического медиатекста – это тесная взаимосвязь с политикой, участвующей в моделировании концепта ECONOMIC CONFLICT. Приведем несколько примеров, в которых экономический конфликт возник как закономерное следствие политического конфликта: *to provoke a military confrontation with Iran, that would trigger a stagflationary geopolitical shock* [FT 15].

Другой анализируемый медиатекст “Mounting trade conflict threatens world economy, OECD warns” [FT 17] содержит фрагменты, в которых употребляются новые единицы, репрезентирующие экономический конфликт: дважды встречается “*trade dispute*” и один раз “*emerging markets difficulties*”. Заголовок англоязычного медиатекста сообщает читателю о возникновении угрозы для всей мировой экономики вследствие возрастающего торгового конфликта (*mounting trade conflict*). В медиатексте также выделены ранее упомянутые единицы, используемые для описания ближней периферии – это “*trade conflicts*”, “*trade tensions*”. Использование идиомы “*tit-for-tat*”, означающей “*actions done*

intentionally to punish other people because they have done something unpleasant to you” [Cambridge Dictionary], доказывает, что развитие экономического конфликта происходит на фоне напряженных отношений между США и ее партнерами – *“tit-for-tat tariffs between the US and its partners”* [FT 17]. Интересен тот факт, что идиома *“tit-for-tat”* было зафиксирована еще в одном медиатексте. При описании последствий тарифной политики Д. Трампа высказывается мысль о том, что нынешние экономические отношения между Соединенными Штатами Америки и Европейским Союзом будут протекать в несколько ином ключе, по сравнению с 2002 г., когда Брюссель угрожал принять ответные меры против введения Дж. Бушем тарифов на импорт стали: *the sort of carefully calibrated tit-for-tat of previous trade conflicts such as Brussels’ threats to retaliate against George Bush’s steel tariffs in 2002, are unlikely to be met with a predictable reaction from Washington* [FT 9].

В рамках исследования вербального проявления концепта ECONOMIC CONFLICT рассмотрим ещё два медиатекста на английском языке – *“An illusion of choice: the conflicts that mire the audit world”* [FT 3] и *“US-China conflict echoes Europe’s past”* [FT 32]. В медиатексте 2018 г. ключевая лексема *“conflict”* употребляется семь раз в таких сочетаниях, как *“discreetly hidden conflicts”*, *“the conflicts that mire”*, *“both were conflicted”*, *“conflicts are often hidden”*, *“conflicts restrict”*, *“the conflicts of interest between the audit and consulting parts of the business”*, *“the potential for conflicts”* [FT 3]. В свою очередь, в медиатексте 2019 г. отмечается четыре случая употребления ключевой лексемы *“conflict”* в сочетаниях *“US-conflict”*, *“sparking a conflict”*, *“the conflicts between these great powers”*, *“a new harbinger of conflict”* [FT 32]. Если считать лексему *“conflict”* ядром концепта, то по причине ее редкого употребления основу когнитивного моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT составят другие лексемы, формирующие ближнюю периферию. Так, ближняя периферия исследуемого концепта представлена двенадцатью лексемами, олицетворяющими конкуренцию и соперничество: *“a fiercely fought competition”*, *“to get a contest going”*, *“competitors”*, *“was eligible to compete”*, *“competitor firm’s audit”*, *“sign of fresh*

competition”, “*was invited to compete*”, “*to boost competition*”, “*the UK’s competition regulator*”, “*genuine competitors*”, “*domestic rivals*”, “*the giants and their smaller rivals*”, “*weakens their larger rivals*” [FT 3]. Вышеуказанные факты дают основания для построения модели одной из сторон конфликта, а именно, частного проявления экономического конфликта как соперничества. Кроме того, анализ показал, что в медиатексте 2019 г. ближняя периферия исследуемого концепта представлена лексемами, олицетворяющими войну – “*war*”, спад в мировой торговле и финансовых активах – “*a decade-long decline in global trade and financial asset*”, стагнацию в экономике – “*stagnates*” [FT 32].

Важным событием международного масштаба, имеющим последствия в экономической сфере и ярко описываемым в англоязычных медиатекстах, становится выход Великобритании из Европейского Союза, именуемый “Brexit”. Вышеуказанное еще раз подчеркивает необходимость учета фактора событий текущего момента при моделировании концепта. Интерес представляет медиатекст “On the Brexit menu: six scenarios for Britain” [FT, 2017. № 39,506: 5]. Согласно автору медиатекста развитию экономического конфликта на крупнейшем рынке Великобритании может поспособствовать увеличение торговых барьеров – *the increase in trade barriers with the UK’s biggest market*, которые, в свою очередь, могут породить экономический конфликт. Ядро концепта ECONOMIC CONFLICT составляет лексема “*conflict*”. В составе ближней его периферии снова обнаруживается когнитивный признак «разногласие в торговле», выраженный лексическими единицами “*friction to trade with the EU*”. При исследовании вербальных основ моделирования также учитывается и дальняя периферия в структуре модели концепта ECONOMIC CONFLICT. К примеру, в исследуемом медиатексте экономические последствия Брексита сравниваются с разводом пары, о чем свидетельствует использование лексем “*disruption*”, “*a very hard Brexit divorce-agreement*”.

В медиатекстах 2019 г. тема выхода Великобритании из ЕС не теряет своей актуальности. Рассмотрим следующий фрагмент: *Brexit is an “acid test” of the future for global trade* [FT, 2019. № 40,013: 2]. Привлекает внимание сочетание

“*acid test*”, указывающее на то, что Брекзит становится решающим испытанием, «пробным камнем» для всей мировой торговли, истерзанной конфликтами.

В процессе анализа обнаруживается еще одна особенность моделирования референтных свойств концепта ECONOMIC CONFLICT в экономических медиатекстах. Речь идет о лексическом воплощении конфликта посредством включения прецедентных текстов в экономический медиатекст, что может быть оценено как культурологический фактор. Через вкрапление известных выражений, пословиц, поговорок, в несколько измененном виде или дословно, без ссылочной части, а также цитат и ссылок на автора читателю предоставляется возможность увидеть и понять, как автор экономического медиатекста выстраивает систему связи между лексическими единицами и различными символами. Интерпретационное отражение восприятия экономического конфликта приводит к становлению обобщенного представления о нем.

С позиции когнитивного моделирования, особую ценность приобретает не столько проявление интертекстуальности, сколько ее функция смыслопорождения. По мнению Е. Е. Беловой, воображение реципиента активизируется тогда, когда происходит узнавание цитаты, аппликации, возникают аллюзии, создается парафраз. Так, новый текст со всем его многообразием форм интертекстуальности живет благодаря множественности смыслов, возникающих в результате соединения ставных элементов [Белова 2017: 149].

В одном из медиатекстов 2018 г. фигурирует одно интересное включение *‘tale told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing’* [FT 29]. Вышеуказанное крылатое выражение, функционирующее в современном английском языке, представляет собой выдержку из пьесы Уильяма Шекспира «Макбет» и используется в экономическом медиатексте для описания необоснованного и излишнего беспокойства о торговой войне: *“So is the worry about a trade war a “tale told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing”? This would be far too complacent a view”* [FT 29].

В ходе исследования обнаруживается также вкрапление в канву медиатекста 2019 г. известного изречения, принадлежащего французскому либеральному экономисту XIX века, известному также как стороннику свободной торговли, Фредерику Бастиа: *When goods don't cross borders, soldiers will* [FT 29]. С помощью данных строк автор медиатекста, судя по всему, пытается подчеркнуть, что открытый торговый конфликт будет иметь геополитические последствия: *Third, an open-ended trade dispute would have geopolitical consequences. "When goods don't cross borders, soldiers will" is a well-known saying* [FT 29]. Вместе с тем, за счет языковой экспликации начала торговой войны и введения США пошлин на импорт ("*a war against imports*") у автора формируется отношение к происходящему, а в его сознании пробуждается мысль о том, что подобные действия неизбежно могут нарушить неустойчивый международный порядок: *it is bound to appear a deeply hostile act, with damaging implications for the fragile international order* [FT 29].

Обратимся к примеру, обнаруженному в медиатексте 2019 г. "Advocates of an open economy face rough road" [FT, 2019. № 39,995: 3]: *History does not repeat itself, but it often rhymes – words sometimes reputed to have been said by Mark Twain*. В экономический медиатекст включена цитата М. Твена. С помощью данных строк автору медиатекста хотелось обратить внимание на то, что невозможно не допустить поворота экономических событий прошлого, и, так или иначе, события минувших лет имеют свойство повторяться. В пределах данного медиатекста далее обнаруживается то же самое изречение Марка Твена, однако прослеживается частичное видоизменение его грамматического состава: *History may rhyme, but it has not repeated* [FT, 2019. № 39,995: 3].

В качестве примера рассмотрим еще один фрагмент, в котором посредством включения изречения Сократа, читателю предлагается мысль о том, что при наличии конфликтных ситуаций и экономических проблем важно признаться в трудности их решения, нежели создавать иллюзию, о том, что выход уже найден: *Socrates might say that awareness of one's ignorance is far better than the illusion of knowledge* [FT 10]. В медиатексте 2019 г. при описании торговой войны США и

Китай используется известное выражение «стакан наполовину пуст, или стакан наполовину полон», чтобы отобразить пессимистическое или оптимистическое отношение к экономическому конфликту: *The market sees the glass as half-empty. We see it as half-full* [FT, 2019. № 40,001: 13].

Интересен с точки зрения когнитивного моделирования фрагмент экономического медиатекста, описывающий конфликт между США и Китаем, в котором США выступает против компании Huawei. Данное технологическое соперничество затронуло Канаду. Несмотря на то, что в конфликте задействованы, главным образом, США и Китай, «страдает» при всем этом Канада: *When elephants fight, the grass is trampled. Today, Canada is the grass* [FT 26]. Африканская поговорка “*When elephants fight, it is the grass that suffers*” вводится в медиатекст в несколько ином виде, однако ее значение остается неизменным, в частности, словарь квалифицирует ее следующим образом: *the weak get hurt in conflicts between the powerful* [Oxford Reference].

В продолжение затронутой ранее темы Брексита проанализируем еще один пример: *Brexit was a canary in the coal mine for the new global order. The bird may be towards the bottom of the cage, but it is still fluttering* [FT, 2019. № 40,013: 2]. На интерпретирующий характер человеческого восприятия событий экономической сферы указывает включение в медиатекст развернутой метафоры “*canary in the coal mine*”. В прежние времена, когда в шахтах не было газоанализаторов, шахтеры, спускаясь в штрек, брали с собой канарейку в клетке и наблюдали во время работы за птицей, особо чувствительной к запаху метана. Трепыхание канарейки (*it is still fluttering*) по мере спуска сигнализировало об опасности. Следовательно, “*canary in the coal mine*” означает «тревожный сигнал», «тревожный звонок». Можно высказать предположение о том, что Брекзит был проверкой для нового миропорядка. Отмеченные выше моменты указывают в очередной раз на необходимость учета фактора субъективности, а также лингвокультурологического фактора при когнитивной интерпретации.

Что касается диахронического фактора, то следует отметить следующее. По материалам, изложенным в проанализированных медиатекстах, представляется

возможным охарактеризовать динамику развития экономического конфликта между Китаем и Соединенными Штатами Америки, поскольку язык – есть отражение происходящего в мире. Отметим, что если в медиатекстах 2017 г. приведенные выше средства вербализации концепта ECONOMIC CONFLICT как референта указывают на назревающий экономический конфликт, сужающийся до торговых войн, то при описании событий 2018 г. выбор лексических средств отличается от предыдущего года. Попавшие в поле зрения медиатексты 2018 г. фиксируют пик и обострение американо-китайских отношений, где экономический конфликт развивается и плавно перетекает в 2019 г. Тема торговой войны по-прежнему остается актуальной до конца 2019 г., но теперь она уже освещается в более спокойном русле, поскольку Китай и США частично достигают соглашения. Все чаще затрагивается тема последствий конфликта.

Далее в подтверждение того, что экономический конфликт существует в объективной реальности и что диахронический фактор отчетливо прослеживается при моделировании концепта, проанализируем несколько фрагментов англоязычных медиатекстов: *“it was a similar story”* [FT 17]; *“echoes Europe’s past”*, *“has obvious similarities to the earlier story”* [FT 32]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что развивающийся в настоящее время экономический конфликт имеет определенные черты сходства с конфликтами прошлых лет.

На базе всех рассмотренных в диссертации англоязычных медиатекстов представляется возможной следующая схематичная репрезентация модели концепта ECONOMIC CONFLICT. Медиатексты 2017 года допускают ее наглядное отображение в составе двенадцати когнитивных структур (Рисунок 1), медиатексты 2018 года фиксирует модель концепта в более сложном формате, с участием восемнадцати когнитивных структур (Рисунок 2), в то время как медиатексты 2019 года – в виде пятнадцати (Рисунок 3):

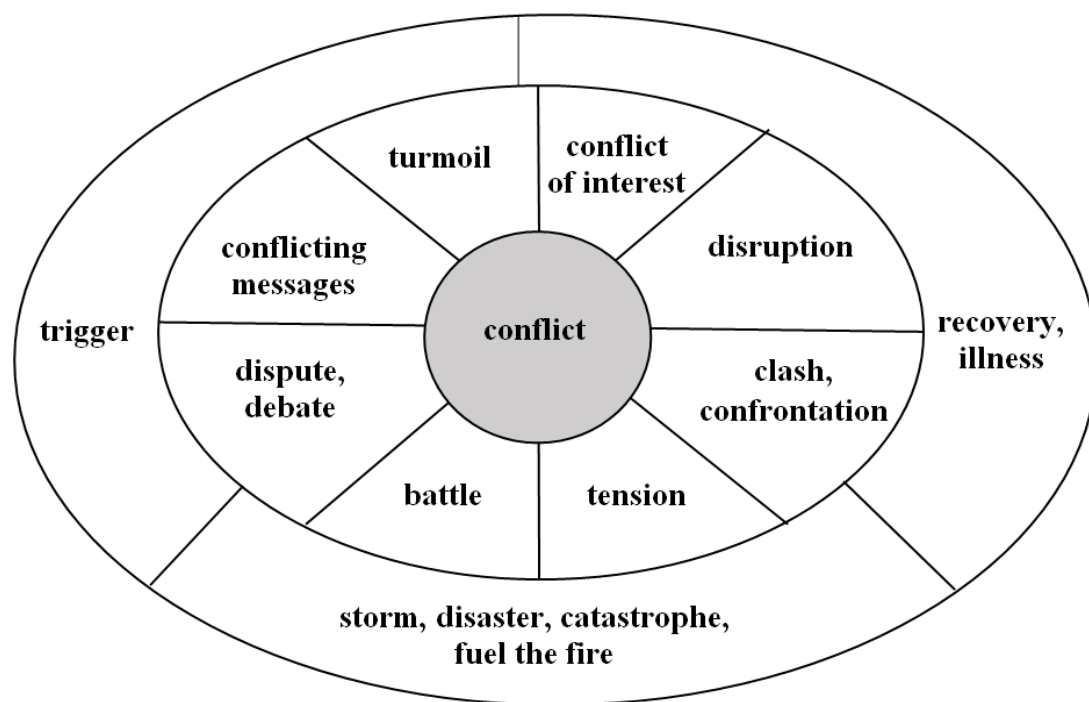

Рисунок 1 – Модель концепта ECONOMIC CONFLICT в медиатекстах 2017 г.

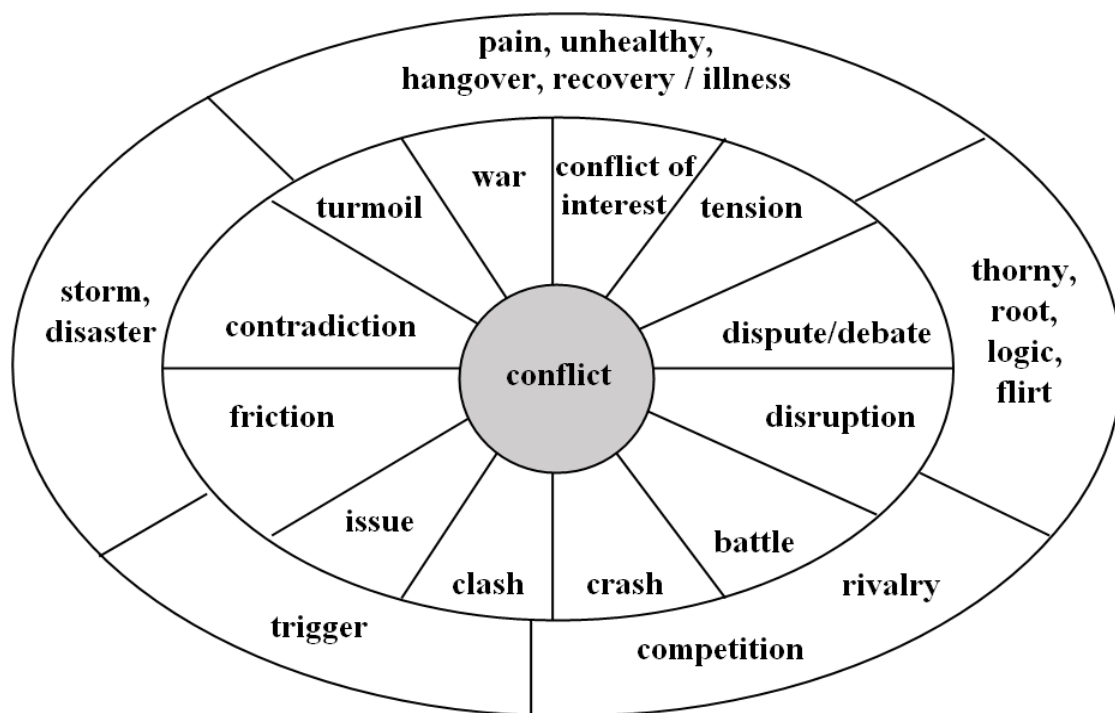

Рисунок 2 – Модель концепта ECONOMIC CONFLICT в медиатекстах 2018 г.

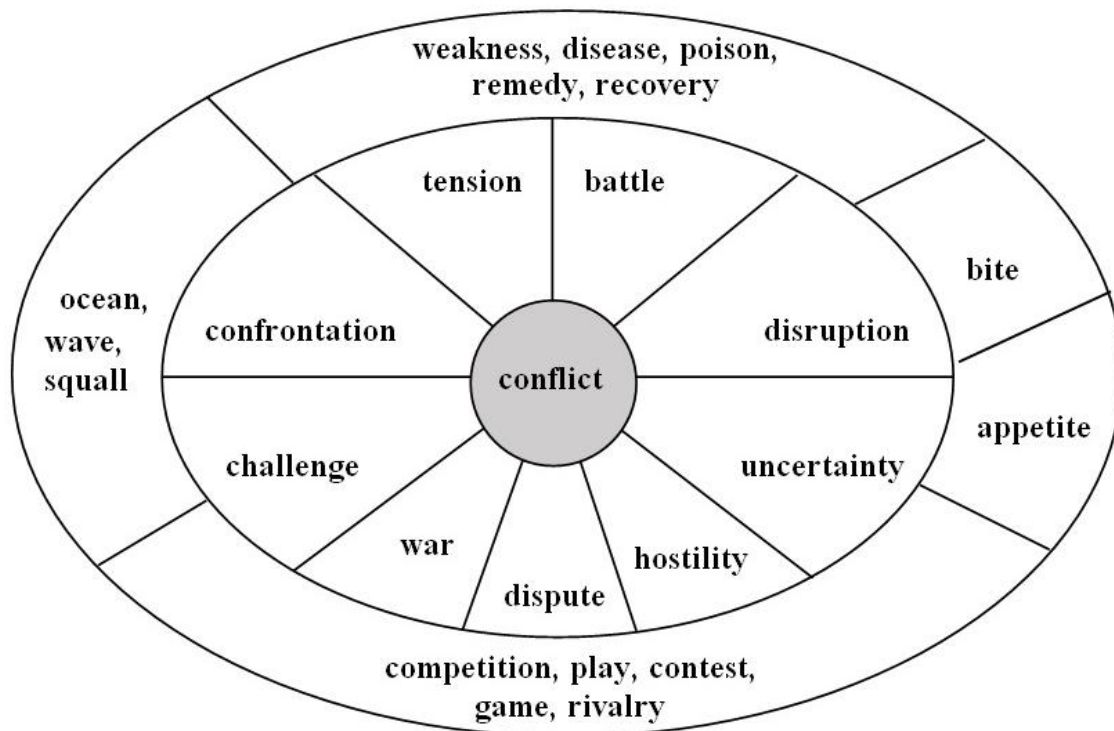

Рисунок 3 – Модель концепта ECONOMIC CONFLICT в медиатекстах 2019 г.

Исходя из того, что экономический конфликт существует в реальности, установлено, что номинирующий его концепт ECONOMIC CONFLICT является референтом. Исследование референциальных свойств концепта ECONOMIC CONFLICT с помощью метода когнитивного моделирования позволяет осмыслить явление конфликта в современной экономике. При построении модели концепта ECONOMIC CONFLICT должны учитываться факторы субъективности, фактора событий текущего момента, диахронический фактор и культурологический фактор. Учет вышеуказанных факторов раскрывает механизм формирования исследуемого концепта в словесной ткани медиатекстов. Рассмотренные свойства когнитивного моделирования экономического конфликта как референта создают основу для анализа его лингвистического отображения в рамках англоязычного медиадискурса.

2.4. Моделирование концепта ECONOMIC CONFLICT на базе синтагматического анализа

В данном параграфе мы возвращаемся к рассмотренному выше свойству концепта ECONOMIC CONFLICT, а именно, его репрезентации с помощью лексики, расширяя возможности его когнитивного моделирования от базовых номинантов (слов) до словосочетаний.

Становление лингвистики моделирования языковой реальности характеризуется вниманием к методам моделирования [Белоусов 2010: 95]. Многовекторность современных методологических подходов к исследованию архитектуры концептов способствует взаимодействию различных приемов анализа этого многогранного феномена [Огнева 2013: 82]. Известен тот факт, что в случае коммуникативной необходимости концепт может быть вербализован различными способами – лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др. Важно, что систематизация и семантическое описание комплекса языковых средств, вербализующих концепт, позволяют выделить когнитивные признаки, которые могут быть использованы для его моделирования [Антология концептов 2005: 8–9]. Надо заметить, что труды, посвященные когнитивному моделированию, ориентированному на синтагматический уровень, т.е. на уровень больше, чем лексема, немногочисленны. Однако моделирование на уровне словосочетаний показательно для англоязычного медиадискурса, и, в частности, для экономического медиадискурса. Другими словами, оно является его неотъемлемым признаком, проявляющимся в том, как на вербальном уровне медиадискурс отражает внешние экономические события современности.

Подчеркнем, что поскольку дискурс – это связанная речь, перед нами открывается возможность рассмотреть вербальное воплощение концепта ECONOMIC CONFLICT на уровне словосочетаний, обладающих когнитивной новизной, которая выражается в том, что словосочетания эксплицируют конкретные характеристики концепта, приписываемые ему языковым сознанием

англоязычной культуры. Следовательно, модель концепта конкретизируется за счет новых признаков и, тем самым, расширяется.

Как отмечалась выше, большинство лингвистов сходятся во мнении о том, что концепт объективируется готовыми лексемами, фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями [Зиновьева 2003: 37]. Синтагматика организует последовательную реализацию мысли в речевом высказывании посредством семантически и структурно связанных слов [Влавацкая 2013: 65]. Сочетаемость слов, изучаемая в рамках синтагматики, представляет собой неотъемлемую часть языкового сознания носителя языка, что, в свою очередь, представляет интерес для когнитивной лингвистики.

В большом энциклопедическом словаре под анализом синтагматических отношений понимается исследование отношений между знаками языка, возникающими между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте [Кубрякова 1998: 447]. Синтагма является основной единицей синтагматического описания любого медиатекста [Добросклонская 2010: 45]. При этом под синтагмой мы понимаем последовательность двух и более языковых единиц, представляющих собой интонационно-смысловое единство.

Синтагматический макрокомпонент лексического значения слова – это компонент, имеющий семантическую составляющую, которая регламентирует синтаксическое образование содержательно безупречного (нормативного) или допустимого (окаzionale) сочетания данного слова с другим словом (его распространителем) [Влавацкая 2014: 71].

Что касается синтагматического анализа, открывающего возможности развития на его основе моделирования концептов на уровне словосочетаний, данная процедура заключается в членении связанного медиатекста на синтагмы и определении их состава. При синтагматическом анализе медиатекстов изучение синтагматических единиц возможно с точки зрения пяти категориальных признаков: категория коннотативности, клишированности, идиоматичности, понятийной обусловленности, социолингвистической обусловленности

[Добросклонская 2010: 50]. Систематизированные в ходе анализа словосочетания, объективирующие концепт ECONOMIC CONFLICT, раскрывают наиболее полно специфику концептуализации экономического конфликта.

В свою очередь, необходимо выделить аспекты изучения словосочетаний, тесно связанные друг с другом и отражающие две стороны единого процесса моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT в англоязычном медиатексте:

1) морфо-синтаксический анализ для описания синтагматических структур модели концепта;

2) лексико-фразеологический анализ для описания конкретного наполнения этих структур, т.е. словосочетаний.

Примем во внимание тот факт, что внутренняя форма слова может выступать в качестве источника сведений о структуре концепта [Попова, Стернин 2010: 208]. Соответственно, роль словосочетаний при когнитивном моделировании обусловлена также тем, что изучение синтагматических отношений между различными языковыми знаками позволяет более детально отобразить соотношение и взаимодействие лексических единиц, лежащих в основе структур знания об экономическом конфликте. Вместе с тем, исследование синтагматических связей номинаций концепта, его смысловой дистрибуции позволяют выявить группы признаков [Антология концептов 2007: 200]. Другими словами, синтагматический аспект важен и подлежит рассмотрению при выделении когнитивных признаков в структуре концепта. Вслед за В. И. Карасиком, мы разделяем точку зрения о том, что исследование внутренней формы изучаемого явления может быть использовано в качестве вспомогательного средства [Карасик 2002: 142]. Внутренняя форма слова традиционно выявлялась у слова, но уже признано, что она есть и у словосочетания.

Пользуясь данной методикой, рассмотрим сначала базовые признаки и особенности медиатекстов периодического издания “The Financial Times” на морфо-синтаксическом уровне. В процессе моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT в плане морфо-синтаксиса необходимо учитывать следующие

выявленные особенности: широкая распространенность многокомпонентных лексических соединений и усиление роли именной синтагматики.

Факты языкового сознания, заключенные в словосочетаниях, обобщаются и интерпретируются как факты когнитивного сознания. К примеру, для медиатекстов периодических изданий “The Financial Times” 2017–2019 гг. характерно частотное использование лексических соединений, большая часть которых проявляет тенденцию к многокомпонентности. В зависимости от того, какой частью речи представлено ядро синтагматического соединения с лексической единицей “*conflict*”, в моделировании концепта ECONOMIC CONFLICT задействованы несколько типов словосочетаний: атрибутивные, номинативные, глагольные. Этот блок примеров можно проиллюстрировать следующим образом:

1) атрибутивные: *potential conflicts of interests* [FT, 2017. № 39,435: 4], *in an increasingly terminal-looking conflict* [FT, 2017. № 39,435: 24]; *a brutal 52-year conflict* [FT, 2017. № 39,508: 2]; *the perceived conflicts of interest* [FT, 2017. № 39,508: 10]; *in a bitter conflict* [FT, 2017. № 39,570: 4]; *the most recent serious conflict* [FT, 2017. № 39,571: 6]; *that catastrophic conflict* [FT, 2017. № 39,572: 10]; *the escalating conflict* [FT, 2017. № 39,595: 4], *complex international legal conflicts* [FT, 2018. № 39,711: 9], *a glaring conflict of interest* [FT, 2018. № 39,712: 9], *the inherent conflict of interest* [FT, 2018. № 39,718: 2], *potential conflicts of interest* [FT, 2018. № 39,724: 21], *possible conflict* [FT, 2018. № 39,730: 3], *the trade conflict* [FT 33], *global trade conflicts* [FT 22], *substantive conflict* [FT 9], *the ongoing trade conflicts* [FT 22], *a new harbinger of conflict* [FT 32], *the smoldering conflict* [FT, 2019. № 40,013: 2], *deepening economic conflict* [FT 30], *the poisonous conflicts of interest* [FT, 2019. № 40,181: 9], *a clear conflict of interest* [FT, 2019. № 40,180: 10], *endless conflicts* [FT 9], *the looming 100-year US-China conflict* [FT 28].

2) номинативные: *a position of conflict* [FT, 2017. № 39,506: 5]; *half a century of conflict* [FT, 2017. № 39,508: 2]; *the cost of conflict* [FT, 2017. № 39,516: 3]; *an outbreak of conflict* [FT, 2017. № 39,516: 9]; *the victims of the conflict* [FT, 2017. № 39,572: 5]; *conflict with Beijing’s policy priority* [FT № 39,595, 2017: 28], *concerns*

over conflicts of interest [FT, 2017. № 39,516: 4], *rival sides in the conflict* [FT № 39,595, 2017: 5]; *on the edge of conflict* [FT, 2018. № 39,711: 4], *the logic of conflict* [FT, 2018. № 39,717: 8], *concerns about conflicts of interest and lack of transparency* [FT, 2018. № 39,724: 21], *the prevention of conflicts of interest* [FT, 2018. № 39,730: 4], *a whiff of this conflict* [FT 1], *the conflict between the US and China* [FT 26], *conflict over trade* [FT 13], *Mr Trump's appetite for conflict* [FT, 2019. № 39,995: 2], *to resolve the conflict* [FT, 2019. № 39,996: 2].

3) глагольные: *alleged conflict of interest* [FT, 2017. № 39,448: 3]; *avoid another conflict* [FT, 2017. № 39,452: 1]; *to eradicate conflicts of interest* [FT, 2017. № 39,508]; *trapped in a conflict* [FT, 2017. № 39,572: 5]; *symbolise this conflict* [FT, 2017. № 39,595: 14]; *morphs into a conflict* [FT 24], *to tip into conflict* [FT, 2018. № 39,715: 4], *would trigger conflict* [FT, 2018. № 39,723: 5], *descended into a conflict* [FT, 2018. № 39,724: 9], *open conflict with* [FT, 2018. № 39,729: 1], *to provoke a conflict* [FT 32], *included conflicts* [FT, 2018. № 39,727: 14], *creates a conflict, to limit conflicts of interest* [FT 1], *to ease trade conflicts* [FT 7], *could lead to "great conflict and some form of revolution"* [FT 4], *to come into conflict with* [FT, 2019. № 39,994: 15], *could spark more serious conflict* [FT, 2019. № 40,019: 8], *would navigate conflicts* [FT, 2019. № 40,019: 8], *cannot halt this conflict* [FT 30].

Данный этап позволяет установить лингвистические характеристики концепта ECONOMIC CONFLICT с его внутренними и внешними взаимосвязями, а также играет важную роль при когнитивном обобщении результатов описания словосочетаний, вербализующих исследуемый концепт. Выявленные номинации концепта открывают возможность вычленить существенные когнитивные признаки феномена экономического конфликта, значительно расширяющие и дополняющие построенные ранее модели концепта ECONOMIC CONFLICT. Вместе с тем, когнитивные признаки объединяются классификационным признаком. Обнаруженные в медиатекстах когнитивные признаки в структуре исследуемого концепта на уровне словосочетания позволяют следующим образом дополнить содержание его модели:

1. Классификационный признак «ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА» включает в свое пространство следующие когнитивные признаки:

2017 г.: *potential, increasingly terminal-looking, perceived, bitter, the most recent serious, victims, escalating, serious threat, violating, trade, increasing, heightening, risk, danger, disruptive, legal;*

2018 г.: *potential, complex international, legal, glaring, perceived, inherent, escalating, internal, undisclosed, possible, trade, global, currency, full-scale, big;*

2019 г.: *existential, accountancy, trade, deadly, smoldering, deepening, unpredictable, discreetly hidden, global.*

2. Классификационный признак «ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА» представлен такими когнитивными признаками, как:

2017 г.: *with no end, half a century, 52-year, two years, this week's, six years of, long standing;*

2018 г.: *ongoing, seven years;*

2019 г.: *ongoing, for years, for almost 30 years.*

Заметим, что свойства синтагматических единиц можно также описать в зависимости от степени свободы сочетаний, в рамках которой выделяются клишированные сочетания – *conflict of interest, prevent conflict, stop the conflict*, окказиональные – *the escalating conflict, fuel bloody conflict, a glaring conflict of interest*. Такая общепринятая, клишированная объективация экономического конфликта в составе модели концепта ECONOMIC CONFLICT является результатом коллективной концептуализации. Соответственно, когда в англоязычном медиатексте вербализуется релевантная часть данного концепта, носители лингвокультуры идентифицируют описываемое явление как конфликт в экономике.

Одной из ярких особенностей развития грамматического строя английского языка выступает использование экспликативных синтагм с атрибутивным комплексом. Экпликативные синтагмы отражают отношения между

конкретными лицами или событиями, подчеркивая, тем самым, их взаимоотношения в новых социально-экономических условиях [Муратова 2016: 18]. К числу таких конструкций будут относиться *the US-China conflict* [FT 27; FT 30; FT 32], *the US-China trade conflict* [FT, 2019. №39, 995:2; FT 12], *the looming 100-year US-China conflict* [FT 28], указывающие на характер современных американо-китайских отношений.

Анализируя англоязычные медиатексты, в которых вербализуется концепт ECONOMIC CONFLICT, нельзя не отметить их дифференциацию с позиции использования двух блоков лексики – глагольной и именной. В результате анализа словосочетаний с базовой именной и глагольной единицей было установлено, что средний показатель превалирования именных словосочетаний над глагольными составляет 9%. Поскольку идет речь о живом английском языке, стоит принять во внимание, что данный показатель не является абсолютным и служат для обозначения границ, в пределах которых данное соотношение отражается. Эмпирический материал свидетельствует о том, в англоязычных медиатекстах, репрезентирующих концепт ECONOMIC CONFLICT на уровне словосочетаний, происходит усиление роли именной синтагматики. Данный факт объясняется тем, что содержание медийных текстов сводится к перечислению различных событий.

Следовательно, при построении модели концепта ECONOMIC CONFLICT необходимо учитывать, что в медиатекстах ядро концепта функционирует в двух концептуальных плоскостях. С одной стороны, экономический конфликт концептуализируется как категория реальности в своем самом общем, абстрактном значении. В английском языке подобная концептуализация объективируется посредством словосочетаний с именем существительным “*conflict*”, употребляемым без артикля: *potential conflicts of interests from the bank’s roles* [FT, 2017. № 39,435: 4]; *in regions torn by conflict* [FT, 2017. № 39,452: 3]; *fuelling conflict* [FT, 2017. № 39,509: 20]; *as a result of global trade conflicts* [FT 22]; *substantive conflict* [FT 9]; *conflict over trade* [FT 13]; *a high risk of bad conflict* [FT 4]; *worries about trade conflicts* [FT, 2019. № 40,001: 2]. С другой

стороны, конкретизация смысла, заключенная в ядре концепта ECONOMIC CONFLICT, формирует еще одну концептуальную плоскость, репрезентируемую посредством имени существительного “*conflict*” с артиклем, местоимениями и разнообразными именами прилагательными, объективируя, тем самым, частное знание об экономическом конфликте: *the trade conflicts between the US and its principal trading partners* [FT 29]; *the ongoing trade conflicts between the US and its key trading partners* [FT 22]; *another conflict* [FT, 2017. № 39,452: 1]; *that catastrophic conflict* [FT, 2017. № 39,572: 10]; *the escalating conflict* [FT, 2017. № 39,595: 4]; *all of the conflicts* [FT, 2017. № 39,595: 14]; *this conflict is the latest signal of an emerging tech battleground in China* [FT, 2018. № 39,717: 12]; *the inherent conflict of interest* [FT, 2018. № 39,718: 2]; *the conflict of interest between the audit and consulting parts of the business* [FT 3]; *the existential conflict between the UA and China* [FT, 2019. № 39,993: 9]; *the US-China conflict* [FT 30].

Из анализа словосочетаний следует, что концептуальное языковое знание об экономическом конфликте также связано с глаголом “*to conflict*”. Близкое в количественном отношении число глагольных сочетаний к именным обусловлено тем, что в когнитивной модели глагол выполняет функцию выражения связи высказываемого с действительностью.

Применительно к англоязычному экономическому медиадискурсу, нельзя не обратить также внимание на лексико-фразеологический аспект когнитивного моделирования. С целью описания лексико-фразеологических особенностей синтагматики, рассмотрим несколько медиатекстов. Их синтагматический рисунок отличается широким диапазоном средств выразительности. В экономических медиатекстах отмечено использование такого стилистического приема, как эпитет: *the disruptive hazards* [FT, 2017. № 39,509: 20], *bloody conflict* [FT, 2017. № 39,570: 4; FT, 2017. № 39,595: 15], *the escalating conflict* [FT, 2017. № 39,595: 4]. Интересен также пример, в котором автор высказывается о конфликте, используя перифраз: *peace will remain a distant dream*. В добавление, в одном из медиатекстов функционирует двойное отрицание “*not unknown*”, лингвистическая сущность которого состоит в создании яркого образа: “*Both*

movement between public and private sectors, and potential conflicts of interest more generally, are not unknown in the legal profession ...” [FT 21].

Необходимо заметить, что наряду с разнообразными включениями в объективации экономического конфликта в англоязычной экономической прессе участвуют фразеологические обороты. Обратимся к следующему примеру: *Firms can't serve more than one master and must be banned from having their fingers in all pies* [FT 3]. В приведенном предложении для описания функционирования фирм используется фразеологический оборот “*have a finger in the pie*” со значением “*to be involved in something, often when your involvement is not wanted*” [Cambridge Dictionary]. Таким образом, автор высказывания хотел с иронией подчеркнуть, что активность фирм должна быть ограничена. Использование приема иронии отмечается также при описании торговых войн, «запуском» которых занимается Д. Трамп: *as newly elected US President Donald Trump was busy launching trade wars with friends and foes alike* [FT, 2019. № 39,993: 9]. Иронический смысл достигается посредством лексем “*trade wars with friends and foes alike*”, описывающим торговые войны с друзьями и врагами.

При анализе фрагмента “*This is waiting in the wings*”, *said one of the diplomats citing internal documents, adding that they expected the new sanctions to be tabled by the end of March* [FT, 2019. № 40,001: 13] выделяется идиома “*wait in wings*” со значением “*be not yet active or important, but are ready or likely to be so soon*” [Cambridge Dictionary]. В медиатексте при описании военного Палестино-Израильского конфликта, затрагивающего экономику, объективируется фразеологическое сочетание “*sweep under carpet*”, означающее “*to hide a problem or try to keep it secret instead of dealing with it*” [Cambridge Dictionary]. Автор прибегает к использованию данной идиомы с целью подчеркнуть важность и значимость решения проблем, провоцирующих конфликт: “*the issues that drive conflict need to be resolved, not swept under carpet*” [FT 11].

В другом англоязычном медиатексте напряженность существующего в обществе экономического конфликта образно передается глаголом “*to spark*” со значением “*to make something happen, especially something involving violence or*

angry feelings” [Macmillan Dictionary]. В выделенных фрагментах медиатекста обнаружено два примера с данной лексемой, позволяющей зафиксировать самые тонкие нюансы лексической репрезентации модели концепта – “*sparking a conflict*”, “*sparked a trade boom*” [FT 32].

К числу особенностей моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT также относится значительное преобладание лексики с отрицательной семантикой. Подтвердим вышеуказанное текстовыми иллюстрациями, отражающими упадок и замедление роста в экономике: *the global economy has already hit a soft patch, slowdown, the current upswing petered out, to impose heavy tariffs* [FT 13]; *domestically generated inflation, the tightness of their labour markets, the fault with the dollar’s overvaluation, global external imbalances, tension over imbalances and currency misalignments* [FT 5]; *curbs on foreign direct investments, to deal with over-capacity and excessive leverage, weaker commodity prices, to slow growth, increase inflation, will stymie the adoption of investments, returning to unconventional monetary policies may be thwarted* [FT 15]; *delay the necessary reduction in indebtedness, export order books have been coming down pretty much, economic forecasts have been marked down, the OECD’s forecast for UK growth was downgraded, financial conditions tightened* [FT 17], *widespread failures* [FT, 2018. № 39,727: 14], *to solve a trade deficit, the US trade deficit with China* [FT 8], *Chinese economic slowdown* [FT, 2019. № 40,001: 13]. Примечательно, что в медиатекстах напряженность конфликта передается глаголами с негативной коннотацией: “*collapse*”, “*restrict*” [FT 17], “*fight against*” [FT, 2018. № 39,724: 4], “*threaten*” [FT 4].

В ходе анализа также было установлено, что в медиатекстах встречается 1480 единиц, актуализирующих пессимистический прогноз в отношении освещаемых событий, а число единиц, выражающих оптимистический настрой, составляет 650. Распределение лексических единиц производилось в соответствии с их контекстуальным значением. Изучение контекстуального употребления словосочетаний, объективирующих концепт ECONOMIC CONFLICT, позволяет конкретизировать обнаруженные когнитивные признаки и очертить контуры

модели концепта. Например, к числу лексических единиц, ярко характеризующих негативную атмосферу экономического конфликта, будут относиться такие имена прилагательные, как “*sombre*”, “*weak*”, “*the worst-performing*” [FT 13]; “*inflationary*”, “*loose*” [FT 5]; “*fragile*”, “*frothy*”, “*severe*”, “*less effective*” [FT 15]; “*detrimental*”, “*sluggish*”, “*vigilant*” [FT 17].

Приведенные выше количественные показатели синтагм свидетельствует об их высокой плотности в структуре фрагмента языковой реальности, что, в свою очередь, отражает актуальность вербализованного концепта в сознании представителей англоязычной лингвокультуры. Рассмотренный выше синтагматический аспект также позволяет заключить, что строй синтаксиса английского языка проявляется на уровне экономического медиатекста в том виде, в каком это было зафиксировано при вербализации концепта ECONOMIC CONFLICT. Налицо непосредственное проявление жанрово-стилистических черт англоязычного медиатекста, свидетельствующих о привычности репрезентации данного концепта на уровне, превышающем уровень слова.

Подводя итог вышесказанному логично заключить, что в плане синтагматики экономические медиатексты обладают сформированным и сбалансированным морфо-синтаксическим рисунком. Уровень, больший, чем слово, с его внутренней формой иллюстративен при установлении особенностей моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT. Синтагматический анализ позволил установить два новых классификационных признака в составе модели концепта ECONOMIC CONFLICT, которые, в свою очередь, представлены ранее не обнаруженными когнитивными признаками.

В контекстах реального языкового употребления синтагм, вербализующих концепт ECONOMIC CONFLICT в англоязычном медиадискурсе, обнаруживается тенденция к использованию фразеологических сочетаний. Выявленные на уровне языка черты, а именно использование многокомпонентных соединений, большого количества именных словосочетаний, словосочетаний с экспрессивно-эмоциональным значением, обусловлены своей функционально-стилистической направленностью медиатекстов. Синтагматический анализ позволил установить

более глубокую и детальную процедуру моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT, расширяя, тем самым, возможности лингвистов проникнуть в формы структур знаний и описать существующие между ними отношения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Результаты исследования концепта ECONOMIC CONFLICT с помощью метода когнитивного моделирования на материале англоязычных экономических медиатекстов позволяют сделать следующие выводы:

1. Конечным результатом использования метода когнитивного моделирования является построение модели концепта. Разработанная в диссертации процедура моделирования концептов исходит из анализа вербальных констатаций экономического конфликта в англоязычных словарях, а также англоязычных экономических медиатекстах, рассмотренных в диапазоне 2017–2019 гг.

2. При характеристике модели концепта ECONOMIC CONFLICT определена ее структура. Установлена весьма низкая частотность проявления ядерной лексемы “*conflict*” в проанализированных медиатекстах издания “The Financial Times”, и модель концепта ECONOMIC CONFLICT создается использованием тематически близкой лексики, которая может быть соотнесена со слоями концепта ECONOMIC CONFLICT, обнаруживаемых в рассмотренных медиатекстах. Выделенный когнитивный признак «форма проявления экономического конфликта» обобщает яркие когнитивные признаки.

По частотности в структуре модели концепта ECONOMIC CONFLICT 2017 г. когнитивные признаки распределяются следующим образом: «несовпадение экономических интересов», «разрыв экономических отношений», «столкновение», «напряжение», «борьба», «спор», «противоречивая информация», «беспорядок», «неразбериха». В составе модели концепта 2018 г. обнаружены следующие когнитивные признаки – «война в экономике», «несовпадение экономических интересов», «спор и напряжение», «борьба»,

«разрыв экономических отношений», «разногласие». Модель концепта 2019 г. включает в свою орбиту такие когнитивные признаки, как «война в экономике», «напряжение», «борьба», «спор», «разрыв экономических отношений», «неуверенность», «трудность», «столкновение», «враждебность». В результате обобщения когнитивных признаков для ближней периферии установлено, что в структуре всех моделей концепта ECONOMIC CONFLICT 2017–2019 гг. присутствуют признаки «напряжение», «борьба», «спор», «разрыв экономических отношений», указывающих на характер интерпретации экономического конфликта в англоязычном медиадискурсе.

3. Выделенные в ходе анализа модели концепта ECONOMIC CONFLICT, актуализированные в медиатекстах газеты “The Financial Times” 2017–2019 гг., обнаруживают следующие характерные особенности. Экономический конфликт, осознаваемый социумом как концепт, фиксируется в определенных вербальных репрезентациях, отражающих его референциальные свойства в зависимости от освещаемой в медиатексте тематической сферы. Как показало исследование, экономическое комментирование конфликта сопряжено в наибольшей степени с такими зафиксированными в толковом словаре общеупотребительными значениями лексемы “*conflict*”, как “*disagreement*”, “*fighting*”. В данном случае можно сделать вывод о сложившихся в социуме истоках репрезентации концепта ECONOMIC CONFLICT, которые послужат опорой в его конкретном вербальном отражении. Указанное в словарях значение лексических единиц “*disagreement*” и “*fighting*” тематически конкретизируется в рассмотренных англоязычных медиатекстах через частотное употребление словосочетания “*trade war*”, позволяющее заключить, что общее содержание модели концепта ECONOMIC CONFLICT сводится в них к одной из конфликтных ситуаций, а именно торговым войнам. Вместе с тем, во фрагментах экономических медиатекстов комментирование экономического конфликта с помощью лексем “*conflict of interest*”, “*disruption*”, “*clash*”, “*confrontation*”, “*tension*”, “*battle*”, “*fight*”, “*dispute*”, “*debate*”, “*conflicting message*”, “*turmoil*”, “*crash*”, “*friction*”, “*issue*”, “*contradiction*”, “*uncertainty*”, “*hostility*”, “*challenge*”, выходит за пределы

общеупотребительных значений из толкового словаря, и концепт ECONOMIC CONFLICT обретает частное проявление.

4. Анализ выявил метафорическое моделирование концептов англоязычных экономических медиатекстов, которое наблюдается при актуализации переносных значений лексических единиц, репрезентирующий дальнюю периферию модели концепта ECONOMIC CONFLICT. В частности, в англоязычных медиатекстах экономический конфликт можно охарактеризовать как природную стихию, болезненное состояние здоровья, спорт, аппетит и живое существо.

5. Проведенный анализ также позволил установить, что в силу динамичности экономической ситуации, содержание концепта как референта во многом определяется ситуативным характером экономического медиадискурса, зависимостью от конкретного контекста и периода времени, а также от способности медиадискурса сочетать лингвистические и экстралингвистические факторы. Экономический конфликт как референт обретает разную актуализацию в зависимости от нескольких факторов: фактора субъективности, фактора событий текущего момента, диахронического фактора и культурологического фактора, учет которых обязателен при когнитивном моделировании концепта как референта.

6. Моделирование концепта на уровне словосочетаний позволило обнаружить два новых классификационных когнитивных признака, в частности, «характер развития экономического конфликта» и «продолжительность экономического конфликта», и тем самым, расширило построенную модель концепта ECONOMIC CONFLICT. Как показало проведенное исследование, в англоязычных экономических медиатекстах число отрицательно окрашенных единиц оказалось в два раза больше. Доминирование таких словосочетаний манифестирует негативное отношение авторов медиатекстов к экономическим конфликтам. Данный блок концептуальной текстовой информации обусловлен концептом ECONOMIC CONFLICT и в то же время служит для него фоном.

ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ECONOMIC CONFLICT В СООТНОШЕНИИ С ДРУГИМИ КОНЦЕПТАМИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА

В современном английском языке концепты постоянно наполняются новыми элементами, в силу чего внутри концепта, а также между смежными концептами возникает сложная взаимосвязь. Внутренняя и внешняя ситуация в стране и мире в 2017–2019 гг. не может не приниматься к сведению при построении модели концепта ECONOMIC CONFLICT, в связи с чем в настоящей главе осуществляется учет факторов такого порядка.

Предпринятое в предыдущей главе детальное когнитивное измерение феномена экономического конфликта предоставляет нам возможность использовать готовые модели концепта ECONOMIC CONFLICT 2017–2019 гг. Апеллирование к построенным ранее моделям, а также комплексное и многовекторное изучение их взаимосвязи с вербализованными концептами других сфер общества весьма эффективны для упорядочивания и формирования единого пространства концепта ECONOMIC CONFLICT в когнитивной ауре экономических медиатекстов.

Не вызывает сомнения тот факт, что концепт ECONOMIC CONFLICT не может существовать изолированно как в сознании носителей английского языка и культуры, так и в его соотношении с референтом экономического конфликта. Все концепты, рассматриваемые в третьей главе, тесно переплетены. По этой причине целесообразным является расширение модели концепта ECONOMIC CONFLICT до уровня взаимодействия с другими концептами.

3.1. Взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к многоаспектному изучению концептов с позиции их взаимодействия, что свидетельствует о новой

перспективной области когнитивных исследований, позволяющей более глубоко и всесторонне осмысливать явления окружающей действительности. Поскольку концепт представляет собой динамически изменяющуюся структуру, которая постоянно пополняется новыми элементами, между областями концепта, а также между концептами, входящими в одну концептосферу, образуются новые связи [Малгатаева 2017: 91]. Популярность рассматриваемого аспекта взаимодействия концептов обуславливается также и тем, что именно в этом случае удастся получить наиболее полное лингвистическое описание каждого из взаимодействующих концептов [Поветкина 2012: 78].

Направления, в которых изучается взаимодействие и взаимовлияние концептов, разнообразны и многочисленны. В этой связи можно указать на работу А. А. Лагутиной, исследовавшей проблему взаимодействия концептов в сфере экологии [Лагутина 2016]. Взаимодействие концептов в аспекте их варьирования, а именно изменчивости их содержания, происходящей под воздействием различных факторов, рассматривает Н. В. Крючкова [Крючкова 2008]. Следует упомянуть теорию концептуальной интеграции, известную также как теория блендинга, разработанную Ж. Фоконье совместно с М. Тернером [Fauconnier, Turner 1998]. Взаимосвязь между концептами «мода» и «стиль» в русской и английской картинах мира рассматривает Ж. Ю. Шацкая [Шацкая 2011]. Исследованию концептуальных областей концептов “family” и “home” в рамках концептосферы «межличностные отношения» посвящена работа Л. В. Колижук [Колижук 2012].

Прежде чем приступить к описанию способов реализации взаимодействия концептов, необходимо еще раз отметить, что наиболее эффективной основой подобного рода исследования выступает когнитивное моделирование, предполагающее конструирование системы лексических значений на концептуальном уровне [Шнякина 2015: 435]. Когнитивное моделирование позволяет раскрыть, каким образом реальные ситуации превращаются в вербальный факт, обнаруживая тем самым то, как люди оперируют языком при обсуждении сложных проблем. Целесообразно подчеркнуть, что концептуальный

фокус обладает подвижностью в зависимости от цели объективации концепта, которая и влияет на выбор языковых единиц, обеспечивающих выведение заданного фокуса на первый план [Колижук 2012: 91]. Концепт в языке может быть вербализован отдельными словами и словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и целыми текстами [Болдырев 2001: 28].

При когнитивном моделировании следует исходить из того, что любые изменения, происходящие в общественной жизни, находят свое отражение в языке. Безусловно, примером такой сферы является экономика, а одними из наиболее обсуждаемых тем в финансово-экономических изданиях становятся экономические конфликты и мировой экономический кризис, представляющие угрозу для всего человечества. К числу базовых концептов дискурса экономической прессы отнесем концепты ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS.

В качестве отправной точки выступают зафиксированные в англоязычных лексикографических источниках значения лексем “*conflict*” и “*crisis*”. В процессе актуализации конфликта и кризиса в субъективных оценках их значение сужается до экономической сферы. Концепты ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS регулярно пересекаются в экономическом медиадискурсе через вербализующие их единицы английского языка. С точки зрения лингвистики представляется интересным изучить моделирование концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS в их контекстуальном окружении на вербальном уровне. Необходимо также установить, как оно сигнализирует о взаимодействии данных концептов в издании “The Financial Times” 2017–2019 года. Вышеуказанные факты положены в основу развиваемой в данной диссертации схемы когнитивного моделирования двух концептов, находящихся в непосредственном взаимовлиянии друг на друга.

На первом этапе по ключевым лексемам “*conflict*” и “*crisis*” исследуется содержание концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS на материале англоязычных лексикографических источников. В параграфе 2.1 настоящего диссертационного исследования в результате диахронического

анализа семантики лексемы “*conflict*” было установлено, что она комментируется в них посредством “*disagreement*”, “*fighting*”. Что касается лексемы “*crisis*”, то согласно этимологическому словарю ее появление датируется XV в. Лексема происходит от греческого “*krisis*”, которое, в буквальном смысле слова, означает “*judgment, result of a trial, selection*”. В английский язык данная лексическая единица заимствована из латинского языка со значением “*turning point in a disease, that change which indicates recovery or death*”, указывающим на такой оттенок в семантике лексемы, как связь со здоровьем и заболеванием. Изменение заложенного в термине “*crisis*” медицинского значения происходит в английском языке в 1620-х гг.: *Transferred non-medical sense is 1620s in English* [Online Etymology Dictionary]. Постепенно указанное значение лексемы начинает отодвигаться на периферию, и ее языковое воплощение расширяется за счет появления в семантике новых смыслов. Один из ранних словарей квалифицирует лексему как «решающий момент»: *point of time for deciding anything, decisive moment or turning point* [Chamber’s Twentieth Century Dictionary of the English Language 1903: 221].

Рассмотрим далее дефиниции, приведенные в словаре современного английского языка Cambridge Dictionary: *a time of great disagreement, confusion, or suffering; an extremely difficult or dangerous point in a situation; a moment during a serious illness when there is the possibility of suddenly getting either better or worse* [Cambridge Dictionary]. Из вышесказанного следует, что у слова “*crisis*” появляется значение «опасная, сложная ситуация». При этом сохраняется значение «момент тяжелой болезни, когда есть вероятность внезапного улучшения или ухудшения». В словаре Macmillan Dictionary приводится сходное с предыдущим определение: *an urgent, difficult, or dangerous situation* [Macmillan Dictionary]. Дополнительная дефиниция конкретизируется и сводится к частному проявлению кризиса как опасной ситуации в личной и профессиональной сфере жизни: *a dangerous situation in someone’s personal or professional life when something could fail* [Macmillan Dictionary]. Оксфордский словарь квалифицирует лексему в аналогичном ключе, указывая на опасность, сложность и

проблематичность кризисной ситуации: *a time of great danger, difficulty or confusion when problems must be solved or important decisions must be made, a time when a problem, a bad situation or an illness is at its worst point* [Oxford Dictionaries]. Таким образом, в современном английском языке содержание лексемы “*crisis*” сводится к “*dangerous, difficult situation; a situation in which there are a lot of problems*”.

Распределение лексических единиц, вербализующих концепты ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS, наглядно свидетельствует об их высокой идентичности. Лексемы “*disagreement*”, “*difficult situation*” встречаются в определении, как конфликта, так и кризиса. Однако отличительной чертой дефиниции конфликта является обращение к лексемам “*fighting*”, “*battle*”. Таким образом, конфликт и кризис в наше время воспринимаются как проявление социальных отношений между людьми и странами, как несогласие.

В качестве примера проведения следующих этапов когнитивного моделирования рассмотрим медиатекст “IMF warns global economic growth will slow by 2020” [FT 13], посвященный обсуждению проблемы кризиса и конфликта, вербализующихся соответственно при помощи лексем “*conflict*” и “*crisis*”, что позволяет выявить отражаемое в медиатексте взаимодействие двух соответствующих концептов. Примечательно, что особенностью экономических медиатекстов, в которых эксплицируется конфликт, является редкое употребление ключевой лексемы “*conflict*”. В частности, в исследуемом медиатексте зафиксировано только два примера с данной лексической единицей: “*conflict over trade*” и “*conflict could intensify*”. Если считать лексему “*conflict*” ядром концепта, то по причине ее редкого употребления основу моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT составят другие лексемы, формирующие ближнюю периферию. В медиатексте в результате сравнения лексических значений, лежащих в основе фокуса высказывания, определяется аналогия между конфликтом и войной. Подтвердим вышеперечисленное примерами.

Первый анализируемый фрагмент англоязычного медиатекста ставит своей целью обсуждение прогнозов Международного валютного фонда, согласно

которым замедление экономического развития будет сопровождаться торговыми войнами: *“Good times in the global economy will not last, the IMF warned on Tuesday as it predicted that a slowdown was likely to be accompanied by trade wars”* [FT 13].

Во втором исследуемом фрагменте медиатекста вызывает интерес словосочетание *“jarring contradiction”*. Согласно прогнозу о мировом экономическом развитии, в экономике обнаруживается резкое противоречие между такими несовместимыми явлениями, как широкомасштабный темп роста экономики и такой же крупный по своему масштабу конфликт, затрагивающий сферу торговли: *In a sombre World Economic Outlook, its twice-yearly economic forecast, the fund highlighted the “jarring” contradiction between broad-based growth momentum and a similarly broad based conflict over trade* [FT 13]. Привлекает внимание тот факт, что и в третьем выделенном фрагменте вербальную основу ближней периферии модели концепта ECONOMIC CONFLICT также формируют лексические единицы, указывающие на назревающую торговую войну: *Maurice Obstfeld, the IMF’s chief economist, said global growth would slow by 2020 and warned that “major economies are flirting with trade war”, which would distract from the agenda “rather than advancing it”* [FT 13]. В медиатексте автор приводит цитату, принадлежащую известному американскому экономисту в области международной торговли – Морису Обстфельду: *warned that “major economics are flirting with war”*. Подчеркнем, что стилистика цитаты, заимствованной из отчета Международного валютного фонда, принципиально отличается от стиля всего остального медиатекста. В данном предложении в объективации экономического конфликта участвует метафора *“flirting with trade war”* со значением «играют в игры, которые могут привести к торговой войне». Базовое значение лексем *“flirt with something”* фиксируется в словаре как *“to consider an idea or plan, but not very seriously”* [Macmillan Dictionary]. Обращение к более широкому контексту позволяет говорить о том, что страны «задумываются о торговой войне как инструменте регулирования международной торговли».

В приведенном в качестве примера медиатексте встречается такое неотъемлемое понятие торговой войны как *“tariffs”*, в частности, «тарифная

политика Д. Трампа», выступающая в качестве основного «оружия» торговой войны между США и Китаем. Лексические единицы *“tit-for-tat tariffs between the US and its partners”*, *“the most sweeping tariffs”*, *“25 per cent tariffs on \$20bn of Chinese imports”*, *“US tariffs”* примыкают к такому периферийному компоненту модели концепта как *“trade war”*.

Проиллюстрируем еще один фрагмент: *Mr Obstfeld said the upswing that started in 2016 was becoming “broader and stronger” although he cautioned that trade risks might already be taking a toll* [FT 13]. По мнению Мориса Обстфельда, с 2016 года в экономике наблюдался подъем. Однако развитие мысли о том, что торговые риски могли уже нанести тяжелый удар, еще раз подчеркивает возможность возникновения торговой войны. В следующем предложении и подтверждаются вышеуказанные моменты: *“The first shots in a potential trade war have now been fired”, he said* [FT 13]. В анализируемом фрагменте посредством лексем *“the first shots”* (первые выстрелы) торговая война метафорично сравнивается с вооруженными действиями. Можно, таким образом, сделать вывод о том, что в рассмотренном англоязычном медиатексте концепт ECONOMIC CONFLICT сужается до торговых войн.

Важно при интерпретации результатов моделирования концепта ECONOMIC CONFLICT принимать в расчет вербальное окружение, на фоне которого он разворачивается. Так, в медиатексте была установлена взаимосвязь между исследуемыми концептами. Подчеркнем, что моделирование концепта ECONOMIC CRISIS осуществляется как посредством ключевой лексемы *“crisis”*, встречающейся на страницах финансово-экономического издания три раза, так и посредством лексем, которые обнаруживают его присутствие на подтекстовом уровне. Рассмотрим следующий фрагмент: *But it estimated that by end of 2018, advanced economies would run out of slack to maintain high growth rates without rising inflation* [FT 13]. В данном предложении привлекают внимание лексемы *“rising inflation”*, указывающие на экономический кризис. Вместе с тем, мнение о том, что к концу 2018 года страны с развитой экономикой не смогут

поддерживать высокие темпы роста без роста инфляции, подчеркивает неизбежность возникновения этого кризиса.

Аналогичная связь с концептом ECONOMIC CRISIS наблюдается в другом предложении: *After that, growth rates would drop back below pre-crisis levels despite the recent better productivity performance* [FT 13]. В предложении с лексемой “*pre-crisis*” высказывается мнение о том, что после увеличения инфляции показатели роста экономики будут меньше, чем в докризисный период. Интересен также и еще один отрезок медиатекста с лексемой “*pre-crisis*”: *will make it hard to return to the pre-crisis pace* [FT 13]. В приведенном примере высказывается противоположная предыдущей точка зрения: в странах с развитой экономикой демографическое старение и снижение совокупной факторной производительности затруднит возврат к докризисным темпам роста доходов населения.

В следующем анализируемом фрагменте связь концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS актуализирована более очевидно: *The fund urged countries to work domestically on policies to improve growth rates to sustain their society as population ageing takes hold in the next decade and work together to minimise risks that local problems spill over into a global crisis* [FT 13]. Из вышесказанного следует, что если не устранить проблемы внутри страны (в том числе, и проблемы, связанные с конфликтом), то они могут перерасти в мировой кризис. Отметим тот факт, что хотя в приведенном примере отсутствует ключевая лексема “*conflict*”, а также лексемы дальней и ближней периферии концепта, экспликация экономического конфликта осуществляется на уровне подтекста.

Примечательной чертой второго анализируемого медиатекста “*Is the next financial crisis already brewing?*” [FT 14] является тревожная атмосфера, которая нагнетается, начиная уже с заголовка медиатекста. Вместе с тем, негативная коннотация в англоязычном медиатексте продуцируется метафорическим использованием глагола “*brew*” в форме настоящего длительного времени со значением «назревать» – *if an unpleasant situation, you feel that it is about to happen* [Cambridge Dictionary]. Поскольку в англоязычном медиатексте не отмечено ни

одного случая употребления ключевой лексики *“conflict”*, при моделировании концепта целесообразно опираться на его ближнюю периферию, репрезентированную такими лексическими единицами, как *“a trade war”*, *“a full-scale trade war”*, *“the risk of “flash crashes”*, *“trade frictions”*. В состав дальнейшей периферии исследуемого концепта входят лексемы *“deeper rivalry”*. Интересно заметить, что выделенные сочетания могут быть приравнены к определению конфликта в англоязычных толковых словарях, в частности, *“a trade war”*, *“trade frictions”* соотносится с *“fighting”*, а *“deeper rivalry”* – с *“disagreement”*. За счет частотного использования военной лексики экономический конфликт в данном медиатексте ассоциируется с войной.

Что касается вербальной основы экономического кризиса, то следует отметить, что в вышеуказанном медиатексте она представлена ключевой лексемой *“the financial crisis”*. Употребление определенного артикля указывает на то, что речь идет об уже известном кризисе. В подтверждение вышесказанному приведем пример: *As we mark the tenth anniversary of the global financial crisis ...* [FT 15]. В данном предложении автор ссылается на мировой финансовый кризис 2008 года. В англоязычном медиатексте экономический кризис концептуализируется как инфляция и чрезмерная долговая нагрузка: *“higher inflation”*, *“increase inflation”*, *“over-capacity and excessive leverage”*. В составе ближней периферии концепта ECONOMIC CRISIS отмечается словарная группа «препятствие»: *“bottleneck”*, *“fiscal drag”*. К его дальнейшей периферии относятся метафорические единицы, объективирующие концепт как состояние здоровья. Например, в медиатексте выход из кризиса сравнивается с выздоровлением: *Europe remains on a recovery path* [FT 15]. В другом фрагменте автор использует лексему *“postmortems”* (посмертные фотографии), указывая, таким образом, на то, что кризис прекратил свое существование, и сейчас возможно лишь извлечь определенные уроки, понять причины кризиса и его последствия: *there have been plenty of postmortems examining its causes, its consequences and whether the necessary lessons have been learnt* [FT 15].

При построении моделей концептов, а также установлении их взаимодействия в англоязычных медиатекстах следует принять во внимание значительное преобладание лексики, отражающей замедление роста и упадок в экономической сфере: *a slowdown, deficit, slack, global weakness* [FT 13]; *weaker commodity prices, to slow growth, increase inflation, will stymie the adoption of investments, to deal with over-capacity and excessive leverage, returning to unconventional monetary policies may be thwarted, curbs on foreign direct investments* [FT 15].

В анализируемом медиатексте под названием “ECB executive questions role overbanks” функционируют оба исследуемых концепта. В медиатексте экономический конфликт репрезентирован лексическими единицами “*potential conflict of interests*”. Лексема “*crisis*” упоминается четыре раза в следующих фрагментах: *ECB’s new role ... defended its role as part of the “troika” of bailout institutions during the sovereign debt crisis; had stretched its legal narrow mandate “to breaking point” during the crisis ...; eurozone crisis; while tackling the debt crisis* [FT, 2017. № 39,435: 4]. Одной из ярких иллюстраций взаимосвязи единиц, номинирующих концепты во фрагментах англоязычного медиатекста, служит следующее предложение: *His concerns echo those of independent audit of the ECB revealing potential conflict of interests from the bank’s roles as a banking watchdog and guardian of monetary policy* [FT, 2017. № 39,435: 4]. В приведенном примере повествуется о том, что в результате независимой аудиторской проверки Европейского центрального банка обнаружился риск возникновения конфликта. Лексема “*concerns*” выражает обеспокоенность проблемой кризиса, вследствие которого и возникли проблемы у Европейского центрального банка. Следовательно, в медиатексте экономический конфликт является последствием кризиса.

В одном из медиатекстов обнаружено противопоставление концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS. Обеспокоенность потенциальным конфликтом передается с помощью лексем “*concerns about the perceived conflicts*” в предложении: “*But whether it will address concerns about the perceived conflicts of*

interest in this sector is open to question” [FT, 2017. № 35, 908: 10]. В то время как концепт ECONOMIC CRISIS организует вокруг себя позитивное ментальное пространство, общую тональность в котором задают лексические единицы *“has grown rapidly”*, указывающие на положительно оцениваемое развитие экономической ситуации с начала финансового кризиса: *Fiduciary management has grown rapidly since the financial crisis* [FT, 2017. № 35, 908: 10].

Характерной особенностью взаимодействия концептов является постоянное функционирование в его границах когнитивного признака «угроза», выделяемого как в структуре экономического конфликта, так и экономического кризиса. Проследим особенности пересечения исследуемых концептов в медиатексте *“BoE governor warns no-deal Brexit likely to weigh on global growth”* [FT, 2019. № 40,013: 2]. В первом абзаце статьи фигурирует единица *“threat”*, участвующая в номинации концепта ECONOMIC CONFLICT: *Mark Carney told an audience of senior City of London figures the threat to the global economy posed by trade conflicts was greater than a financial crisis or a turn in the business cycle* [FT, 2019. № 40,013: 2]. Согласно приведенному выше фрагменту, угроза, вызванная торговыми конфликтами, гораздо больше по своим масштабам, чем финансовый кризис или даже изменение в экономическом цикле. В примере исследуемые феномены экономического конфликта и экономического кризиса сопоставляются друг с другом, о чем свидетельствует использование имени прилагательного в сравнительной степени *“greater”*. Таким образом, уже в самом начале медиатекста наблюдается взаимодействие и пересечение концептов, которое далее устойчиво сохраняется до конца статьи.

В англоязычных медиатекстах 2019 г. феномен ECONOMIC CONFLICT представляет собой концепт, связанный с последствиями экономического кризиса. Проанализируем медиатекст *“The new southward focus may be ambitious but is not without risk”*, в котором в экспликации концепта ECONOMIC CONFLICT участвует ключевая лексема *“the conflict”*: *the conflict does not stop the kingdom pursuing ever more initiatives* [FT, 2019. № 39,996: 4]. В его структуре когнитивный признак «опасность» репрезентирован посредством использования лексической

единицы “*pitfall*” (ловушка): “*the pitfalls of building up sub-Saharan exposure by banks*” [FT, 2019. № 39,996: 4]. Приведенный пример указывает также на то, что конфликт затрагивает банковскую сферу. Другой исследуемый концепт ECONOMIC CRISIS вербализуется с помощью языковых единиц “*the financial crisis*”: “*One impact of the financial crisis that has only recently become clear is the retreat of western banks from Africa*” [FT, 2019. № 39,996: 4]. В рамках медиатекста взаимодействие между концептами ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS устанавливается на уровне лексем “*impact*”, “*retreat*”. В соответствии с вышесказанным, экономический кризис влияет на отказ западных банков от сотрудничества с Африкой, что становится одной из причин возникновения конфликта.

Взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS прослеживается в медиатексте “*Kushner influence holds key to Trump stance on Saudi prince*” [FT, 2019. № 40,021: 4], посвященного обсуждению переговоров об активизации сотрудничества Соединенных Штатов Америки и Саудовской Аравии. В первую очередь, привлекает внимание фрагмент, в котором автор прибегает к игре слов *the crown prince* and “*the clown prince*”: “*In the Gulf they joke that Saudi-US relations are run by the crown prince and “the clown prince”. The first, Mohammed bin Salman, is Saudi Arabia’s strongman. The second, Jared Kushner, is Donald Trump’s son-in-law*” [FT, 2019. № 40,021: 4]. В примере под сочетанием “*the crown prince*” подразумевается наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед ибн Салман. С помощью ироничного “*the clown prince*” автор повествует о советнике президента США Джаред Кашнер. Скрытый, завуалированный план подачи информации состоит в том, что через комичный эффект высказывается определенная «несерьезность» одного из участников переговоров. Прогноз о возможности возникновения серьезного кризиса передается в условном предложении второго типа: “*If it were not for their friendship, relations between the US and the House of Saud might be in serious crisis*” [FT, 2019. № 40,021: 4]. Грамматическая составляющая данного примера указывает на маловероятность, нереальность ситуации. Что касается концепта ECONOMIC CONFLICT, он

объективирован в следующем фрагменте: *Mr Kusher's conflicts of interest are considerably more entangled than that* [FT, 2019. № 40,021: 4]. В вышеуказанном предложении сложность экономического конфликта усиливается за счет использования наречия “*considerably*”.

В медиа-дискурсивном пространстве 2019 г. был обнаружен медиатекст, в границах которых объективируются как конфликт, так и кризис. Интересен тот факт, что оба исследуемых концепта не эксплицируют напрямую экономическую сторону жизни, а номинируют конфликт и кризис интересов человека. К примеру, в медиатексте “Swiss fund GAM fires star bond trader after probe uncovers ‘gross misconduct’” концепт ECONOMIC CONFLICT объективирован лексическими единицами “*conflicts of interest*”: “*The overall employment process has been unfair in its application, failed to resolve conflicts of interest, left uncorrected errors in my assessment and its discriminatory*” [FT, 2019. № 40,021: 1]. Подходящим примером для иллюстрации кризиса может послужить фрагмент, в котором концепт вербализуется посредством лексических единиц “*the crisis at Swiss investment manager*” [FT, 2019. № 40,021: 1]. Взаимодействие концептов в пространстве медиатекста удачно характеризует сложность экономической ситуации в мире, в которой проблемы и вопросы накладываются друг на друга. Прямого взаимодействия на уровне лексических единиц между концептами не установлено, концепты функционируют в медиатексте одновременно. Взаимосвязь обнаруживается лишь на уровне топикализации, поскольку оба абзаца статьи, в рамках которых актуализируются концепты, посвящены негативным последствиям, связанным с отстранением компанией GAM управляющего фондами Тима Хейвуд: *GAM has sacked a star portfolio manager who oversaw some of its key bond funds after an internal investigation found that he had engaged in “gross misconduct”, deepening the crisis at Swiss investment manager; the overall employment process has been unfair in its application, failed to resolve conflicts of interest, left uncorrected errors in my assessment and is discriminatory* [FT, 2019. № 40,021: 1].

Далее целесообразно с учетом динамичности экономической ситуации в 2017–2019 гг. проиллюстрировать и прокомментировать фрагмент модели концепта ECONOMIC CONFLICT, взаимодействующей с моделью концепта ECONOMIC CRISIS (Рисунок 4).

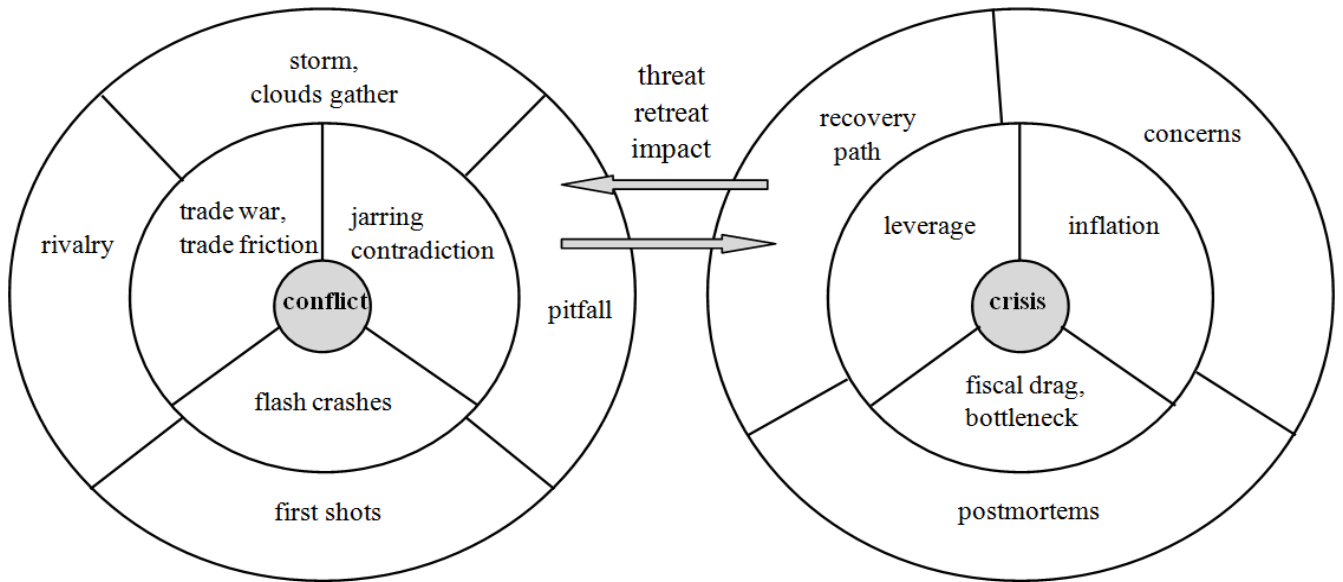

Рисунок 4 – Взаимодействие моделей концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS 2017–2019 гг.

Таким образом, с точки зрения взаимодействия рассмотренных концептов на уровне лексем “*threat*”, “*retreat*”, “*impact*” модель концепта ECONOMIC CONFLICT представлена семью семантическими блоками (конфликт – это торговая война, противостояние, столкновение, соперничество, шторм, ловушка, выстрел) и связана с ядром концепта, представленного лексической единицей “*conflict*”. В свою очередь, в модели концепта ECONOMIC CRISIS выделяются шесть семантических блоков (кризис – инфляция, выплата долговой нагрузки, финансовый тормоз, ухудшение здоровья, посмертная фотография, обеспокоенность), которые также связаны с ядром концепта, формирующим его единую структуру.

3.2. Взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и POLITICS

К числу концептов, непосредственно влияющих на актуализацию концепта ECONOMIC CONFLICT в англоязычном медиадискурсе, относится, также концепт не экономической сферы POLITICS. Следовательно, в фокусе исследования оказывается интердискурсивное взаимодействие концептов экономической и политической сфер. Поскольку вышеупомянутые сферы непрерывно диффундируют, их абсолютное разделение осуществить невозможно. По этой причине в диссертации они рассматриваются в своем непосредственном взаимовлиянии, а обнаруженное взаимодействие моделей концептов фиксируется словесно, без графического представления.

Отметим, что число работ, рассматривающих концепты в их интердискурсивном взаимовлиянии друг на друга, неуклонно увеличивается. Интердискурсивный характер метафоры современного англоязычного экономического дискурса рассматривает Д. Г. Васибева [Васибева 2018]. Вместе с тем можно также указать на работу М. Ф. Гайнашин и З. З. Чанышевой, посвященную установлению специфики смыслового развертывания кореферентных метафор в интердискурсивном пространстве [Гайнашин, Чанышева 2016]. Интересную точку зрения об особенностях репрезентации экономических концептов посредством интердискурсивного взаимодействия выдвигает Е. А. Бочарникова, которая, ссылаясь на французскую школу анализа дискурса, подчеркивает, что дискурс функционирует в системе других дискурсов и отражает в своем составе другие дискурсы. По мнению автора, интердискурсивное взаимодействие концептов проявляется в использовании лексических средств, изначально не свойственных тому дискурсу, в состав которого они включены [Бочарникова 2012: 24].

В диссертации с помощью метода когнитивного моделирования предпринимается попытка установить взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и POLITICS, репрезентирующих злободневные проблем экономического конфликта и политики. Принимая в расчет динамичность

экономической ситуации, подчеркнем, что в данном параграфе освещается только часть модели концепта ECONOMIC CONFLICT, взаимодействующая с моделью концепта POLITICS, что обуславливается материалом исследования, ограниченного периодом 2017–2019 гг.

Переходя непосредственно к процедуре моделирования, целесообразно еще раз подчеркнуть, что на первом его этапе, в процессе анализа лексикографических источников были обнаружены когнитивные признаки в структуре концепта ECONOMIC CONFLICT, характерные для обыденного сознания, фиксируемые в словарных дефинициях. Напомним, что в рамках исследования концепта ECONOMIC CONFLICT комментирование экономического конфликта сопряжено с такими зафиксированными в англоязычных толковых словарях общеупотребительными значениями лексемы “*conflict*”, как “*fighting*” и “*disagreement*”.

В рамках первого этапа моделирования раскрывается также и содержание концепта POLITICS в англо-английских словарях. Согласно этимологическому словарю, появление имени существительного “*politics*” относится к 20-м гг. XVI в. В указанный период политика характеризовалась как “*science of government*” [Online Etymology Dictionary]. С 1769 г. у лексемы “*politics*” появляется значение «политические убеждения или взгляды человека»: “*a person’s political allegiances or opinions*” [Там же]. Анализ лексических единиц, вербализующих политику в толковых словарях современного английского языка Longman Dictionary of Contemporary English, Cambridge Dictionary, Oxford Dictionaries и Macmillan Dictionary, наглядно свидетельствует об их высокой идентичности. В четырех словарях лексема “*politics*” комментируется как деятельность правительства, членов законотворческих организаций или людей, связанная с управлением страной или территорией: *ideas and activities relating to gaining and using power in a country, city, etc.* [Longman Dictionary of Contemporary English]; “*the activities of the government, members of law-making organizations, or people who try to influence the way a country is governed*” [Cambridge Dictionary]; “*the activities involved in getting and using power in public life, and being able to influence decisions that affect a*

country or a society” [Oxford Dictionaries]; *the ideas and activities involved in getting power in a country or over a particular area of the world* [Macmillan Dictionary]. Приведенные выше дефиниции позволяют выделить в структуре концепта POLITICS такие когнитивные признаки, как «власть», «управленческая деятельность». В соответствии с дефиницией, приведенной в другом лексикографическом источнике, обнаруживается еще один когнитивный признак в структуре концепта, в частности, «полемика, дебаты». Лексическая единица “*politics*” комментируется как деятельность, связанная с управлением страной или территорией, а именно, полемика между партиями, обладающими властью: “*the activities associated with the governance of a country or area, especially the debate between parties having power*” [Lexico powered by Oxford]. Вместе с тем, отличительной чертой дефиниций политики в вышеупомянутом словаре является также обращение к характеристике политики как деятельности, направленной на улучшение чьего-либо статуса или увеличение власти в организации – “*activities aimed at improving someone’s status or increasing power within an organization*” [Там же]. Подобный вектор развертывания политики не отражается в других анализируемых словарях.

К числу сходств определений в английских словарях стоит отнести комментирование политики как политических убеждений, отношение к действиям, предпринимаемым правительством: “*your politics are your beliefs and attitudes about how government should work*” [Macmillan Dictionary]; “*someone’s political beliefs and opinions*” [Longman Dictionary of Contemporary English]; “*your politics are your beliefs about how a country ought to be governed*” [Collins English Dictionary]; “*A particular set of political beliefs or principles*” [Lexico powered by Oxford].

Следует также отметить, что сходство определений в указанных словарях становится очевидным через комментирование политики как области знаний. Подтвердим примерами: “*The academic study of government and the state*” [Cambridge Dictionary], “*the study of political power and systems of government*” [Longman Dictionary of Contemporary English] – изучение правительства и

государства как учебная дисциплина; *“the study of the ways in which a country is governed”* [Lexico powered by Oxford] – область знаний, занимающаяся изучением способов управления страной; *“the study of how people gain and use political power”* [Macmillan Dictionary] – область знаний, изучающая получение и использование политической власти.

Полученные из словарей данные фиксируют несомненное преломление в фокусе концепта ECONOMIC CONFLICT, рассматриваемого сквозь призму концепта POLITICS. В качестве примера рассмотрим медиатекст *“China and the US: trade war or cold war?”* [FT 6], выбор которого обусловлен двумя факторами. Во-первых, в нем зафиксирована репрезентация сразу двух исследуемых концептов – ECONOMIC CONFLICT и POLITICS, что дает основания для выявления их взаимодействия. Во-вторых, поскольку медиатекст был опубликован в 2018 году, естественно ожидать в нем отражение актуальных изменений, происходящих в мировой политике и экономике. Данный медиатекст повествует о текущем положении дел Вашингтона и Пекина, экономический конфликт между которыми выходит за рамки торговых отношений с высокой долей вероятности перерастания в настоящую войну.

Что касается ключевой лексемы *“conflict”*, следует отметить, что в исследуемом медиатексте обнаружено только два фрагмента с данной лексической единицей: *“in a broader conflict”*; *“even conflict, between the US and China”* [FT 6]. Данный факт указывает на необходимость обращения при когнитивном моделировании к ближней периферии концепта, представленной такими лексическими единицами, как *“a trade war”*, *“the tension over trade”*, *“the battle over trade”*. В исследуемом медиатексте в результате анализа лексических единиц, вербализующих экономический конфликт, снова выявляется аналогия между экономическим конфликтом и войной. В выделенном фрагменте медиатекста привлекает внимание сочетание *“the strains in US-China relations”*, указывающее на напряженность в американо-китайских отношениях: *have been framed around the idea of an outbreak of a trade war* [FT 6]. Данная напряженность сформировалась вокруг идеи о начале торговой войны. Однако автор медиатекста

путем использования лексемы “*incorrect*” выражает свое несогласие с проблемой назревания торговой войны: *I think this charaterisation is incorrect* [FT 6]. Поскольку в сознании читателя репрезентация экономического конфликта тесно связано с военной тематикой, в медиатексте отмечается частотное использование военной лексики: “*battle*”, “*just one front*”, “*war*”. В качестве иллюстрации приведем фрагмент из медиатекста: *The tension over trade is just one front, or battle, in a broader conflict or war for hegemony now beginning between the US and China* [FT 6].

Необходимо подчеркнуть, однако, что модель концепта ECONOMIC CONFLICT не ограничивается торговой войной и затрагивает также другие сферы: *They were busy preparing for a new world order that many believe will involve a stand-off not between two countries (the US and China) but between three systems – liberal democracy and free markets, state-run capitalism and cyber-libertarianism* [FT 27]. Данный фрагмент иллюстрирует тот факт, что конфликт, вербализуемый лексемой “*a stand-off*”, затрагивает не только отношения США и Китая, но что это, в первую очередь, конфликт нескольких систем – либеральной демократии и свободных рынков, государственного капитализма и кибер-либертарианства. На уровне лексических единиц “*liberal democracy*”, “*free markets*”, “*state-run capitalism*”, “*cyber-libertarianism*” возникает взаимодействие между политической, экономической сферами и сферой информационных технологий.

Рассмотрим еще один пример: *We can indeed think of various fronts of battles, including trade, cyber, defence / security (South China Sea), AI/ technology (5G); ... but that any deal will be temporary, with the US strategy likely to be to keep China uncertain, on edge in terms of the relationship, not only trade but also on the other areas of tension* [FT 6]. В медиатексте 2018 г. обнаружены фрагменты с лексемами “*cyber*”, “*defence / security*”, “*AI/ technology*”, “*the other areas of tension*”, подтверждающие вышеуказанное.

Взаимосвязь концептов ECONOMIC CONFLICT и POLITICS эксплицирована еще в одном фрагменте исследуемого медиатекста: *a three-way tussle between free markets, state capitalism and the tech giants is brewing* [FT 27]. В

структуре концепта ECONOMIC CONFLICT выделяется когнитивный признак «схватка, борьба», выраженный лексемой “*tussle*”, которая формирует ближнюю периферию концепта. В составе дальней периферии обнаруживается негативное образное осмысление экономического конфликта, передаваемое сочетанием “*is brewing*” со значением “*if something bad is brewing, it is beginning to happen*” [Macmillan Dictionary].

Комбинация концептов ECONOMIC CONFLICT и POLITICS обнаруживается еще в одном из абзацев: *Then, too, countries aligned along ideological divides, partly fuelled by economic and social conflict that had previously riven their domestic politics* [FT 25]. Лексические единицы “*ideological divides*”, “*their domestic politics*” номинируют POLITICS, лексемы “*by economic and social conflict*” репрезентируют ECONOMIC CONFLICT. Взаимосвязь концептов в пространстве медиатекста устанавливается на уровне единицы “*partly fuelled*”. Метафорично высказываясь о ситуации, автор утверждает, что идеологическое разделение, относящееся к сфере политики, было вызвано социально-экономическим конфликтом. Одним из ярких примеров взаимосвязи концептов служит следующий фрагмент медиатекста, согласно которому торговый спор чреват геополитическими последствиями: “*an open-ended trade dispute would have geopolitical consequences*” [FT 29].

Исследование продемонстрировало, что концепт POLITICS, не выступающий в качестве ключевого понятия экономики, характеризуется частотной объективацией своих концептуальных характеристик в экономических медиатекстах. К числу основных когнитивных признаков в структуре концепта POLITICS относятся «управление страной Трампом» и «холодная война»: “*the Trump administration*”, “*the cold war*”. Следует отметить, что акценты на составляющих модели концепта POLITICS смещались на протяжении всего повествования: *The key point is that we must recognise that the fundamental basis the relationship between the US and China has changed* [FT 6]. Описанные политические изменения, актуализированные посредством лексем “*before President Donald Trump*” (до прихода к власти Д. Трампа) и “*after Mr Trump (or during the*

administration of Mr Trump)” (в период исполнения им обязанностей президента), повлияли на ход развития экономики. В первом фрагменте медиатекста в составе модели концепта POLITICS обнаруживается когнитивный признак «президент», который конкретизируется посредством лексических единиц “*President Donald Trump*”. Взаимодействие политики с экономикой обнаруживается как на уровне лексем “*the global economic and financial architecture*”, так и на подтекстовом уровне. Очевидно, что и в следующем фрагменте обнаруживается концептуализация политики посредством лексических сочетаний “*during the administration of Mr Trump*”, “*after Mr Trump*”, “*consensus*”, “*previous administrations*” [FT 6].

В анализируемом медиатексте находит свое отражение мысль о назревающей торговой войне в результате предпринятых политических действий. Включение в англоязычный медиатекст негативно окрашенной лексемы “*failed*” подтверждает идею о том, что предпринятый Америкой подход, основанный на взаимовключенности, уже потерпел неудачу: *the inclusive approach to China by previous administrations has in fact failed* [FT 6]. Использование еще одной лексемы с негативной коннотацией “*disruptive*” указывает на то, что все это будет носить разрушительный характер для мировой экономики: *This could be disruptive to global markets* [FT 6]. В следующем фрагменте зафиксированы лексемы, формирующие вербальную основу ближней периферии концепта ECONOMIC CONFLICT с помощью сочетаний “*are in for a long period of competition*” и “*even conflict*”, указывающие на назревающую торговую войну.

В процессе исследования обнаруживается еще одна особенность моделирования концепта, репрезентирующего конфликт, а именно выделение сходных когнитивных признаков в составе моделей концептов, относящихся к разным сферам, в частности, репрезентирующих экономический и политический конфликты. Как уже отмечалось выше, в структуре концепта ECONOMIC CONFLICT обнаруживаются когнитивные признаки «война», «напряжение», «борьба». В свою очередь, в содержании концепта POLITICAL CONFLICT, фиксируются аналогичные признаки. В качестве примера приведем анализ одного

из медиатекстов, озаглавленного “A refined take on the volatile oil price story” [FT, 2017. № 39,509: 2]. Ядро концепта POLITICAL CONFLICT представлено ключевой лексемой “*conflict*”: “*the Syrian conflict*”, “*the conflict started*”, “*a multi-sided conflict with Kurdish and jihadi groups*” [FT, 2017. № 39,509: 2]. В составе его ближней периферии актуализирующийся когнитивный признак «война» составляет чуть больше трети единиц – “*like a war of attrition against the Syrian people and Syrian army*”, “*the Syria war*”, “*the civil war*”, “*fought this war*” [FT, 2017. № 39,509: 2]. Данный признак ориентирован на настоящий момент и характеризует сложную ситуацию в период войны в Сирии. Общая эмоциональность концепта POLITICAL CONFLICT проявляется в градации когнитивных признаков. Так, признак «борьба» превосходит в количественном отношении признак «напряжение» – “*tensions in the region*”, “*heightening tensions between Washington and Moscow*”; “*the battle against Isis*”, “*fighting Isis*”, “*fought this war*” [FT, 2017. № 39,509: 2].

В другом медиатексте под названием “Macedonia edges closer to agreeing name change with Greece as alternatives considered” ядро концепта POLITICAL CONFLICT представлено сочетанием “*the potential for conflict*”, в то время как его ближняя периферия актуализируется единицами “*one of Europe’s most intractable diplomatic disputes*”, “*the dispute over the name of Macedonia*”, “*quarrel over what name the former Yugoslav republic*”, “*a mysterious quarrel*”, “*with violent clashes over territory and identity*” [FT, 2018. № 39,718: 4]. В результате анализа было установлено, что ближняя периферия концепта POLITICAL CONFLICT представлена рядом когнитивных признаков: «спор», «ссора», «столкновение».

В соответствии с вышесказанным, можно заключить, что в сознании англоязычной публики существует некоторый «базовый» концепт CONFLICT, который объективируется посредством сходного набора лексических единиц, что находит отражение в аналогичных когнитивных признаках концептов. Конфликт, попадая в определенную сферу, как политическую, так и экономическую, лишь конкретизируется, окутывается новыми концептуальными признаками и сводится к торговой войне, а также войне в Сирии, гражданской войне, борьбе с

террористическими организациями, напряженным отношениям между Вашингтоном и Москвой и др.

Как было заявлено, обращение к взаимодействию одних концептов с другими позволяет дать их наиболее полное лингвистическое описание [Малгатаева 2017: 78]. В результате исследования англоязычных медиатекстов экономической направленности было также установлено, что к числу средств экспликации интердискурсивного взаимодействия концептов ECONOMIC CONFLICT и POLITICS относятся интердискурсивные включения. В работе в качестве основной формы интердискурсивных включений рассматривается включение в медиатекст прецедентного политического феномена исторического плана.

В одном из анализируемых медиатекстов отмечается обращение к различным эпизодам напряженных политических отношений, произошедшим много лет назад, с целью подчеркнуть сложность современного экономического конфликта между США и Китаем. Приведем примеры: *the cold war* – холодная война, *the Cuban missile crisis* – Карибский кризис, *the Berlin Airlift* – Блокада Западного Берлина, *the 1956 Soviet intervention in Hungary* – Интервенция СССР в Венгрию в 1956 году, *the Prague Spring of 1968* – Пражская весна [FT 6]. В другом медиатексте обнаруживаем вплетение в его канву отсылки к вооруженному конфликту, вспыхнувшему между Союзной Республикой Югославии и албанскими повстанцами, известному как Косовская война – *or even since the 1998-99 war when Nato came to the defence of Kosovo's ethnic Albanian majority against Serbian attack* [FT 16]. Следовательно, взаимодействие между исследуемыми концептами объективируется посредством включения в экономический медиатекст фрагментов, восходящих к политической сфере.

Проиллюстрируем вышеуказанное еще одним примером, в котором идет речь о новой холодной войне между Китаем и Соединенными Штатами Америки: *It is interesting to think back to the last cold war between superpowers, the US versus the Soviet Union which lasted for more than 40 years ... This suggests that in the new cold war between the US and China, we are going to experience mini-crisis as each*

side works out the other's red lines [FT 6]. В данном фрагменте с прецедентным феноменом исторического плана актуализируется связь модели концепта ECONOMIC CONFLICT, сузившейся до *“trade war”*, с одним из признаков концепта POLITICS, в частности, *“the cold war”*, характеризуемым как часть политической ситуации. Из приведенной текстовой иллюстрации видно, что сегментом пересечения областей исследуемых концептов является война – *“war”*. Таким образом, в англоязычном медиатексте высказывается опасение о том, что торговая война между США и Китаем может вылиться в очередную «холодную войну»: *We are also likely to see proxy battles played out between them, which might provide further flash points. It is unclear who the ultimate winner will be* [FT 6].

В другом медиатексте привлекает внимание фрагмент, в котором объективируется концепт POLITICS посредством лексем *“ideology”*, *“the cold war”*, *“domestic politics”*, а концепт ECONOMIC CONFLICT репрезентирован с помощью ключевой лексемой *“economic conflict”*. В следующем примере актуализация интердискурсивности достигается посредством включения в экономический медиатекст словосочетания *“the cold war”*: *“It is not the first time that whole nations had to choose which ideology to rally behind. The same happened in 1930s, and again during the cold war”* [FT 25]. В выделенном блоке англоязычного медиатекста повествуется о том, что человечеству известны случаи, когда целые нации были вынуждены выбирать идеологию. Из фрагмента следует, что в период холодной войны идеологическое разделение (*ideological divides*) протекало под влиянием экономико-социального конфликта, который ранее привел к расколу во внутренней политике. Автор, описывая происходящее, использует метафору *“fuelled by economic and social conflict”*. Следует отметить, что в рамках данного экономического медиатекста апеллирование к лексеме *“the cold war”* частотно. В медиатексте зафиксированы следующие случаи ее употребления: *The same happened in the 1930s, and again during the cold war; The 1930s and the cold war both saw economic liberalism survive by becoming radically more progressive; This third dimension is decisive if the cold war is anything to go by* [FT 25].

Интересным с позиции интердискурсивности представляется частотное использование имен известных политических деятелей, которое может быть рассмотрено как одна из форм интердискурсивных включений. Проиллюстрируем вышеуказанное примерами: *any conflict between Mrs Kohl-Richter* [FT, 2017. № 39,506: 2]; *fiscal discipline clashes with Mr Zuma's taste for public spending and patronage* [FT, 2017. № 39,435: 24]; *Mr Berlusconi's perceived conflict of interest* [FT, 2018. № 39,713: 9]; *the global trade war started by Donald Trump* [FT 5]; *conflict over Donald Trump's trade tariffs* [FT 9]; *Mr Trump's tariffs* [FT, 2019. № 39,993: 9]; *President Donald Trump's US tariffs* [FT, 2019. № 39,994: 1]; *Mr Trump's appetite for conflict* [FT, 2019. № 39,995: 2]; *behind President Donald Trump's trade war with China* [FT, 2019. № 40,019: 9]; *Trump's beef with Europe* [FT, 2019. № 40,181: 9]; *Emmanuel Macron in France, the US under President Trump, Vladimir Putin's Russia* [FT 25]; *before President Donald Trump, after Mr Trump, the administration of Mr Trump, the Trump administration, Gorbachev, Yeltsin, the Thatcher-Reagan-inspired arms race* [FT 6]; *the election of Donald Trump* [FT 31].

Примечательной чертой англоязычных экономических медиатекстов также является вкрапление в их канву таких терминов, как “*global economic governance*”, “*economic liberalism*” [FT 25], “*financial liberalisation*” [FT 31], “*economic nationalists*” [FT, 2018. № 39, 719:1], состоящих из лексических единиц, которые принадлежат экономической (*economic, financial*) и политической (*governance, liberalism, liberalization, nationalists*) сферам. Приведенный пример позволяет утверждать, что интердискурсивные связи наблюдаются не только между моделями концептов в целом, но и в структуре самих лексем, формирующих эти модели.

В результате исследования англоязычных медиатекстов установлено, что концепты тесно связаны и переплетаются друг с другом. В частности, анализ третьего медиатекста позволил выявить целую цепочку взаимодействующих между собой моделей концептов ECONOMIC CONFLCIT, ECONOMIC CRISIS, POLITICS. Следовательно, в репрезентации концепта ECONOMIC CONFLCIT задействованы лексемы “*the risks of outright conflict between these two*

superpowers” [FT 31]. Отметим, что в приведенном примере словосочетанием *“these two superpowers”* называют США и Китай. В данном медиатексте интеграция концепта ECONOMIC CRISIS, актуализированного лексемами *“financial crisis”*, *“inflation shocks”*, *“the economic and social devastation”*, с концептом ECONOMIC CONFLICT обнаруживается на подтекстовом уровне. В свою очередь, экономический кризис тесно связан с концептом POLITICS, репрезентированного посредством лексем *“politics”*, *“policy”*, *“political risk”*. Интердискурсивное взаимодействие концептов осуществляется также за счет такого включения, как *“the two oil shocks of 1970s”* [FT 31]. Описываемое экономическое событие «Нефтяной кризис 1973 года», известное также как «нефтяное эмбарго», было проведено из политических соображений. Идея о взаимодействии экономики и политики выражается в следующем фрагменте: *“Politics also shape the longer-term policies that determine the performance of economies”* [FT 31]. По мнению автора медиатекста, в сфере политики формируются долгосрочные меры, которые определяют эффективность развития экономики.

Таким образом, исследуемые модели концептов в англоязычных экономических медиатекстах могут соотноситься следующим образом: развитие экономического конфликта происходит на фоне определенной политической ситуации, однако в то же время экономический конфликт может перерасти в глобальное геополитическое, военное противостояние. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что взаимодействие между концептами ECONOMIC CONFLICT и POLITICS (и его смежными концептами) осуществляется посредством включения в англоязычный экономический медиатекст фрагментов, относящихся к политической сфере. Анализ таких включений позволяет констатировать тот факт, что концепт ECONOMIC CONFLICT может также объективироваться опосредованно, то есть с помощью концепта POLITICS, имеющего когнитивную связь с изучаемым явлением на уровне подтекста.

3.3. Взаимодействие концепта ECONOMIC CONFLICT и SOCIAL CONFLICT

Широко известен тот факт, что социальные отношения всегда присутствуют в экономической, политической и других сферах общества. Данное явление находит свое отражение в англоязычном медиадискурсе. При исследовании медиатекстов на английском языке, освещающих проблему экономических конфликтов, обнаруживаются фрагменты знаний, привлеченные из социальной сферы, что позволяет говорить об их интердискурсивном взаимодействии.

Интердискурсивность, как средство представления уже существующего и формирования нового экономического знания, принимает непосредственное участие в установлении когнитивных связей [Бочарникова 2011: 125]. Принимая во внимание тот факт, что осуществление интердискурсивного взаимодействия происходит именно на уровне смысла, то, следовательно, оно оказывает влияние на формирование моделей концептов ECONOMIC CONFLICT и SOCIAL CONFLICT на уровне ментальных пространств.

В результате изучения медиатекстов был получен материал, анализ которого позволил заключить, что события социальной сферы отражаются в экономическом медиадискурсе фрагментарно. В процессе объективации концептов ECONOMIC CONFLICT и SOCIAL CONFLICT авторы англоязычных медиатекстов раскрывают их содержание и описывают с помощью различных языковых средств. Безусловно, в сознании читателя выстраиваются определенные связи экономического концепта с социальной сферой. В рамках анализируемых медиатекстов данная взаимосвязь экономического и социального конфликтов характеризуется невысокой частотностью, узким диапазоном проявления, поскольку в источниках фактического материала одновременная актуализация экономического и социального конфликтов представлена в значительно меньшем объеме. Вышеизложенное подчеркивает необходимость обращения к примерам из медиатекстов.

Социально-экономические конфликты являются производной социально-экономического благосостояния страны [Перевощикова 2009: 75]. Под социально-экономическими конфликтами понимаются конфликты, возникающие между социальными субъектами из-за противоположных экономических интересов. В англоязычном экономическом медиадискурсе был обнаружен концепт *SOCIO-ECONOMIC CONFLICT*, сочетающий в себе когнитивные признаки социального и экономического конфликтов. В рамках исследования реализации экономического конфликта в континууме разнообразных явлений данный концепт представляет интерес, поскольку он объединяет в себе конфликт в сфере экономики и социальную сферу. Однако в процессе исследования возникает сложность в определении границ сферы социального и экономического, поскольку в социально-экономическую сферу попадают различные отношения между людьми. С опорой на экстралингвистические знания подчеркнем, что экономические и социальные интересы сложно разграничить, поскольку от уровня экономического развития напрямую зависит и уровень социального развития общества [Недобега 2013: 193]. Направляя данную мысль в лингвистическое русло, в этом контексте представляется актуальным учесть взгляд А. В. Плотниковой. Вслед за автором мы разделяем точку зрения о том, что при классификации лексики, относящейся к той или иной сфере, а также при описании концепта также могут возникать трудности [Плотникова 2011: 523].

Приступая к установлению взаимодействия концептов с помощью метода когнитивного моделирования, подчеркнем, что в предыдущих разделах диссертации уже было установлено отражение лексической единицы “*conflict*” в различных словарях. Следовательно, на первом этапе считаем целесообразным рассмотреть лексические средства концептуализации обнаруженного концепта *SOCIO-ECONOMIC CONFLICT* в лексикографических источниках, а затем проанализировать средства его вербализации на материале англоязычных медиатекстов.

В Кембриджском словаре с индикацией “Economics” обнаруживается имя прилагательное “*socio-economic*”, характеризующее отношения социально-

экономического неравенства: *“used to describe the differences between groups of people relating to their social class and financial situation”* [Cambridge Dictionary]. Словарь Macmillan Dictionary квалифицирует лексему *“socioeconomic”* в широком ключе, не конкретизируя, что же подразумевается под вопросами экономики и социальной среды: *involving a combination of social and economic matters* [Macmillan Dictionary]. Аналогичные трактовки исследуемого феномена предлагают другие словари: *relating to society and economics* [Oxford Dictionaries]; *based on a combination of social and economic conditions* [Longman Dictionary of Contemporary English]. В источнике Collins English Dictionary приводится следующее определение словосочетания *“socioeconomic circumstances or developments”*: *involve a combination of social and economic factors* [Collins English Dictionary].

На следующих этапах обратимся к выявлению признаков, составляющих ядро, дальнюю и ближнюю периферии модели концепта. На страницах экономической прессы 2017 г. ядро концепта SOCIO-ECONOMIC CONFLICT представлено лексическими единицами *“conflict”* и *“instability”*: *... the GCC became an important and rare platform for co-operation in region blighted by conflict and instability* [FT, 2017. № 39,509: 2]. Социально-экономический конфликт концептуализируется, прежде всего, как социально-экономическое давление. Приведем фрагмент медиатекста, в котором посредством лексических единиц *“socio-economic pressures”* актуализирует приведенный выше когнитивный признак: *It is happening at a time when the monarchies face socio-economic pressures as they tentatively try to wean citizens off decades of state largesse, diversify oil-dependent economies and create jobs for youthful populations.* В анализируемом медиатексте экономическая сторона концепта представлена лексическими единицами ближней периферии, объективирующими торговый союз Персидского залива: *the Gulf’s trade bloc, the Arab world’s only trade bloc* [FT, 2017. № 39,509: 2]. Интересно, что в составе ближней периферии модели был обнаружен когнитивный признак «финансирование терроризма»: *“accusing Doha of financing terrorism”* [FT, 2017. № 39,509: 2]. Обнаруженный факт подтверждает мысль о

том, что концепт, актуализирующий в англоязычном медиадискурсе социально-экономический конфликт, пересекается на уровне данного признака с политикой, что дает основания говорить о тесной связи экономической, социальной и политической сфер.

В другом медиатексте 2017 г. зафиксирована ключевая лексическая единица “*conflict*” в сочетании “*fuelling conflict*”. Отсутствие ключевого сочетания “*socio-economic conflict*” не является показателем отсутствия повествования о социально-экономическом конфликте в англоязычном медиатексте. В процессе исследования обнаружены лексемы, объективирующие разнообразные когнитивные признаки ближней периферии модели концепта SOCIO-ECONOMIC CONFLICT. Например, социально-экономическая сторона исследуемого явления представлена такими когнитивными признаками, как страх и опасность волатильности цен на продовольствие – “*food price volatility feared*”, “*the dangers of food price volatility*”; риск сбоев в транспортных пунктах контроля грузовых перевозок – “*the risk of disruption at transport choke points*”, “*a serious interruption at one or more of these choke points*”; разрушение ослабленной инфраструктуры – “*damaging already-weakened infrastructure*”; разрушительные конфликты – “*the disruptive hazards*” [FT, 2017. № 39,509: 20].

Анализ экономических медиатекстов указывает на то, что в модели концепта SOCIO-ECONOMIC CONFLICT может быть выделен еще один когнитивный признак, в частности, «внедрение системы социальных кредитов (рейтингов)». В 2015 году Народный Банк Китая, Центральный Банк, а также восемь компаний, включая Alibaba Group и Tencent, получили лицензию на запуск систем в пилотном режиме: *The People’s Bank of China, the central Bank, selected eight tech companies in 2015 – including ecommerce group Alibaba’s Ant Financial and game developer Tencent – to develop pilot programs to give consumers credit scores* [FT, 2017. № 39,516: 4]. Когнитивный признак «введение системы социальных кредитов» репрезентирован такими лексическими единицами, как “*social credit*” scores, “*credit scores*”. Связь экономического конфликта и социальной сферы обнаруживается в следующем фрагменте: *China plan for ‘social*

credit' scores stirs conflict of interest fears [FT, 2017. № 39,516: 4]. Анализ фрагмента позволяет утверждать, что система социальных кредитов провоцирует возникновение конфликта интересов. В одном из медиатекстов 2018 г. автор сравнивает систему социальных кредитов с игрой с помощью лексических единиц *“Alibaba’s risky game of social credit”, “gamified”, “tournament”, “compete”, “an arbiter of credit ratings”* [FT, 2018. № 39,712: 9]. Выделенный когнитивный признак «социальный кредит – игра» относится к дальней периферии модели концепта SOCIO-ECONOMIC CONFLICT. Интересное сравнение системы социального кредита с платной версией социальных сетей или играми в мобильном устройстве подчеркивает связь экономического с социальным: *social credit is .... like a financial version of social networks and mobile games* [FT, 2018. № 39,712: 9]. За счет использования имени прилагательного *“opaque”* в медиатексте подчеркивается, что правила этой «игры» неясны и туманны: *“Compared with traditional credit scores, the rules are also opaque”* [FT, 2018. № 39,712: 9]. Поскольку алгоритм составления рейтинга (*Sesame’s algorithms*) пока не раскрывается, в обществе с системой социального кредита никто не знает, каким же образом производится расчет показателей, определяющих положение и возможности людей в системе социальных кредитов: *“... the rules are also opaque – no one knows exactly how Sesame’s algorithms calculate the number between 350 and 950 that determinates its users’ standing* [FT, 2018. № 39,712: 9]. Далее на уровне подтекста снова подчеркивается идея о том, что введение системы социального кредита приведет к проблемам в экономике: *Many countries see trouble ahead: concerns over data privacy led to the US to block Ant Financial’s \$1.2bn acquisition of MoneyGram international last month* [FT, 2018. № 39,712: 9]. В медиатексте заслуживает быть отмеченным название компании (*Alibaba*), а также инструмент ее деятельности (*Sesame*), являющиеся ярким примером аллюзии на арабскую сказку.

Сложное интердискурсивное взаимодействие концептов в когнитивном пространстве обнаруживается в медиатексте *“Yemen conflict creates ‘lost generation’ of children”* [FT 34]. В исследуемых фрагментах получают вербальную

репрезентацию сразу несколько концептов, олицетворяющих политический, социальный и экономический конфликты. Модель концепта POLITICAL CONFLICT сужается до гражданской войны в Йемене. Ее ядро представлено лексемами *“Yemen conflict”, “conflict”, “the conflict”* [FT 34]. В составе ближней периферии модели концепта POLITICAL CONFLICT выделим такие когнитивные признаки, как «война», «жестокость», «битва». Когнитивный признак «война» эксплицируется посредством лексических единиц *“before war intervened”, “A Saudi-led coalition intervened in the war in March 2015”, “a proxy war”, “war crimes”* [FT 34]. В формировании когнитивного признака «жестокость» участвуют лексемы *“violence erupted in 2015”, “the violations committed by individuals in the Saudi-led coalition”,* а когнитивного признака «битва» – *“Houthi rebels battle government forces”, “to fight the Iran-aligned Houthis”* [FT 34]. Дальняя периферия модели концепта представлена лексическими единицами *“has shattered society”* со значением «разбить вдребезги общество»: *the conflict has shattered society in the Arab world’s poorest nation* [FT 34].

Что касается взаимодействия концептов POLITICAL CONFLICT и SOCIAL CONFLICT, обнаруживается, что возникший конфликт в Йемене приводит к нарушению нормального функционирования социальной сферы. В медиатексте взаимодействие концептов происходит на уровне лексем *“creates”, “have been forced”*: *Yemen conflict creates ‘lost generation’ of children; the creation of a lost generation of children; He is one of an estimated half a million Yemeni children who have been forced to abandon their education ...”* [FT 34]. Актуализация концепта SOCIAL CONFLICT в медиатексте характеризуется отсутствием ключевой лексемы *“conflict”*, формирующей ядро модели. Однако в процессе исследования обнаружены различные лексемы, формирующие ближнюю периферию концепта. Наиболее ярким когнитивным признаком ближней периферии становится «невозможность получения образования», представленного лексемами *“quitting school”, “leaving school”, “to abandon their education”, “uneducated and traumatised”, “my child was deprived of education”* [FT 34]. Автор медиатекста иронично выражает позитивную сторону сложившейся ситуации, в которой у

детей отсутствует возможность получить образование, называя их «счастливыми»: *But they are the lucky ones: more than 5,000 children have been killed or wounded, according to UN agencies* [FT 34]. В приведенном примере выражается глубокая мысль о том, что остаться неграмотным, без образования не так страшно. Гораздо страшнее, получить ранение или даже потерять жизнь, как это случилось с пятью тысячами детей. В рассматриваемых фрагментах упоминается также гуманитарный кризис в Йемене, вызванный описываемой ранее гражданской войной в Йемене: *“Yemen has been described as the world’s worst humanitarian crisis”; “despite warnings that the effort would worsen the humanitarian situation”* [FT 34].

При дальнейшем анализе медиатекста обнаруживается тесная взаимосвязь экономического конфликта и конфликта в социальной сфере. Концепт ECONOMIC CONFLICT репрезентирован как «разрушение экономики»: *But it is the collapse of the economy that is having the most widespread impact on the country’s youth*” [FT 34]. Рассматриваемый пример указывает на то, что именно экономический конфликт оказал наибольшее влияние на ситуацию с молодежью. Поскольку ранее в предыдущих фрагментах высказывалась идея о том, что социальный конфликт затронул, в первую очередь, школьников, считаем справедливым заметить, что взаимодействие моделей концептов ECONOMIC CONFLICT и SOCIAL CONFLICT происходит на уровне лексемы “youth”. Рассмотрим еще один фрагмент: *“I never thought I would be the reason my child was deprived of education but the economic situation forced us,” Mr Ghail said* [FT 34]. Экономическая ситуация стала причиной того, что дети пошли работать вместо того, чтобы получать образование.

Вызывает интерес ситуация, когда в процессе исследования обнаруживаются лексические единицы, которые могут репрезентировать и экономический, и социальный конфликты. Тот факт, что их трудно разграничить в соответствие с вышеприведенными сферами, также указывает на взаимосвязь моделей концептов ECONOMIC CONFLICT и SOCIAL CONFLICT. К их числу отнесем лексемы, формирующие когнитивные признаки «бедность, нищенство»,

«ГОЛОД»: *“to support impoverished families”, “as families have been pushed deeper into poverty”, “at risk of famine”, “to work or starve”, “needy people”, “food is their priority”, “begging is better than fighting and starving to death”* [FT 34].

В экономическом медиатексте 2019 г. фиксируется сложный комплекс взаимодействующих между собой концептов. Ядро модели концепта SOCIAL CONFLICT репрезентируется посредством *“social conflict”*. Ее ближнюю периферию составляют когнитивные признаки «низкий уровень жизни населения» (*“falling living standards for the poor”*) и «неравенство» (*“disparity in wealth”, “wealth disparities”, “growing inequality in the US”*), которые вполне могут быть отнесены к экономической сфере жизни. Данное явление, отражающееся в медиатексте, наглядно доказывает то, что социально-экономические процессы сложны и разнообразны. Выраженное автором неравенство находит также свое отражение в следующем фрагменте: *“Mr Dalio, in his essay, pointed to statistics showing that, since 1980, inflation-adjusted incomes for the top 10 per cent of US earners have doubled while those of the top 1 per cent have tripled. During the same period, he said, the bottom 60 per cent of earners had experienced little or no income growth”* [FT 4]. Помимо приведенных статических данных, на языковом уровне повествование о неравенстве происходит посредством использования слов с противоположным значением: *the top 10 per cent of US earners – the bottom 60 per cent of earners; have doubled, have tripled – had experienced little or no income growth* [FT 4].

В рамках исследуемого медиатекста, помимо взаимодействия экономической и социальной сфер, существует также связь между социальным конфликтом и политической сферой: *Mr Dalio added that the potential for social conflict in the US had been exacerbated by political populism and said that “as a principle, if there is a very big gap in the economic conditions of people who share a budget and there is an economic downturn, there is a high risk of bad conflict”* [FT 4]. Согласно приведенному примеру взаимодействие концепта SOCIAL CONFLICT и POLITICS осуществляется на уровне лексемы *“exacerbated”*, связывающей социальный конфликт и идеологию популизма. В другом текстовом фрагменте

обнаруживается взаимодействие социальной, политической и экономической составляющей современного общества: *Dangerous social and political divisions that already exist in US society, he added, “threaten our cohesive fabric and capitalism itself.”* [FT 4]. Взаимодействие социальной и политической сфер выражается на уровне лексической единицы “*divisions*” в словосочетании “*social and political divisions*”. В свою очередь, подобные социальные и политические разделения угрожают интересам экономической сферы – “*cohesive fabric and capitalism*”.

Таким образом, англоязычные медиатексты, являясь отражением того, что происходит в современном обществе, позволяют выстроить три цепочки взаимодействия концепта SOCIAL CONFLICT с другими концептами. По данным медиатекстов, с одной стороны, нестабильность в социальной сфере приводит к ухудшению экономической стороны жизни. С другой стороны, в медиатекстах зафиксировано, что социальные противоречия могут быть вызваны экономическим конфликтом. В дополнение к вышесказанному, заметим, что по материалам медиатекстов к конфликту в социальной сфере также может привести политический конфликт.

3.4. Взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и COUNTRY

Как было показано выше, все фиксируемые в англоязычном медиадискурсе высказывания, касающиеся экономических конфликтов, инкорпорируются в современную англоязычную лингвокультуру в форме концепта ECONOMIC CONFLICT, взаимодействующего с другими концептами. Его специфика заключается в том, что он не существует в изолированном состоянии и не защищен от воздействия на него других концептов.

Учитывая результаты, полученные в ходе дефиниционного анализа лексемы “*conflict*” с привлечением авторитетных словарей английского языка, необходимо еще раз упомянуть различные понятийные аспекты в семантическом содержании модели концепта ECONOMIC CONFLICT: конфликт – это форма взаимоотношений людей и стран, конфликт – война, столкновение, борьба, ссора,

спор. При повторном обращении к дефинициям лексемы “*conflict*” обнаруживается функционирование в них таких лексических единиц, как “*people*”, “*groups*”, “*countries*”, следовательно, англоязычные словари фиксируют, что обязательной характеристикой феномена экономического конфликта являются противоборствующие стороны. Согласно экономическому обоснованию вопроса, изложенному в параграфе 1.5 настоящего диссертационного исследования, помимо государства, к числу основных участников экономических конфликтов относятся крупные финансовые объединения и монополии определенной страны, а также экономические союзы, представляющие собой форму экономической интеграции государств. С одной стороны, каждый из вышеуказанных участников конфликта может рассматриваться в качестве самостоятельного концепта. С другой стороны, они могут существовать как отдельные области, формирующие содержание одного и того же концепта, в частности, концепта COUNTRY, поскольку все эти субъекты связаны с государством. Следует также подчеркнуть, что концепты, репрезентирующие экономический конфликт, политику и государство, находятся в непосредственном взаимовлиянии друг на друга и пересекаются.

Что касается медиатекстов издания “The Financial Times” 2017–2019 гг., то в них находит свою вербальную экспликацию концепт COUNTRY, обозначаемый в соответствии с именем существительным “*country*”. Выбор данной лексической единицы в качестве ключевого средства объективации концепта COUNTRY обусловлен тем, что она наиболее полно отвечает представлению о государстве в английском языке. Напомним, что в соответствии с разработанной в диссертации схемой моделирования построение модели концепта COUNTRY начинается с анализа дефиниций лексемы “*country*” в лексикографических источниках.

В первую очередь, целесообразно обобщить данные этимологического словаря. Анализ внутренней формы исследуемой лексической единицы свидетельствует о том, что концептуальное знание о государстве связано с территорией. Лексема “*country*” этимологически восходит к латинскому “*contrata*” со значением (*land*) *lying opposite* or “(*land*) *spread before one*” [Online

Etymology Dictionary]. Обращает на себя внимание также присутствие в слове на латинском языке словообразовательного элемента “*contra*”, обозначающего “*opposite, against*”. На момент вхождения слова “*country*” в состав английского языка, датируемого серединой XIII в., оно приобретает следующее: значение “*any geographic area, sometimes with implications of political organization*” [Online Etymology Dictionary]. В процессе семантической эволюции лексема “*country*” стала использоваться для обозначения населения (*inhabitants of a country, the people*) и территории города-крепости (*area surrounding a walled city or town*). По данным этимологического словаря обозначение данной лексемой понятия «сельская местность» восходит лишь к началу XVI в.: “*the word was applied mostly to rural areas, as opposed to towns and cities*” [Online Etymology Dictionary].

Современные толковые словари английского языка отражают общеязыковую семантику рассматриваемого концепта. Примем к сведению только релевантные для настоящего исследования значения феномена “*country*”:

1. Государство: *an area of land that has its own government, army, etc* [Cambridge Dictionary]; *an area of land that is controlled by its own government, president, king, etc.* [Longman Dictionary of Contemporary English]; *an area of land that has its own government and official borders* [Macmillan Dictionary]. В приведенных выше дефинициях зафиксированы также такие аспекты, как “*territory*”, “*government*”, “*arm*”, “*borders*”.

2. Родина кого-либо или чего-либо: *an area that is known for a particular product, activity, person, etc.* [Macmillan Dictionary]; *an area of land that is suitable for a particular activity, has particular features, or is connected with a particular person or people* [Longman Dictionary of Contemporary English].

Употребление имени существительного “*country*” с определенным артиклем дает основания квалифицировать лексему в новом ключе, расширяя ее семантическое пространство до таких моментов, как:

1. Население страны (“*the country*”): *all the people who live in a particular country* [Longman Dictionary of Contemporary English]; *the people who live in a country* [Cambridge Dictionary, Macmillan Dictionary].

2. Сельская местность (“*the country*”): *land that is outside towns and cities, including land used for farming* [Longman Dictionary of Contemporary English]; *areas away from cities and large towns, consisting of fields, farms, villages, etc.* [Macmillan Dictionary].

Приведенные эксплицитные коннотации наглядно демонстрируют, что англоязычные словари содержат различные способы представления значений у лексемы “*country*”. Очевидно, что в современных словарных толкованиях обнаруживается высокая степень корреляции с контекстом первоначального толкования лексемы “*country*”. В качестве ядра семантическая структура исследуемого феномена, тем не менее, все же сводится к ее основному значению – *a territory distinguished by its people, culture, language, geography, political autonomy* [Collins English Dictionary], что свидетельствует об отождествлении в сознании носителей англоязычной культуры концепта COUNTRY с представлением о стране как государстве.

Поскольку одни лишь словарные дефиниции не исчерпывают концепта, который обретает окончательный вид в контекстах, релевантным является его исследование с привлечением англоязычных медиатекстов. В издании “The Financial Times” 2017–2019 гг. концепты ECONOMIC CONFLICT и COUNTRY постоянно взаимодействуют, что выражается в их взаимопроникновении и обмене когнитивными признаками. Данное явление становится очевидным при построении моделей исследуемых концептов.

В ходе исследования англоязычных медиатекстов были обнаружены два основных компонента в структуре когнитивной модели концепта COUNTRY: “*the United States of America*” и “*China*”, репрезентирующие страны, вовлеченные в экономический конфликт. Выбор вышеуказанных стран в качестве ключевых элементов модели концепта COUNTRY обусловлен, прежде всего, высокой частотностью их упоминания в проанализированных ранее англоязычных медиатекстах 2017–2019 гг. Подобная экспликация лексем “*the US*” (“*America*”), “*China*”, может быть объяснена популярностью и злободневностью темы обострения американо-китайских отношений: *the thorny issue of US-China trade*

[FT 8]; *the strains in US-China relations, in the US-China war* [FT 6], *the US-China spats* [33]. В соответствии с приведенными текстовыми иллюстрациями обозначим общий классификационный когнитивный признак в структурах моделей концептов ECONOMIC CONFLICT и COUNTRY, на уровне которого происходит их взаимодействие – это когнитивный признак «участник экономического конфликта».

Следуя дальнейшему ходу рассуждений, еще раз подчеркнем, что к числу субъектов, оппонентов, т.е. основных участников экономического конфликта, освещаемого в англоязычных медиатекстах в период 2017–2019 гг., относятся Соединенные Штаты Америки и Китай. Логично, что в любом конфликте роль субъектов и уровень их вовлеченности выражаются в разной степени, поскольку возможности оппонентов по реализации своих целей в конфликте, их влияние, связи, физические, социальные, материальные, интеллектуальные возможности и опыт различаются [Балан 2016: 86].

Как явствует из анализа англоязычных медиатекстов, роли и действия государств-участников экономического конфликта разнообразны и многогранны. На основе смысловой общности выделяются признаки, отражающие основные характеристики исследуемого феномена. Так, в модели концепта COUNTRY аккумулируется дифференциальный когнитивный признак «государство как основной участник экономического конфликта», который, в свою очередь, распадается на целый ряд других когнитивных признаков, характеризующий компонент “*The United States of America*”. В качестве примера приведем ряд текстовых иллюстраций:

1) обвинения США в адрес Китая, Европейского союза: *designate China a currency manipulator* [FT, 2017. № 39,448: 8]; *to label Beijing a currency manipulator; the US steel industry has blamed Chinese overcapacity ...* [FT, 2017. № 39,452: 1]; *the president has blamed the EU and China for deliberately weakening their currencies* [FT 5];

2) внезапная резкая смена мнения: *another series of flip-flops by America's president* [FT, 2017. № 39,448: 8];

3) попытка США избежать экономический конфликт: *after Mr Trump avoided another conflict by backing down on a promise ...* [FT, 2017. № 39,452: 1];

4) усиление дефицита торгового баланса с Китаем: *the size of America's bilateral trade deficit with China, America's deficit in traded goods with China* [FT 8]; *the rising US bilateral trade deficit with China* [FT 7]; *the US is running large fiscal deficit* [FT 15];

5) тарифная политика США: *tariffs between the US and its partners* [FT 17]; *the average US tariff, the US imposed tariffs on imports of steel and aluminum* [FT 29];

6) ослабление торгового конфликта США с другими государствами с целью создания препятствия для их взаимодействия с Китаем: *the US has acted to ease trade conflicts with the EU, Mexico and Canada while discouraging them from striking deals with Beijing* [FT 7]; *including on allies such as the EU, Mexico and Canada* [FT 9];

7) начало торговой войны с Китаем: *has already started a trade war with China , trade frictions with China* [FT 15].

Вместе с тем, содержание концепта COUNTRY расширяется за счет когнитивных признаков, характеризующих такой составной элемент концепта, как “China”, выраженных в следующем:

1) попытка Китая склонить союзников на свою сторону: *China courts potential allies in trade war ... ; in an effort to deprive the Trump administration; to peel away would-be US allies* [FT 7];

2) спад в экономике Китая: *China's slowing economy and weak stock market* [FT7];

3) рост китайского экспорта в условиях действующей тарифной политики: *Chinese exports continue to grow strongly despite the tariffs* [FT 7];

4) желание Китая остановить обострение экономического конфликта: *China sees an opportunity to stop an escalation* [FT 7];

5) ослабление торгового конфликта Китая с другими государствами с целью создания препятствия для их взаимодействия с США: *China has moved to improve*

relations with Japan and South Korea, which share many US grievances on trade and technology [FT 7];

б) Китай – лидер глобализации: *Xi Jinping cast China as a champion of globalisation* [FT 7].

Как показало исследование англоязычных медиатекстов, в экономическом конфликте за основными противоборствующими силами всегда стоят силы, которые могут быть представлены другими государствами, организациями и т.д. Следовательно, в модели концепта COUNTRY, помимо когнитивных признаков, объективирующих основные государства-участники, могут быть выделены также такие когнитивные признаки, как «посредник экономического конфликта» и «группа поддержки в экономическом конфликте», свидетельствующие о факте взаимодействия модели вышеуказанного концепта с моделью концепта ECONOMIC CONFLICT.

В подтверждение вышесказанного приведем анализ следующего фрагмента: *The veteran of both Wall Street and Washington will become a global interlocutor for an administration where clashes between free market voices and economic nationalists remain unresolved. ...* [FT, 2017. № 39,508: 2]. Что касается приведенного примера, в роли посредника – “*a global interlocutor*” – выступает заместитель министра финансов по международным делам *Mr Malpass*, репрезентированный в англоязычном медиатексте словосочетанием “*the veteran of both Wall Street and Washington*”. В следующем анализируемом предложении посредством лексической единицы “*the administration*” объективирована «группа поддержки» в лице административно-управленческого аппарата США. Их действия и поддержка приводят к нейтрализации экономического конфликта: *The administration is also attempting to resolve an internal debate over whether to evoke a national security crackdown on steel imports, as outsiders watch its fluctuating positions on trade* [FT, 2017. № 39,508: 2].

В другом англоязычном медиатексте, посвященном уже не торговой войне, а экономическому спору относительно эмбарго, введенного арабскими странами в отношении Катара, в структуре модели концепта COUNTRY за счет лексической

единицы “*Germany*” объективируется когнитивный признак «группа поддержки в экономическом конфликте»: *On a visit to Qatar yesterday, Sigmar Gabriel, Germany’s foreign minister, called on all sides to heed international calls for dialogue, saying serious negotiations would reduce tensions* [FT, 2017. № 39,516: 2]. Использование лексем “*dialogue*”, “*serious negotiations*”, “*reduce tensions*” указывает на то, что деятельность Германии сосредоточена на сглаживании и поиске выхода из сложившегося экономического конфликта. Проиллюстрируем вышесказанное другими примерами из медиатекста: *this conflict can only be resolved by talks; German and European support* [FT, 2017. № 39,516: 2]. В одном из них обращает на себя внимание лексема “*European*”, репрезентирующая поддержку не только со стороны Германии, но и других европейских государств.

Напомним, что при осмыслении в англоязычных медиатекстах экономический конфликт предстает как взаимосвязанная и целостная система. В ходе анализа было установлено, что помимо главных действующих лиц, противоречия между которыми лежат в основе их противоборства, их посредников, группы поддержки, среди участников конфликта могут быть выделены другие государства, их представители, организации, которые оказываются лишь эпизодически вовлеченными в экономический конфликт. Следовательно, взаимодействие между концептами ECONOMIC CONFLICT и COUNTRY осуществляется путем их взаимопроникновения в зоне еще одного когнитивного признака – «эпизодический участник экономического конфликта».

Следует отметить, что вербальная актуализация вышеуказанного признака в структуре концепта COUNTRY включает в себя упоминание следующих участников экономических конфликтов, происходящих в мире:

1) организации: Всемирная торговая организации – *the World Trade Organization’s rules* [FT 29]; *WTO* [FT 25]; Организация экономического сотрудничества и развития – *the OECD* [FT 17], Организация Североатлантического договора (НАТО) – *Nato* [FT 25]; Страны Северной американской ассоциации свободной торговли (НАФТА): *Nafta countries* [FT 15], *the North American Free Trade Agreement (Nafta), the US-Mexico-Canada Agreement*

(*USMCA*) [FT № 39,995, 2019: 2]; среди организаций выделим банки и Федеральную резервную систему США: *the US Federal Reserve* [FT 5]; *the Federal Reserve* [FT 15], *the European Central Bank* [FT 15, FT 5], *the ECB* [FT 5]; *the US Export-Import Bank* [FT, 2017. № 39,448: 8], *the Bank of Japan* [FT 5], *the Bank of England* [FT 29]; *a senior European Central Bank* [FT, 2017. № 39,435: 4]; *the Bank for International Settlements* [FT 24]; the British Bank [FT 21];

2) Европейский союз: *the EU's top court* [FT, 2017. № 39,571: 4]; *the EU's institutional structures* [FT, 2017. № 39,593: 13]; *between the UK and the EU* [FT 17];

3) Европейская комиссия: *the European Commission* [FT, 2018. № 39,712: 8];

4) фонды: Международный валютный фонд: *the IMF* [FT 6, 14, 23]; *former China head of the IMF* [FT 7];

5) компании: *Ant Financial, Alibaba* [FT, 2018. № 39,712: 9]; *Nike, Walmart and the Home Depot* [FT 8], *PricewaterhouseCoopers, the Big Four of KPMG, EY, PwC and Deloitte* [FT 1, 3];

6) страны: ... *places China in dispute with Vietnam and Malaysia* [FT 33], страны Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА): *Nafta countries; a nuclear North Korea* [FT 14]; *South Korea* [FT, 2018. №39,711: 4]; *at the heart of India's banking crisis* [FT, 2018. № 39,718: 2].

Детальное изучение аспекта взаимодействия моделей концептов ECONOMIC CONFLICT и COUNTRY на материале актуальных англоязычных медиатекстов позволило установить специфику репрезентации концепта COUNTRY. В англоязычном медиадискурсе фиксируется, что ответственность за экономический конфликт может возлагаться на государство, организации, союзы, компании, фонды, при этом вербальные формы выражения этой ответственности указывают на зоны взаимодействия исследуемых концептов, имеющих локализацию в менталитете сторон-государств и находящихся в медиадискурсе только то отображение, которое было выявлено в ходе анализа медиатекстов указанного периода.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

По результатам исследования взаимодействия концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS, POLITICS, SOCIAL CONFLICT, COUNTRY были выявлены следующие моменты:

1. Анализ доказал, что в англоязычных медиатекстах взаимодействие концептов проявляется, прежде всего, в их взаимопроникновении и взаимообусловленности, при котором вербальная основа модели одного концепта указывает на присутствие элементов модели другого концепта. Примечательна избирательная актуализация этого взаимодействия в каждом отдельном англоязычном медиатексте, поскольку она свидетельствует о детерминированности взаимодействия концептов экстралингвистическими факторами. Проведенное исследование позволяет утверждать, что рассмотрение взаимодействия концептов в разных отдельных медиатекстах с помощью метода когнитивного моделирования может быть сведено в единую картину, отображающую зону окружения концепта ECONOMIC CONFLICT.

2. Исследование концептов, репрезентирующих экономический конфликт и экономический кризис, в аспекте их взаимодействия позволило установить, что общее содержание модели концепта ECONOMIC CONFLICT сводится к торговым войнам, а комментирование модели концепта ECONOMIC CRISIS практически полностью совпадает с зафиксированным в англоязычном толковом словаре общеупотребительным значением лексемы "*crisis*". Заслуживает быть отмеченным тот факт, что во многих медиатекстах вербальная основа концепта ECONOMIC CRISIS сформирована лексемой "*inflation*". Когнитивное моделирование позволило также раскрыть то, как при обсуждении сложных проблем экономического конфликта и кризиса происходит наполнение англоязычного медиатекста негативно окрашенной лексикой, формирующей разные слои моделей исследуемых концептов. Установлено, что объективация концептов происходит на уровне как прямых, так и переносных номинаций, о чем свидетельствует разнообразие языковых средств, формирующих ближнюю

периферию, а также использование метафор, организующих дальнюю периферию моделей концептов.

3. Выявлено, что в англоязычных медиатекстах модели концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS могут соотноситься следующим образом: с одной стороны, развитие экономического конфликта отражается как стимулятор кризиса, а с другой стороны, экономический конфликт, по сути, отображается как результирующий процесс экономического кризиса. Наименее частотным является такой тип взаимосвязи, когда феномены накладываются друг на друга или существуют параллельно. Словарные дефиниции также подтверждают идею о том, что, несмотря на синонимическую связь лексем “*conflict*” и “*crisis*”, при вербализации соответствующих концептов они не могут рассматриваться как тождественные. Вышеуказанная актуализация концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS выявляет соответствующий референт, но только в объеме его отражения в англоязычном медиадискурсе.

4. Моделирование концептов, эксплицирующих экономический конфликт и политику через призму концептов ECONOMIC CONFLICT и POLITICS, позволило установить, что общее содержание модели концепта ECONOMIC CONFLICT не ограничивается торговыми войнами (*a trade war, the tension over trade, the battle over trade*) и затрагивает также сферы цифрового пространства, безопасности, информационных технологий. Актуализация концепта POLITICS происходит за счет языковых средств, формирующих его ближнюю периферию. Вербальная основа указанного концепта представлена сочетаниями “*the Trump administration*” и “*the cold war*”. Взаимодействие рассмотренных концептов проявляется, прежде всего, в их взаимораскрытии. Пересечение моделей исследуемых концептов происходит на уровне лексемы “*war*” – “*the trade war*” и “*the cold war*”.

5. Исследование интердискурсивного взаимодействия концептов ECONOMIC CONFLICT и POLITICS позволяет сделать вывод о том, что интердискурсивность, формирующаяся на ментальном уровне, выражается в форме интердискурсивных включений. В результате анализа языковых

фрагментов, характеризующих политические медиатексты, но выявленных при этом в составе экономических медиатекстов, было установлено, что наиболее частотным типом интердискурсивных включений выступает включение в медиатекст описания политических событий. В свою очередь, среди включений политических феноменов исторического плана наибольшей частотностью обладает лексема *“the cold war”*. Второй по частотности формой интердискурсивных включений являются имена политических деятелей, и наименее частотны экономические термины с входящими в их состав элементами из сферы политики. Обнаружено, что интердискурсивное взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и POLITICS может осуществляться на подтекстовом уровне, а также через концептуальную интеграцию с другим концептом ECONOMIC CRISIS.

6. В результате анализа англоязычных медиатекстов экономической направленности выявлено, что события социальной сферы отражаются фрагментарно. Поскольку события экономической и социальной сфер тесно взаимосвязаны друг с другом, на страницах *“The Financial Times”* 2017–2019 гг. еще объективируется концепт SOCIO-ECONOMIC CONFLICT. Связь между концептами ECONOMIC CONFLICT и SOCIAL CONFLICT может осуществляться напрямую, на уровне лексем. Однако частотны фрагменты, в которых взаимодействие одного концепта с другим происходит за счет привлечения третьего.

7. Взаимосвязи моделей концептов POLITICAL CONFLICT, SOCIAL CONFLICT, ECONOMIC CONFLICT доказывают, что в экономическом медиадискурсе между названными концептами могут возникнуть следующие типы взаимодействия: ситуация в политической сфере может привести к возникновению проблем в социальной сфере. В свою очередь, конфликт в экономике также приводит к противоречиям в социальной сфере. Особую зону взаимовлияния концептов составляет когнитивный блок, отображающий неустойчивое состояние социальной и политической сфер, негативно сказывающихся на экономической сфере.

8. Что касается взаимодействия концептов ECONOMIC CONFLICT и COUNTRY, то, как было установлено, оно осуществляется посредством взаимопроникновения когнитивных признаков. Обнаружено, что к числу когнитивных признаков как индикаторов взаимодействия концептов относится классификационный признак «участник экономического конфликта», конкретизированный дифференциальными когнитивными признаками «государство как основной участник экономического конфликта», «посредник экономического конфликта», «группа поддержки в экономическом конфликте», «эпизодический участник экономического конфликта».

9. Таким образом, единая когнитивная модель экономического конфликта в ее реализации в англоязычных медиатекстах названного периода может быть представлена как модель концепта ECONOMIC CONFLICT в ее взаимодействии с рядом моделей других концептов, подпитывающих и детерминирующих ее. Несомненно, что число подобных концептов может быть увеличено, что свидетельствует о перспективных возможностях в исследовании темы настоящей диссертации и ее значительных ресурсах в раскрытии того, как в англоязычном медиадискурсе фиксируется существующее на данный момент в обществе понимание экономического конфликта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертации на материале англоязычного издания “The Financial Times” 2017–2019 гг. осуществлено исследование концепта ECONOMIC CONFLICT с помощью метода когнитивного моделирования. Модель данного концепта в совокупности с взаимосвязанными с ней моделями других концептов была в итоге представлена в виде целостного образования, многослойного конструкта, репрезентированного в англоязычном экономическом медиадискурсе.

Ключевым понятием в диссертации выступило понятие когнитивной модели, которое ввиду широкого применения в современной лингвистике характеризуется отсутствием однозначного понимания. Учитывая теоретические положения отечественных и зарубежных исследователей, релевантные для настоящего исследования, была сформулирована точка зрения, согласно которой под когнитивной моделью понималась сконструированная ментальная репрезентация объекта действительности, формируемая на базе доступных наблюдений и генерирующая новые знания о нем. Представляется возможным дифференцировать модель концепта как исследовательскую модель и как инструмент исследования концепта. Важность и актуальность построения модели для раскрытия содержания концепта обусловлены его подвижностью и динамичностью. В процессе исследования большое внимание было уделено самым разнообразным лингвистическим аспектам.

В диссертации была разработана процедура поэтапного моделирования, в соответствии с которой были построены модели концептов англоязычного медиадискурса, участвующих в репрезентации экономического конфликта. На первом его этапе была осуществлена выборка лексических единиц на материале авторитетных англоязычных лексикографических источников, затем были выделены базовые когнитивные признаки, установлено семантическое наполнение выделенных лексем. На втором этапе с помощью репрезентативной выборки было проанализировано вербальное наполнение ядра, ближней и дальней периферии исследуемого концепта во фрагментах англоязычных медиатекстов.

На третьем этапе при анализе средств экспликации концепта были выделены когнитивные классификационные признаки и когнитивные дифференциальные признаки. В рамках заключительного этапа была проведена интерпретация выделенных лексем и словосочетаний для определения потенциала репрезентации концепта. Итогом процедуры моделирования стало словесное и, при наличии возможности, графическое представление концепта. Анализ позволяет сделать вывод о том, что данный метод научного познания окружающей действительности можно считать эффективным в отношении недоступных непосредственному наблюдению объектов.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что предлагаемая схема когнитивного моделирования исходила из рассмотрения экономического конфликта в англоязычном медиадискурсе как референта, находившегося под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. В число рассмотренных нами факторов помимо языковых факторов вошли те, которые оказывают влияние на оценку экономического конфликта (фактор субъективности), зависят от хода событий (фактора событий текущего момента). Они фиксируют развитие экономического конфликта в доступном для наблюдения временном диапазоне (диахронический фактор), приводят к более глубокой интерпретации прецедентных феноменов, репрезентирующих экономический конфликт (культурологический фактор). В исследовании сделан особый акцент на важности учета внеязыковых факторов в процессе моделирования концептов, поскольку это позволило не только восполнить пробелы знаний экономики, но и значительно облегчило процесс интерпретации событий, нашедших свое отражение на страницах англоязычных медиатекстов.

Когнитивный подход к исследованию англоязычного медиадискурса позволил получить следующие результаты. Англоязычный экономический медиадискурс, представляющий собой особый тип дискурса, представлен в работе как совокупность экономических медиатекстов, характеризующихся открытостью, постоянной обновляемостью и доступностью широкому кругу лиц. Исследование медиатекстов на английском языке подтвердило тот факт, что

экономика с происходящими в ней конфликтами представляет собой сферу жизни человека, в которой особенно ярко проявляется языковая динамика.

Разработанные в диссертационной работе новые положения о моделировании концептов позволили изучить языковые средства экспликации экономического конфликта на уровне лексем и словосочетаний. Говоря о вербальных свойствах концепта ECONOMIC CONFLICT, следует заключить, что в проанализированных медиатекстах издания “The Financial Times” ввиду низкой частотности употребления лексемы “*conflict*” модель концепта создается использованием тематически близкой и в то же время негативно окрашенной лексики.

Подводя итоги моделирования концептов, можно утверждать, что, выделенный в модели концепта ECONOMIC CONFLICT классификационный когнитивный признак «форма проявления экономического конфликта» позволил охарактеризовать экономический конфликт 2017 г. как *conflict of interest, disruption, clash, confrontation, tension, battle, fight, dispute, debate, conflicting message, turmoil*. Ближняя периферия модели 2018 г. была охарактеризована как *war, conflict of interest, tension, dispute, debate, battle, disruption, clash, crash, issue, friction, turmoil, contradiction*. Модель концепта ECONOMIC CONFLICT 2019 г. объективировала исследуемое явление объективной действительности как *war, tension, battle, dispute, disruption, uncertainty, hostility, challenge, confrontation*.

Важную роль в процедуре моделирования заняло метафорическое моделирование. Экспликация коннотаций в большинстве случаев с отрицательным прагматическим потенциалом позволила охарактеризовать дальнюю периферию модели концепта ECONOMIC CONFLICT как *storm, disaster, catastrophe, fuel the fire, recovery, trigger* в 2017 г., *storm, disaster, unhealthy, pain, hangover, recovery, thorny, trigger, flirt, rivalry, competition* в 2018 г., и *ocean, wave, squall, weakness, disease, poison, remedy, recovery, bite, competition, play, contest, game, rivalry, appetite* в 2019 г.

Объединив данные, обнаруженные в ходе исследования англоязычных медиатекстов 2017–2019 гг., можно утверждать, что моделирование концептов на

уровне словосочетаний значительно расширило модель концепта ECONOMIC CONFLICT посредством классификационных когнитивных признаков «характер развития экономического конфликта» и «продолжительность экономического конфликта». Заслуживает быть отмеченным преобладание атрибутивных словосочетаний с базовой лексемой “*conflict*”. Посредством экспликативных синтагм с атрибутивным комплексом ядро модели концепта окуталось новыми признаками и, вместе с тем, расширило вербальную основу модели. Зафиксированное частотное апеллирование к словосочетанию “*trade war*” указало на сужение модели концепта ECONOMIC CONFLICT до торговых войн. Вместе с тем, торговая война, о которой так много говорилось в проанализированных выпусках англоязычного издания “The Financial Times”, представила собой лишь одну из сторон, присутствующих в модели концепта ECONOMIC CONFLICT, поскольку в медиатекстах освещались также экономические конфликты в сфере цифрового пространства, безопасности, информационных технологий.

Анализ функционирования и взаимодействия языковых единиц, репрезентирующих экономический конфликт, указал на тот факт, что концепт ECONOMIC CONFLICT не существует в изоляции. В соответствии с вышесказанным в настоящем исследовании впервые был поставлен вопрос об установлении взаимодействия концептов ECONOMIC CONFLICT с концептами, актуализирующими экономический кризис, политику, социальную сферу и государство в аспекте когнитивного моделирования. Анализ полученных данных позволяет констатировать, что взаимодействие концептов ECONOMIC CONFLICT и ECONOMIC CRISIS, относящихся к сфере экономики, осуществлялось на уровне прямых и переносных номинаций. Концепты ECONOMIC CONFLICT и POLITICS с его смежными концептами взаимодействовали как на уровне подтекста, так и на лексическом уровне посредством интердискурсивных включений. Взаимодействие двух концептов ECONOMIC CONFLICT и SOCIAL CONFLICT фиксировалось на уровне лексем, однако в ряде случаев взаимосвязь удавалось обнаружить лишь посредством

привлечения третьего концепта. Еще один тип взаимодействия, в частности, обмен когнитивными признаками, проявился при взаимодействии концептов ECONOMIC CONFLICT и COUNTRY.

Основной вывод работы заключается в том, что в англоязычном медиадискурсе концепт ECONOMIC CONFLICT предстал в виде сложного и многослойного лингвистического феномена, вербализованного богатейшим арсеналом средств английского языка. Обнаружить структуру концепта, а также взаимосвязи с другими концептами представилось возможным только лишь при построении их моделей. Центральным компонентом такой модели экономического конфликта выступила модель концепта ECONOMIC CONFLICT, и вокруг нее сгруппировались модели концептов POLITICS, POLITICAL CONFLICT, ECONOMIC CRISIS, SOCIAL CONFLICT, SOCIO-ECONOMIC CONFLICT, COUNTRY.

Рассмотрение доступной нам совокупности средств репрезентации вышеуказанных концептов, а также учет экстралингвистической информации, в частности, форм проявления экономического конфликта, взаимосвязи экономического конфликта с кризисом, политикой, социальной сферой, роли участников экономического конфликта, позволило построить исследовательскую модель, которая приблизила нас к концепту экономического конфликта как ментальной единице англоязычной лингвокультуры.

Таким образом, в работе был сделан вывод о том, что системное и комплексное изучение концептов англоязычного медиадискурса с помощью метода когнитивного моделирования открывает возможность создания четкого представления об актуализации концепта ECONOMIC CONFLICT, а также процессах, происходящих в английском языке на современном этапе. При подведении итогов исследования намечаются его дальнейшие перспективы, которые заключаются в изучении других типов англоязычного медиадискурса с позиции лингвокогнитивного моделирования. Исследование избранной проблематики может быть также продолжено в сопоставительном плане на

материале разных языков с учетом конвергентных и дивергентных лингвокультурных характеристик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрашкин, М. В. Когнитивные стратегии и когнитивное моделирование текста (на материале англоязычного правового документа) [Электронный ресурс] / М. В. Абрашкин // Огарёв-Online. – 2014. – № 13 (27). – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/kognitivnye-strategii-i-kognitivnoe-modelirovanie-teksta-na-materiale-angloyazychnogo-pravovogo-dokumenta> (дата обращения 27.10.2019).

2. Андрюхина, Т. В. Контекстуальные факторы метафорического моделирования в экономическом дискурсе / Т. В. Андрюхина // Филологические науки в МГИМО. – 2019. – № 19 (3). – С. 5–13.

3. Андрюхина, Т. В. Концептуальная метафора и развитие когнитивной компетенции студентов-международников / Т. В. Андрюхина // Филологические науки в МГИМО. – 2018. – № 2 (14). – С. 101–111.

4. Андрюхина, Т. В. Метафора в экономическом дискурсе / Т. В. Андрюхина // Филологические науки в МГИМО. – 2011. – № 45 (60). – С. 6–20.

5. Антонова, Т. Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: пространственные метафоры / Т. Г. Антонова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 5–12.

6. Антонова, Т. Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: ключевые дискурсивные метафоры / Т. Г. Антонова // Язык и культура. Приложение. – 2013. – № 2. – С. 5–18.

7. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1996. – 305 с.

8. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. – 86 с.

9. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж : Ритм, 2018. – 229 с.

10. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1996. – 104 с.

11. Балан, В. П. Теоретические основы управления в организациях : Учебное пособие для вузов / В. П. Балан, А. В. Душкин, В. И. Новосельцев и др.; Под редакцией профессора В. И. Новосельцева. – М. : Горячая линия – Телеком, 2016. – 244 с.

12. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.

13. Баранов, Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России : Курс лекций / Н. А. Баранов. – В 3-х ч. – СПб. : БГТУ, 2004. – 480 с.

14. Безбородникова, Е. В. Особенности языкового моделирования в англоязычном политическом медиадискурсе / Е. В. Безбородникова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 4 (28). – С. 29–35.

15. Белов, Е. С. Метафорическое моделирование внешнеполитического дискурса России и США : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Белов Евгений Сергеевич. – Екатеринбург, 2011. – 21 с.

16. Белова, Е. Е. О многообразии проявлений категории интертекстуальности (на материале английского языка) / Е. Е. Белова // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Том 1. – № 6. – С. 147–150.

17. Белоглазова, Е. В. Дискурсная гетерогенность литературы для детей : когнитивный и лингво-прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Белоглазова Елена Владимировна. – СПб, 2010. – 41 с.

18. Белоусов, К. И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности / К. И. Белоусов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 11 (117). – С. 94–97.

19. Бенвенист, Э. О. Субъективности в языке / Э. О. Бенвенист // *Общая лингвистика*. – М., 1974. – С. 292–300.
20. Берестнев, Г. И. О «новой реальности языкознания» / Г. И. Берестнев // *Филологические науки*. – 1997. – С. 47–56.
21. Богуславская, В. В. Моделирование текста : лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов / В. В. Богуславская. – Изд. 2-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 280 с.
22. Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2016. – № 4. – С. 10–20.
23. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
24. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев // Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – Изд. 2-е, стер. – 123 с.
25. Борисенкова, Л. М. Лингвистическое конструирование в сфере словообразования: когнитивный аспект / Л. В. Борисенкова // *Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал*. – 2013. – № 33. – С. 1–7.
26. Бочарникова, Е. А. Интердискурсивное взаимодействие как основа формирования и представления специальных знаний / Е. А. Бочарникова // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. – 2011. – № 2 (52). – С. 121–128.
27. Бочарникова, Е. А. Особенности репрезентации экономических концептов посредством интердискурсивного взаимодействия (на примере концепта РЕЦЕССИЯ) / Е. А. Бочарникова // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2012. – № 4 (33). – С. 24–30.
28. Буренкова, С. В. Фрейм как способ моделирования фрагментов поля в идеографической лексикографии (на материале лексико-семантической группы «неуклюжесть») / С. В. Буренкова // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2009. – № 2 (19). – С. 73–81.

29. Васьбиева, Д. Г. Интердискурсивный характер метафоры современного англоязычного экономического дискурса (на примере статей журнала “The Economist”) / Д. Г. Васибева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5-1 (83). – С. 64–67.

30. Ветрова, Е. А. Экономическая конфликтология / Е. А. Ветрова, Е. Е. Кабанова. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. – 356 с.

31. Влавацкая, М. В. Когнитивный и психолингвистический аспекты изучения сочетаемости слов : трансформация синтагматических структур / М. В. Влавацкая // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2013. – № 3 (24). – С. 64–72.

32. Влавацкая, М. В. Коннотативно-синтагматический анализ как метод лингвистического исследования / М. В. Влавацкая // Известия Южного федерального университета. – Филологические науки. – 2014. – № 2. – С. 70–79.

33. Волошкина, И. А. Метафорическая категоризация мира как когнитивный механизм моделирования фразеологической семантики / И. А. Волошкина // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 443–445.

34. Гайнаншин, М. Ф. Интердискурсивный характер смыслового развертывания кореферентных метафор / М. Ф. Гайнашин, З. З. Чанышева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 1. – С. 43–56.

35. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.

36. Герасина, Т. Н. Метафорическая модель экономического кризиса как продукт национальной культуры / Т. Н. Герасина, А. М. Погорелко // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 183–188.

37. Городецкий, Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. XXIV. – С. 5–31.

38. Господарик, Ю. П. Международная экономическая безопасность / Ю. П. Господарик. – М. : Университет «Синергия», 2017. – 416 с.

39. Гусева, А. Е. Лингвокогнитивное моделирование как понятие и явление / А. Е. Гусева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008а. – № 2 (15). – С. 126–131.
40. Гусева, А. Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Гусева Алла Ефимовна. – М., 2008б. – 489 с.
41. Гусева, А. Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках / А. Е. Гусева // М-во образования Московской обл., Московский гос. обл. ун-т. – Москва : Изд-во МГОУ, 2007. – 362 с.
42. Гусякова, А. В. Теоретические основы моделирования медиадискурса : монография / А. В. Гусякова. – М. : Изд-во РУДН, 2014. – 182 с.
43. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
44. Демешкина, Т. А. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Т. А. Демешкина, Н. А. Верхотурова, Л. Б. Крюкова, Н. В. Курикова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – 194 с.
45. Денисов, П. Н. Принципы моделирования языка / П. Н. Денисов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 208 с.
46. Добросклонская, Т. Г. Моделирование информационных процессов в современном медиaprостранстве / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. – Серия 10 : Журналистика, 2015. – № 4. – С. 3–15.
47. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов : Опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. – Изд. 3-е. – М. : КРАСАНД, 2010. – 288 с.
48. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская, М. : 2008. – 203 с.
49. Дорофеева, И. В. Моделирование в лингвистике / И. В. Дорофеева // Материалы XIV Международной научно-практической конференции

«Татищевские чтения : актуальные проблемы науки и практики». Гуманитарные и социальные науки, образование. В 4-х томах. – Том 3. – Тольятти : Волжский университет имени В. Н. Татищева, 2017. – С. 238–244.

50. Дорофеева, И. В. Общенаучный метод моделирования и специфика его применения в лингвистике / И. В. Дорофеева // Вестник Московского института лингвистики. – 2015. – № 9 (9). – С. 40–45.

51. Евтушина, Т. А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования / Т. А. Евтушина, Н. А. Ковальская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 6 (335). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 88. – С. 42–46.

52. Екшембеева, Л. В. Когнитивное моделирование ментального пространства текста / Л. В. Екшембеева // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 14. – С. 276–281.

53. Емельянов, С. М. Практикум по конфликтологии / С. М. Емельянов. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. : 2009. – 384 с.

54. Желтухина, М. Р. Метафорические модели в рамках метафорического моделирования «развлечения» – «война» в современном английском, немецком и русском медиадискурсе / М. Р. Желтухина, Т. Д. Магомадова // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики : сущность, концепции, перспективы : Материалы IV Международной научно-практической конференции; под редакцией Л. А. Миловановой. – 2015. – С. 206–210.

55. Жеребило, Т. В. Теория языковых моделей (краткая характеристика). Использование метода моделирования в стилистике / Т. В. Жеребило // *Lingua-universum*. – 2007. – № 1. – С. 48–50.

56. Замедлина, Е. А. Конфликтология : Учеб. пособие / Е. А. Замедлина. – 2-е изд. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2017. – 141 с.

57. Зиновьева, Е. И. Понятие «концепт» в отечественном языкознании : основные подходы и направления исследования / Е. И. Зиновьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 2. История, языкознание, литературоведение. – 2003. – № 2. – С. 35–44.

58. Золотарева, Е. Н. О понятии «модельная лингвистика» / Е. Н. Золотарева // Университетская наука-2009 : в 2 т. : тез. докл. междунар. науч.-техн. конф. (Мариуполь, 19-21 мая 2009 г.) / ПГТУ. – Мариуполь, 2009. – Т. 2. – С. 331–333.

59. Зорина, Ю. В. Фрейм как способ моделирования значения терминоединицы / Ю. В. Зорина // Слово в пространстве языка : материалы международной научно-практической заочной конференции. – Министерство образования и науки Российской Федерации; ГОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова». – 2011. – С. 158–162.

60. Иванова, Е. В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса : монография / Е. В. Иванова. – М. : ФЛИНТА, 2015. – 176 с.

61. Иванова, С. В. Культурологический аспект языковых единиц / С. В. Иванова. – Уфа, 2002. – 114 с.

62. Иванова, С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: спряжение парадигм : учебное пособие / С. В. Иванова. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – 152 с.

63. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация / О. Л. Каменская. – М. : Высшая школа, 1990. – 152 с.

64. Караджаев, Б. И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ / Б. И. Караджаев // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования : языки и специальность. – 2014. – № 3. – С. 40–46.

65. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

66. Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 368 с.

67. Кинякин, В. Н. Моделирование как метод научных исследований / В. Н. Кинякин, Н. В. Задохина // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С. 275–277.

68. Киреева, А. А. Фрейм как средство моделирования стереотипных ситуаций и концептуального содержания / А. А. Киреева // Университетские

чтения. – 2015 : Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – 2015. – С. 23–27.

69. Киреева, А. А. Фрейм как средство моделирования стереотипных ситуаций и концептуального содержания / А. А. Киреева // Ломоносовские чтения на Алтае : фундаментальные проблемы науки и образования : Сборник научных статей международной конференции. – Алтайский государственный университет. – 2015. – С. 2811–2814.

70. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости. Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (83). – Вып. 6. – С. 13–21.

71. Кожемякин, Е. А. Медиадискурс / Е. А. Кожемякин // Современный дискурс-анализ. Типы дискурсов : теоретические описания. – 2010. – Вып. 2. – Т. 1. – С. 72–80.

72. Коижук, Л. В. Взаимодействие концептуальных областей концептов “family” и “home”, в рамках концептосферы «межличностные отношения» / Л. В. Коижук // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2012. – № 14. – С. 91–100.

73. Кондратьева, О. Н. Метафорическое моделирование концепта «душа» в древнерусской лингвокультуре : монография / О. Н. Кондратьева; под. ред. М. В. Пименовой. – М. : Издательство «Перо», 2014. – 188 с.

74. Кострова, О. А. Когнитивное моделирование темпоральной семантики в немецком нарративном дискурсе / О. А. Кострова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2 (55). – С. 21–30.

75. Кравцова, Ю. В. Моделирование в современной лингвистике / Ю. В. Кравцова // Вісник Житомирського державного університету. – 2014. – Вип. 5 (77). – Філологічні науки. – С. 181–189.

76. Красавский, Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Красавский Николай Алексеевич. – Волгоград, 2001. – 40 с.

77. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. – ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

78. Кривцова, С. С. Метафорическое моделирование в медиадискурсе (на примере представления конфликта в СМИ) / С. С. Кривцова, Е. В. Иванова // Наука и образование : традиции и инновации : Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 80–90.

79. Крючкова, Н. В. Взаимодействие концептов как основа их варьирования / Н. В. Крючкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 10 (34). – С. 21–25.

80. Кубрякова, Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова // Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

81. Кувалдин, В. Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения : монография / В. Б. Кувалдин. – М. : Весь Мир, 2017. – 400 с.

82. Кузнецова, Ю. Г. Лингвокогнитивное моделирование и лексикографическое описание лексико-фразеологического поля «Мыслительная деятельность» : на материале современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кузнецова Юлия Геннадьевна. – М., 2017. – 24 с.

83. Куликова, Н. В. Моделирование действительности в образной основе английских фразеологических единиц : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Куликова Наталья Васильевна. – Самара, 2013. – 23 с.

84. Лагутина, А. А. Экологические концепты в аспекте их взаимодействия с концептами *Drama* и *Katastrophe* в немецкой языковой картине мира / А. А. Лагутина // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 5 (107). – С. 49–51.

85. Лебедева, М. М. Политическое урегулирование конфликтов : подходы, решения, технологии : учебное пособие / М. М. Лебедева. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 271 с.

86. Лепеньшева, А. А. К вопросу о моделировании концептов (на примере анализа концепта SURPRISE) / А. А. Лепеньшева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011.– Т. 13. – № 2 (4). – С. 961–969.

87. Лесников, С. В. Фреймовое конструирование тезауруса метаязыка лингвистики / С. В. Лесников // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4. – С. 84–88.

88. Лосев, А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А. Ф. Лосев. – М. : Наука, 1968. – 296 с.

89. Магировская, О. В. Перспективы когнитивных исследований дискурса / О. В. Магировская // Вестник Челябинского государственного университета. – Филология. Искусствоведение. – Вып. 88. – 2014. – № 6 (335). – С. 151–154.

90. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДКГ «Гнозис», 2003. – 252 с.

91. Малгатаева, М. М. Взаимодействие концептов SYMPATHIE и ERFOLG в немецком массмедийном дискурсе / М. М. Малгатаева // Исследования и разработки в перспективных научных областях : сборник материалов I Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С.Чернова. – Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2017. – С. 78–81.

92. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие [Электронный ресурс] / В. А. Маслова. – 7-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2016. – 296 с. – Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785893497489.html> (дата обращения 12.05.2020).

93. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 266 с.

94. Микаелян, М. Е. К вопросу о принципах и механизмах моделирования структуры концепта / М. Е. Микаелян // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 1. – С. 103–107.

95. Милевская, Т. В. Связность как категория дискурса и текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.01 / Милевская Татьяна Валентиновна. – Ростов-на-Дону, 2003. – 390 с.
96. Мингалева, О. В. Метафорические модели политического дискурса / О. В. Мингалева // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 3. – С. 209–210.
97. Минский, М. Фреймы для представления знаний : Пер. с англ. / М. Минский – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
98. Мишанкина, Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Мишанкина Наталья Александровна. – Томск, 2010. – 43 с.
99. Мишанкина, Н. А. Специфика метафорического моделирования научного дискурса / Н. А. Мишанкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1 (22). – С. 37–46.
100. Муратова, С. В. Номинальный стиль как отражение тенденций развития структуры современного немецкого языка / С. В. Муратова // Актуальные направления научных исследований : от теории к практике : материалы X Междунар. науч.-практич. конф. Чебоксары, 18 декабря 2016 г. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс». – 2016. – № 4 (10). – С. 16–18.
101. Недобега, Е. А. Социально-экономические конфликты в современном обществе / Е. А. Недобега // Вестник НГУЭУ. – 2013 – С. 191–199.
102. Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – 423 с.
103. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – 2-е изд. дополн. – М. : Эдитус, 2013. – 282 с.
104. Ольшанский, И. Г. Категориальная лексикология и функциональная стилистика / И. Г. Ольшанский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 554. – С. 81–89.

105. Ольшанский, И. Г. О соотношении категории и концепта / И. Г. Ольшанский // Германистика : состояние и перспективы развития / Тезисы докл. Международной конференции, посвященной памяти проф. О. И. Москальской, 24-25 мая 2004. – М. : МГЛУ, 2004. – С. 106–109.

106. Панкина, М. Ф. Моделирование как метод познания в лингвистике / М. Ф. Панкина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1 (1). – С. 98–102.

107. Перевощикова, Д. А. Основные факторы прогнозирования социально-экономических конфликтов / Д. А. Перевощикова // Вестник Удмуртского Университета. Экономика и права. – 2009. – № 1. – С. 72–75.

108. Перов, Е. В. Концепция конфликтогенности общества / Е. В. Перов, М. Б. Перова // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. – 2014. – № 12 (72). – С. 43.

109. Петушинская, Е. Г. Язык популярного экономического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Петушинская Елена Геннадьевна. – М., 2008. – 27 с.

110. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 176 с.

111. Пискунова, Л. П. Экономическая конфликтология / Л. П. Пискунова. – Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2007. – 150 с.

112. Плеханов, С. В. Инвестиционный процесс в сфере инфраструктуры: проблемы госрегулирования в условиях глобализации : Монография / С. В. Плеханов. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. – 320 с.

113. Плотникова, А. М. Социальная сфера жизни человека в словаре концептов / А. М. Плотникова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3 (33). – С. 522–525.

114. Поветкина, Ю. В. Моделирование как метод лингвистического исследования / Ю. В. Поветкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6. – С. 132–136.

115. Политическая экономия (экономическая теория) : Учебник / Под общ. ред. д. э. н., проф. В. Д. Руднева. – 3-е изд. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. – 856 с.

116. Полканова, А. А. Понятие «конфликт» в лингвистике : основные подходы к его изучению / А. А. Полканова // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – Москва : Рема, 2010. – № 584. – С. 198–206.

117. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2010. – 314 [6] с.

118. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 191 с.

119. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 2., перераб. и доп. – Воронеж : изд-во «Истоки». – 2007. – 250 с.

120. Ремхе, И. Н. К вопросу о когнитивном моделировании переводческого процесса : мыслить как специалист, переводить как эксперт / И. Н. Ремхе // Когнитивное моделирование. Труды Четвертого Международного форума по когнитивному моделированию. В 2-х частях. – 2016. – С. 203–212.

121. Ремхе, И. Н. Переводческий процесс в аспекте когнитивного моделирования [Электронный ресурс] / И. Н. Ремхе – М. : ФЛИНТА, 2015. – Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976522404.html> (дата обращения 10.06.2019).

122. Ремхе, И. Н. Статус модели в лингвистических науках и ее реализация в когнитивном моделировании языка / И. Н. Ремхе // Вестник Челябинского госуд. ун-та. – 2007. – Вып. 8. – С. 94–98.

123. Романова, Т. В. Моделирование как метод верификации в когнитивной лингвистике / Т. В. Романова // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 16. – С. 322–327.

124. Савицкий, В. М. Английская фразеология : проблемы моделирования : монография / В. М. Савицкий; Науч. ред. Л. И. Устинова. – Самара : Самар. ун-т, 1993. – 171 с.

125. Савицкий, В. М. Социокультурный компонент модели порождения речи / В. М. Савицкий // Язык. Культура. Коммуникация : изучение и обучение : Материалы III Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 107–112.

126. Скрипникова, Н. Н. Когнитивный подход к моделированию публицистического дискурса (факт и оценка) / Н. Н. Скрипникова // Проблемы массовой коммуникации на рубеже тысячелетий : Материалы научно-практической конференции «Коммуникации в современном мире». – 2001. – С. 117–118.

127. Степанов, Ю. С. Семиотика концептов / Ю. С. Степанов // Семиотика : Антология. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 702 с.

128. Степанова, Н. В. Актуализация концептуальной метафоры *crisis is illness* в экономических медиатекстах / Н. В. Степанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017а. – № 6 (72) : в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 156–159.

129. Степанова, Н. В. Моделирование концепта FEAR в кризисном дискурсе / Н. В. Степанова // Актуальные проблемы языкознания. – 2017б. – Т. 1. – С. 196–201.

130. Стернин, И. А. Психолингвистика и концептология / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 5. – С. 33–40.

131. Суралева, Е. Н. Использование методов когнитивного моделирования в исследовании этнокультурных концептов (на примере концепта ‘mobilitat’) / Е. Н. Суралева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 65–71.

132. Таратынова, Т. В. Метафорическое моделирование российских и американских выборов в немецких СМИ (2008 г.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Таратынова Татьяна Вячеславовна. – Екатеринбург, 2012. – 22 с.

133. Тлисова, С. М. Антропоморфная метафора как инструмент категоризации в преподавании английского языка для специалистов в сфере экономики и финансов / С. М. Тлисова, Г. И. Аубекова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – С. 226–231.

134. Уткина, Т. И. Метафорическое моделирование концепта «Наличные деньги» в экономическом дискурсе / Т. И. Уткина // Филология и культура. – 2015. – № 4 (42). – С. 157–163.

135. Федотова, О. С. Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях / О. С. Федотова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 4 (46) : в 2-х ч. Ч. II. – С. 199–202.

136. Филлипс, Л. Дискурс анализ : теория и метод : пер. с англ. / Л. Филипс, М. В. Йоргенсен; под ред. А. А. Киселевой. – Харьков : Изд-во Гуманитарного центра, 2004. – 336 с.

137. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 52–92.

138. Формирование факторов развития инновационно-инвестиционной деятельности компаний базовых отраслей экономики для повышения их конкурентоспособности : монография / колл. авт. под ред. проф. Тютюкиной Е. Б. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2014. – 213 с.

139. Хабибуллина, С. Б. Когнитивный подход в моделировании языка / С. Б. Хабибуллина // Наука, образование, общество : проблемы и перспективы развития : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – 2014. – С. 138–140.

140. Хараева, Л. Х. Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разносистемных языках : на материале французского и кабардино-черкесского языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Хараева Лариса Ханбиевна. – Махачкала, 2007. – 50 с.

141. Хачмафова, З. Р. Метафорическое моделирование образа политика в медиадискурсе / З. Р. Хачмафова, Н. В. Погребняк // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. – 2018. – № 4 (227). – С. 112–116.

142. Черникова, А. Э. Проблемы когнитивного моделирования во фразеологии / А. Э. Черникова // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 21. – С. 525–527.

143. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.

144. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : Сб. науч. тр. – Спб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов. – 2001. – С. 11–22.

145. Чернявская, В. Е. Лингвистика теста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта: Наука, 2013. – 208 с.

146. Шабанова, Т. А. Метафорическое моделирование лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в феминистском дискурсе России и США : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Шабанова Татьяна Андреевна. – Екатеринбург, 2013. – 23 с.

147. Шацкая, Ж. Ю. Взаимодействие концептов «Мода», «Стиль» и «Fashion», «Style» в русской и английской картинах мира / Ж. Ю. Шацкая // Казанская наука. – 2011. – № 3. – С. 103–105.

148. Широкова, И. А. Опыт концептуального анализа на примере понятий любовь-ненависть в русском и немецком языках [Электронный ресурс] / И. А. Широкова // Languages & Literatures. Лингвистика. – Вып. 22. – Тюменский

государственный университет. – 2008. – Режим доступа: <http://frgf.utmn.ru/mag/22/48> (дата обращения 01.09.2018).

149. Ширяева, Т. А. Когнитивная модель делового дискурса / Т. А. Ширяева. – Пятигорск : ПГЛУ, 2006. – 256 с.

150. Ширяева, Т. А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ширяева Татьяна Александровна. – Краснодар, 2008. – 50 с.

151. Шнякина, Н. Ю. Моделирование ситуации познания запаха (на материале немецкого языка) / Н. Ю. Шнякина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – Т. 11. – 2014. – № 2. – С. 52–61.

152. Шнякина, Н. Ю. Этапы моделирования событийного концепта (на примере вербализованной ситуации познания запаха) / Н. Ю. Шнякина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 434.

153. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 304 с.

154. Экономическая социология: от классики к современности : антология / сост., авт. введ., библиограф. сведений и коммент. Г. Н. Соколова. – Минск : Беларуская навука, 2016. – 441 с.

155. Яковлева, Е. А. Вербализация концепта «ИНТЛЕЛЛЕКТ» в английском языке (на материале фразеологических единиц и пословиц) / Е. А. Яковлева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2007. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 178–184.

156. Adger, D. Formal models in linguistics : semantics [Электронный ресурс] / D. Adger. – 2002. – Режим доступа: <https://www.llas.ac.uk/resources/gpg/407.html> (дата обращения 25.08.2018).

157. Chown, E. Cognitive Modeling / E. Chown // Computer Science Handbook; In Allen B. Tucker (ed.). – Chapman & Hall, 2004. – P. 1663–1675.

158. Croft, W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D. A. Cruise. – Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.

159. Evans, V. *Cognitive Linguistics. An Introduction* / V. Evans, M. Green. – Edinburgh University Press. – 2006. – 830 p.

160. Fairclough, N. *Language and Power* / N. Fairclough. – 2nd edition. – L. – Longman, 2001. – 255 p.

161. Fauconnier, G. *Conceptual integration networks* / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive Science*, 1998. – N 22(2). – P. 133–187.

162. Fillmore, Ch. J. *Frames and the semantics of understanding* / Ch. J. Fillmore // *Quaderni di semantic*, 1985. – VI. – P. 222–254.

163. Fritz, G. *Beitrage zur Texttheorie und Diskursanalyse* / G. Fritz. – Gißener Elektronische Bibliothek, 2016. – 256 S.

164. Herrera-Soler, H. *Metaphor and Mills. Figurative language in business and economics* / H. Herrera-Soler, M. White. – Berlin / Boston : Mouton de Gruyter, 2012. – P. 27–48.

165. Kistanova, O. *Modeling as a method of describing the lexical meaning structure* / O. Kistanova, V. Savitsky, V. Dobrova, E. A. Gashimov, L. Nurtdinova // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference “Current issues of linguistics and didactics : The interdisciplinary approach in humanities (CILDIAH 2017)”*. – 2017. – P. 125–130.

166. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind* / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

167. Lewis, R. L. *Cognitive modeling, symbolic* [Электронный ресурс] / R. L. Lewis // *The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences* ; In R. Wilson and F. Keil (eds.). – Cambridge, MA : MIT Press, 1999. – Режим доступа: <https://vision.unipv.it/IA/mitecs-article.pdf> (дата обращения 08.12.2019).

168. Musolff, A. *What can Metaphor Theory contribute to the study of political discourse?* / A. Musolff // *The Languages of Politics* ; In M. Degani, P. Frassi and M. I. Lorenzetti (eds.). – Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, 2016. – Vol. 1. – P. 9–28.

169. Nefdt, R. M. Linguistic modelling and the scientific enterprise / R. M. Nefdt // *Language Sciences*. – 2016. – Vol. 54. – P. 43–57.

170. Pew, R. W. Representing Human Behavior in Military Simulations : Interim Report. Panel on Modeling Human Behavior and Command Decision Making : Representations for Military Simulations / R. W. Pew, A. S. Mavor. – Washington, DC : National Academy Press, 1997. – 53 p.

171. Pragglejaz Group. MIP : A method for identifying metaphorically used words in discourse / Pragglejaz Group // *Metaphor and Symbol*. – Vol. 22 (1) – 2007. – P. 1–39.

172. Pullum Geoffrey, K. The Evolution of Model-Theoretic Frameworks in Linguistics / K. Geoffrey Pullum // *Modal-theoretic syntax at 10 – Proceedings of the ESSLLI 2007 MTS@10 Workshop, August 13–17, 1–10* ; In James Rogers & Stephen Kepser (eds.). – Dublin : Trinity College Dublin.

173. Rotgé, W. Model/Models in linguistics [Электронный ресурс] / W. Rotgé, 2002. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/asp/1574> (дата обращения 15.06.2018).

174. Shevchenko, V. D. Realization of “FOOD AS A SOURCE OF HEALTH” Cognitive Model / V. D. Shevchenko // *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. – 2020. – no 4. – P. 62–68.

175. Shevchenko, V. D. Specifics of food-related cognitive models in the British media discourse / V. D. Shevchenko // *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. – 2019. – no 3. – P. 88–95.

176. Shiryayeva, T. A. The cognitive modeling of business discourse / T. A. Shiryayeva // *Creative Innovations and Innovative Creations*. – Pjatigorsk, 2009. – P. 63–65.

177. Sun, R. Introduction to Computational Cognitive Modeling. The Cambridge Handbook of Computational Psychology / R. Sun. – Cambridge University Press, 2008. – P. 3–19.

178. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy // *Concept Structuring Systems. Volume 1*. – The MIT Press, 2000. – P. 104–118.

179. Taylor, J. R. *Linguistic Categorization* / J. R. Taylor. – 3rd edition. – Oxford University Press, 2003. – 328 p.

180. Tsohatzidis, J. *Meaning and prototypes. Studies in linguistic categorization* / J. Tsohatzidis. – London : Routledge, 1990. – P. 521–534.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Том 1. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 352 с.
2. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Том 5. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 349 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136–137.
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : КомКнига, 2005. – 571 с.
5. Булыгина, Т. В. Модель / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М., 1998. – С. 304–305.
6. Глоссарий по информационному обществу / Под общ. ред. Ю. Е. Хохлова, 2009. – М. : Институт развития информационного общества. – 160 с.
7. Кубрякова, Е. С. Синтагматика / Е. С. Кубрякова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 447–448.
8. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. – Режим доступа: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/sintagmatika/563> (дата обращения 15.06.2018).
9. Современный словарь по конфликтологии [Электронный ресурс] / науч. ред. В. А. Светлов. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 432 с. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/reader/book/91014/#2> (дата обращения 29.04.2020).
10. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – С. 42–67.
11. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 04.09.2020).

12. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения 01.09.2018).

13. Chamber's Twentieth Century Dictionary of the English Language [Электронный ресурс] / ed. by Rev. Thomas Davidson. – London : W. & R. CHAMBERS, 1903. – 1208 p. – Режим доступа: <https://archive.org/details/chambersstwentie00daviiala/page/6> (дата обращения 11.10.2018).

14. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/submission/search/2/83> (дата обращения 11.10.2018).

15. Concise Oxford English Dictionary : Main edition. 12th Edition. – Oxford University Press, 2011. – 1682 p.

16. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения 04.09.2020).

17. iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения 04.09.2020).

18. Lexico powered by Oxford [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexico.com/> (дата обращения 26.09.2019).

19. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 11.10.2018).

20. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения 11.10.2018).

21. Macmillan English Dictionary for advanced users / Gwyneth Fox, Michael Rundell. – Macmillan Education, 2007. – 1854 p.

22. Merriam-Webster's Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriamwebster.com/dictionary/> (дата обращения 11.10.2018).

23. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 05.10.2019).

24. Online Library of Liberty [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oll.libertyfund.org/pages/did-bastiat-say-when-goods-don-t-cross-borders-soldiers-will> (дата обращения 25.09.2019).

25. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения 01.09.2018).

26. Oxford Reference [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199539536.001.0001/acref-9780199539536-e-650> (дата обращения 25.09.2019).

27. Quote Investigator [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quoteinvestigator.com/2014/01/12/history-rhymes/> (дата обращения 25.09.2019).

28. Thesaurus.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thesaurus.com/> (дата обращения 26.09.2019).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. A return to prudence: how to restore faith in accounting // The Financial Times. – August 29, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/de183f62-a9fb-11e8-89a1-e5de165fa619> (дата обращения 06.08.2019). – FT 1.

2. Accountancy conflict has been going on for years // The Financial Times. – April 23, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/b3858fd2-629e-11e9-a27a-fdd51850994c> (дата обращения 11.05.2019). – FT 2.

3. An illusion of choice: the conflicts that mire the audit world // The Financial Times. – August 9, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/2085cab2-9af3-11e8-9702-5946bae86e6d> (дата обращения 14.02.2019). – FT 3.

4. Bridgewater's Dalio warns US in equality risks social conflict // The Financial Times. – April 5, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/5ed2c3ec-5777-11e9-91f9-b6515a54c5b1> (дата обращения 11.05.2019). – FT 4.

5. Central bankers and currency conflicts // The Financial Times. – July 27, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/287b0934-9185-11e8-b639-7680cedcc421> (дата обращения 31.01.2019). – FT 5.

6. China and the US: trade war or cold war? // The Financial Times. – December 6, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/fe6f63ea-f964-11e8-af46-2022a0b02a6c> (дата обращения 10.03.2019). – FT 6.

7. China courts potential allies in trade war with US // The Financial Times. – November 25, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/46b73c48-e94f-11e8-a34c-663b3f553b35> (дата обращения 02.12.2018). – FT 7.

8. China is winning the trade war with America for now // The Financial Times. – November 15, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/3535a470-e8c6-11e8-885c-e64da4c0f981> (дата обращения 02.12.2018). – FT 8.

9. Conflict over Donald Trump's trade tariffs escalates // The Financial Times. – July 9, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/5f4beb32-8365-11e8-a29d-73e3d454535d> (дата обращения 01.09.2018). – FT 9.

10. Economics failed us before the global crisis // The Financial Times. – March 20, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/28e2f9ac-2b66-11e8-9b4b-bc4b9f08f381> (дата обращения 01.09.2018). – FT 10.

11. Europe must take a stand in the Israeli-Palestinian conflict // The Financial Times. – April 14, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/84626308-5c66-11e9-840c-530737425559> (дата обращения 11.05.2019). – FT 11.

12. Global manufacturing slump deepens as trade conflict bites // The Financial Times. – July 1, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/8c87fcaa-9c17-11e9-b8ce-8b459ed04726> (дата обращения 29.08.2019). – FT 12.

13. IMF warns global economic growth will slow by 2020 // The Financial Times. – April 17, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/c5718efa-4218-11e8-93cf-67ac3a6482fd> (дата обращения 15.09.2018). – FT 13.

14. Investors are rarely won over by two-headed monsters // The Financial Times. – March 17, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/af1e1880-2233-11e8-add1-0e8958b189ea> (дата обращения 15.09.2018). – FT 14.

15. Is the next financial crisis already brewing? // The Financial Times. – September 11, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.ft.com/content/58d1ce9c-b5a2-11e8-bbc3-ccd7de085ffe> (дата обращения 15.09.2018). – FT 15.

16. Kosovo's president warns of danger of return to ethnic conflict // The Financial Times. – May 1, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/e08b7af4-6b46-11e9-a9a5-351eeaef6d84> (дата обращения 11.05.2019). – FT 16.

17. Mounting trade conflict threatens world economy, OECD warns // The Financial Times. – September 20, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/31a0958e-bcae-11e8-94b2-17176fbf93f5> (дата обращения 22.09.2018). – FT 17.

18. Oil hits 2019 high as Libya conflict escalates // The Financial Times. – April 8, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/3496a5d8-5995-11e9-9dde-7aedca0a081a> (дата обращения 11.05.2019). – FT 18.

19. Only productivity gains can resolve intergenerational conflict // The Financial Times. – May 10, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/dba37b60-52c7-11e8-b24e-cad6aa67e23e> (дата обращения 03.06.2019). – FT 19.

20. Putin says US 'economic raiding' could lead to global conflict // The Financial Times. – June 7, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/5f759d08-8925-11e9-97ea-05ac2431f453> (дата обращения 29.08.2019). – FT 20.

21. SFO director steps back from case against Barclays // The Financial Times. – October 28, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/42677edc-dac2-11e8-9f04-38d397e6661c> (дата обращения 29.08.2019). – FT 21.

22. Singapore economic growth slows to two-year low // The Financial Times. – November 22, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/51f5711a-edeb-11e8-89c8-d36339d835c0> (дата обращения: 07.09.2019). – FT 22.

23. Syrian war aggravates weaknesses in Lebanese economy // The Financial Times. – October 22, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/ace601b2-c888-11e8-ba8f-ee390057b8c9> (дата обращения 01.08.2019). – FT 23.

24. Ten years on, fresh trading risks seem to be emerging // The Financial Times. – October 1, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/16a00cba-bb41-11e8-8dfd-2f1cbc7ee27c> (дата обращения 01.08.2019). – FT 24.

25. The battles of ideology that will define our age // The Financial Times. – December 26, 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/8417bd56-e658-11e7-8b99-0191e45377ec> (01.08.2019). – FT 25.

26. The conflict between the US and China is hurting innocents // The Financial Times. – February 1, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/bff52d02-2489-11e9-8ce6-5db4543da632> (дата обращения 11.05.2019). – FT 26.

27. The fracturing of the global economic consensus // The Financial Times. – July 7, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/7f4c362e-9e73-11e9-b8ce-8b459ed04726> (дата обращения 29.08.2019). – FT 27.

28. The looming 100-year US-China conflict // The Financial Times. – June 4, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/52b71928-85fd-11e9-a028-86cea8523dc2> (дата обращения 29.08.2019). – FT 28.

29. The threat of a trade war to the global economy // The Financial Times. – July 20, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/bc651dc2-88ef-11e8-b18d-0181731a0340> (25.07.2018). – FT 29.

30. The US-China conflict challenges the world // The Financial Times. – May 21, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.ft.com/content/870c895c-7b11-11e9-81d2-f785092ab560> (дата обращения 26.08.2019). – FT 30.

31. The world economy hums as politics sours // The Financial Times. – January 9, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/5c71e534-f467-11e7-88f7-5465abce1a00> (дата обращения 15.01.2018). – FT 31.

32. US-China conflict echoes Europe's past // The Financial Times. – February 10, 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/10abdc48-2ba9-11e9-88a4-c32129756dd8> (дата обращения 11.05.2019). – FT 32.

33. Why the US-China stand-off is bad for investors // The Financial Times. – October 3, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/d23fdec0-c58a-11e8-ae3e-791a4e15cf9e> (дата обращения 26.08.2019). – FT 33.

34. World Business Newspaper “Financial Times UK”. – September 6, 2017. – № 39, 570.

35. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – April 17, 2017. – № 39, 448.

36. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – April 21, 2017. – № 39, 452.

37. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – August 29, 2019. – № 40, 181.

38. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – August 28, 2019. – № 40, 180.

39. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – February 21, 2018. – № 39, 711.

40. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – February 22, 2018. – № 39, 712.

41. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – February 23, 2018. – № 39, 713.

42. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – February 26, 2018. – № 39, 715.
43. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – February 28, 2018. – № 39, 717.
44. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – February 15, 2019. – № 40, 015.
45. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – February 13, 2019. – № 40, 013.
46. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – February 20, 2019. – № 40, 019.
47. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – February 22, 2019. – № 40, 021.
48. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – January 28, 2019. – № 39, 999.
49. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – January 24, 2019. – № 39, 996.
50. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – January 23, 2019. – № 39, 995.
51. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – January 22, 2019. – № 39, 994.
52. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – January 21, 2019. – № 39, 993.
53. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – January 17, 2019. – № 39, 990.
54. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – January 29, 2019. – № 40, 000.
55. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – January 30, 2019. – № 40, 001.
56. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – July 5, 2017. – № 39, 516.

57. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – June 23, 2017. – № 39, 506.
58. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – June 26, 2017. – № 39, 508.
59. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – June 27, 2017. – № 39, 509.
60. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – June 29, 2017. – № 39, 511.
61. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – June 29, 2017. – № 39, 511.
62. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 1, 2018. – № 39, 718.
63. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 12, 2018. – № 39, 727.
64. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 13, 2018. – № 39, 728.
65. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 14, 2018. – № 39, 729.
66. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 15, 2018. – № 39, 730.
67. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 16, 2018. – № 39, 731.
68. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 2, 2018. – № 39, 719.
69. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 21, 2018. – № 39, 735.
70. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 31, 2017. – № 39, 435.
71. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 7, 2018. – № 39, 723.

72. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 8, 2018. – № 39, 724.

73. World Business Newspaper “The Financial Times Europe”. – March 9, 2018. – № 39, 725.

74. World Business Newspaper “The Financial Times UK”. – October 3, 2017. – № 39, 593.

75. World Business Newspaper “The Financial Times UK”. – October 5, 2017. – № 39, 595.

76. World Business Newspaper “The Financial Times UK”. – September 13, 2017. – № 39, 576.

77. World Business Newspaper “The Financial Times UK”. – September 7, 2017. – № 39, 571.

78. World Business Newspaper “The Financial Times UK”. – September 8, 2017. – № 39, 572.

79. Yemen conflict creates ‘lost generation’ of children // The Financial Times. – September 16, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/f5e3115c-b1d1-11e8-8d14-6f049d06439c> (02.04.2019). – FT 34.